

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Русский интеллектуальный клуб

Стенограммы заседаний и другие материалы

Книга четвертая

Под научной редакцией

доктора философских наук, профессора

И. М. Ильинского

Проблемы национальной идеологии

Третья империалистическая война

Высшее образование для XXI века

Итоги XX века

Москва

Социум

2004

УДК 101.1:316

ББК 87. 3(2)6

P89

Издание подготовлено к публикации в Институте гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета

Русский интеллектуальный клуб: Стенограммы заседаний и другие материалы. Кн. 4 /Под науч. ред. И. М. Ильинского. — М.: Социум, 2004. — ... с.

ISBN

Издание включает стенограммы заседаний Русского интеллектуального клуба, проведенных в 2002–2003 гг. по темам: «Проблемы национальной идеологии», «Третья империалистическая война», «Высшее образование для XXI века», и стенограмму международной конференции «Итоги XX века», посвященной 80-летию А. А. Зиновьева (2002 г.). В заседаниях приняли участие видные ученые, политические и общественные деятели, эксперты по обсуждавшимся актуальным проблемам.

Для исследователей проблем современного общества, преподавателей, студентов, аспирантов вузов.

ISBN

© Московский гуманитарный
университет, 2004

Предисловие

В руках у читателя четвертая книга, содержащая стенограммы заседаний Русского интеллектуального клуба (РИК), а также стенограмму международной научной конференции «Итоги XX века», посвященной 80-летию Президента РИК Александра Александровича Зиновьева.

Русский интеллектуальный клуб, созданный в 1999 году по инициативе выдающегося русского ученого академика Никиты Николаевича Моисеева и моей, выбирает для обсуждения на своих заседаниях актуальные и трудные для анализа проблемы современной общественной жизни. Отличительная особенность этих проблем – их крупный, всемирный масштаб и первостепенная значимость для человечества.

В июне 2002 года Русский интеллектуальный клуб обсудил проблемы национальной идеологии, откликнувшись на дискуссии о русской идее, идеологии, которая сплотит россиян, перспективах идеологий в мире.

«Третья империалистическая война» - так была сформулирована тема заседания РИК, прошедшего в марте 2003 года. В каком состоянии пребывает человечество в начале XXI века? Можно ли считать, что это состояние есть состояние войны и войны империалистической? Каковы тенденции мирового развития после установления гегемонии США в международной политике? Острая дискуссия по этим вопросам идет в среде политологов, специалистов по международному праву, новейшей истории. Члены РИК и эксперты внесли свой вклад в обсуждение наиболее острых вопросов, связанных с этой темой.

На десятом заседании РИК, состоявшемся в июне 2003 года, рассматривались вопросы образования. Тема была сформулирована так: «Высшее образование для XXI века». Незадолго до заседания вышла моя книга «Образовательная революция». И книга, и обсуждение на заседании РИК, и последующие исследования Московского гуманитарного университета в этой области направлены на прояснение насущных вопросов реформирования российского образования, и прежде всего высшего. Такая реформа не может вершиться без ответа на главный вопрос – чему учить? Именно на содержании образования было сосредоточено внимание участников заседания РИК.

Вместе со стенограммами трех заседаний Русского интеллектуального клуба в данном издании публикуется стенограмма международной научной конференции «Итоги XX века», посвященной 80-летию А. А. Зиновьева, которая прошла 15 ноября 2002 года в Московском гуманитарном университете. Одним из организаторов этой конференции был Русский интеллектуальный клуб.

В заседаниях РИК и конференции «Итоги XX века» приняли участие видные ученые, политические и общественные деятели, эксперты по обсуждавшимся актуальным проблемам. Их мнение представляет большой интерес как отклик на животрепещущие вопросы современности и одновременно как вклад в развитие социальной теории, знаний о человеке и обществе.

И. М. Ильинский

вице-президент Русского интеллектуального клуба,
профессор

Восьмое
заседание

Тема: «Проблемы национальной идеологии»

26 июня 2002 года

Московская гуманитарно-социальная академия

Восьмое заседание

26 июня 2002 года,

Московская гуманитарно-социальная академия

Тема: «Проблемы национальной идеологии»

Присутствуют:

Члены Русского интеллектуального клуба:

Зиновьев Александр Александрович — президент РИК, доктор философских наук, профессор.

Ильинский Игорь Михайлович — вице-президент РИК, доктор философских наук, профессор, ректор Московской гуманитарно-социальной академии.

Алешкин Петр Федорович — писатель, секретарь Правления Союза писателей России.

Болдырев Юрий Юрьевич — государственный деятель.

Данилин Юрий Валерьевич — главный редактор журнала «Сумма технологий».

Журавлев Юрий Иванович — академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАЕН, член Испанской королевской академии, директор Института кибернетики РАН.

Фурсов Андрей Ильич — кандидат исторических наук, директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН.

Приглашенные эксперты:

Афанасьева Ольга Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры философии Московской государственной юридической академии.

Белов Петр Григорьевич — доцент Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

Гундаров Игорь Алексеевич — доктор медицинских наук, кандидат философских наук, председатель Ассоциации независимых ученых «Россия XX–XXI век», директор Общественного института демографической безопасности Фонда НИМБ.

Даниленко Игнат Семенович — доктор философских наук, профессор, генерал-майор запаса, руководитель Центра стратегических исследований Академии Генерального штаба ВС РФ.

Ивашов Леонид Григорьевич — доктор исторических наук, генерал-полковник, вице-президент Академии геополитических проблем, член Союза писателей.

Кара-Мурза Сергей Георгиевич — доктор химических наук, профессор, заведующий сектором Российского института экономики, политики и права, политолог, публицист.

Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Петров Валерий Леонидович — ученый секретарь Академии геополитических проблем.

Сапронов Владимир Владимирович — кандидат технических наук, доцент, заведующий филиалом кафедры Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, директор Института безопасности жизнедеятельности (школа-вуз) Фонда НИМБ, председатель Общественного совета по безопасности жизнедеятельности при Министерстве образования РФ.

Шершнева Леонид Иванович — президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации РФ по безопасности, генерал-майор запаса.

Стенограмма заседания

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Восьмое заседание Русского интеллектуального клуба объявляю открытым.

Повестка дня:

1. Прием в состав Русского интеллектуального клуба Л. И. Шершнева.

2. Обсуждение темы «Проблемы национальной идеологии». По этой теме предусмотрены доклады: А. А. Зиновьев «Проблемы национальной идеологии»; Л. Г. Ивашов «Национальная идея и геополитика»; С. Г. Кара-Мурза «Русская идея: реальность и фантом». В дискуссии примут участие члены Русского интеллектуального клуба и приглашенные специалисты.

Первый вопрос повестки дня — прием в состав членов Русского интеллектуального клуба Шершнева Леонида Ивановича. У вас в руках есть справка, многие его лично знают. Какие будут соображения на этот счет?

(Члены РИК высказываются по кандидатуре Л. И. Шершнева).

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Леонид Иванович много раз присутствовал на заседаниях Клуба, участвовал в его работе. У меня сомнений нет. Предлагаю принять генерала Шершнева в члены Русского интеллектуального клуба. (Проводится голосование).

Л. И. ШЕРШНЕВ

Спасибо за доверие.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Перейдем ко второму вопросу.

Тема сегодняшнего заседания клуба — «Проблемы национальной идеологии». Намечено три основных выступления. Основных не в смысле продолжительности и степени важности, а просто в смысле определения тематики обсуждения и направлений, по которым, желательно, чтобы это обсуждение прошло.

Вы все прекрасно знаете, что последние годы очень много говорится и пишется о некой национальной идее, идут поиски этой национальной идеи, потребность в ней ощущается. Однако что такое национальная идея? — здесь никакой ясности нет. Все, кто на эту тему высказываются, употребляют это выражение, но, кроме выражения «национальная идея», ничего, по сути дела, не говорится. В своем выступлении хочу высказать несколько общих суждений на тему, что такое идеология и о чем может идти речь, когда говорят о национальной идее, в каком состоянии находится тот самый объект, который называется словами «идеология», «национальная идеология», «национальная идея».

В системе социальных организаций человеческих объединений можно выделить ряд аспектов: аспект системы власти и управления, аспект хозяйствования и экономики, аспект

менталитета (связанный с определенным уровнем развития человечества). Идеология — это один из трех «китов», на которых держится всякое достаточно большое человеческое объединение.

Все присутствующие здесь достаточно хорошо помнят советское время, знают, какой вид эта третья сфера общества имела в те годы. Все прекрасно знают, что такое «советская идеология», как она была организована, что из себя представляла, а также механизм, аппарат советской идеологии и то, какую огромную роль в жизни нашей страны они играли. Когда сейчас заводят разговор о некой национальной идее, высказывают пожелания, чтобы что-то подобное появилось, то у всех в сознании маячит именно советский образец. А как обстоит дело сейчас с этим на Западе? Это мало кому практически известно, в основном в отрывочной форме, теоретически не описанной достаточно хорошо.

Несколько слов об идеологической сфере советского общества. Ядро советской идеологии — вы знаете — составляла марксистско-ленинская идеология. Особенность этой идеологии в том, что она была светской, гражданской, т. е. нерелигиозной. Как гражданская, как нерелигиозная идеология это была самая грандиозная в истории человечества идеология. Ничего подобного до этого не было.

Другим примером светской, гражданской, нерелигиозной идеологии могут служить идеология национал-социализма, фашистская идеология. Но они ни в какое сравнение не идут с советской идеологией. С точки зрения охвата по содержанию эта идеология опять-таки не имеет себе равных до сих пор, хотя ее фактически разрушили. Она охватывала буквально все аспекты, все основные проблемы бытия, жизни, начиная с понимания, что такое человек. В этом отношении марксистская антология, называвшаяся в

свое время диалектикой, была самой совершенной в истории человечества, охватывала человеческое общество. Думаю, что с точки зрения понимания социальных отношений марксистская идеология (она называлась в свое время истматом) нисколько не уступает всем социологическим учениям, которые имели место в западном мире. Объездив весь мир, изучая эту проблему на всех уровнях организации западного мира, общества, я такой организации идеологической сферы, такого идеологического аппарата, который был в Советском Союзе, нигде не видел. Я имею в виду организацию — не в смысле числа людей, занятых в этой сфере, а уровень организации. Я разработал определенные критерии оценки уровня организации. Уровень организации советской сферы превосходил то, что имело место на Западе. Но возникает вопрос: почему же эта машина рухнула, как будто бы бесследно исчезла из жизни человечества?

Я не согласен с тем, что она бесследно исчезла. Она оставила огромный след в истории человечества. И то, что сейчас происходит в мире, так или иначе, испытывает на себе влияние того, что было сделано в нашей стране. Хочется, чтобы другие выступающие больше времени уделили вопросу, почему рухнула советская идеологическая сфера. Я на эту тему много писал книг и статей. Поэтому сейчас не буду на этом останавливаться. Могу только сказать, что она рухнула не сама по себе. Она рухнула как часть советской социальной организации в целом, как часть коммунистической организации в целом, которая имела место в нашей стране.

Что касается причин — это особый вопрос. Могу лишь сказать, что общепринятую, широко распространенную концепцию, согласно которой русский коммунизм якобы изжил себя внутренне и погиб в

силу внутренних причин, изжила себя якобы советская идеология и тоже погибла в силу внутренних причин, — такую концепцию я считаю ложной. Эта концепция составляет важный компонент той грандиозной фальсификации истории, которая происходила в XX столетии, в особенности во второй его половине, и происходит сейчас. Происходит в таких масштабах, по сравнению с которыми прошлые случаи фальсификации истории (я имею в виду концептуальную, идеологическую фальсификацию) не идут ни в какое сравнение. Советские идеологические сферы, советская идеология были разрушены искусственно, как была искусственно разрушена и вся советская социальная организация. Искусственно — то есть в результате войны, новой мировой войны, которая на первом этапе велась в форме «холодной» войны, потом перешла в стадию «теплой» войны, а теперь уже в стадию «горячей» войны. В ходе этой войны в Советском Союзе в течение полувека велись антикоммунистическая, антисоветская пропаганда, разрушительная работа, под давлением Запада создавалась колоссальная «пятая колонна».

Среди множества факторов, которые сыграли роль в крахе советской идеологии, я называю (как один из главных) фактор предательства. В результате была искусственно разрушена система в целом, включая идеологическую сферу, весь идеологический аппарат.

Когда мы говорим об идеологии, мы имеем в виду совокупность идей, совокупность учений. Советская идеология не была преодолена сверху, т. е. путем создания идеологического учения, более совершенного, чем то, что имело место в Советском Союзе. Она рухнула не в результате того, что это новое, более совершенное учение распространялось в массе людей, приобретало

влияние и потому (в результате) марксистско-ленинская идеология, советская идеология отмерла, как нечто отжившее. Ничего подобного не было. Марксистская идеология, советская идеология была просто отброшена. Те люди, которые громили советскую систему, советскую идеологию в том числе, не сказали по этому поводу буквально ни звука, заслуживающего внимания. Ни один из них не то что превосходил бы по интеллектуальному, по идеологическому уровню то, что мы имели, но в общем даже понятия не имел о том, что такое идеология, какую роль она играла. Люди, громившие нашу страну, в идеологическом отношении стояли на несколько порядков ниже того, что имело место в нашей стране. Этот феномен удивителен и он заслуживает особого внимания.

Я не хочу сказать, что советская идеология не заслужила критики. Я с 16-ти лет всю жизнь занимался этим.

Думаю, что моя деятельность в свое время была понята неправильно. Я занимался критикой вовсе не как враг, а как человек, который разрабатывал проблемы идеологии. Я думаю, то, что я делал, это лучше того, что было в марксизме и в понимании человеческого мышления, человеческого общества. То, что я делал, оставалось в очень узком кругу. Все, что я делал в Советском Союзе, заклеили как нечто враждебное. Дело даже не в том, что со мной плохо обошлись. Плохо то, что в советской идеологии было очень ортодоксальное, консервативное направление, что часть советской идеологии исключала возможность развития. И это сыграло свою роль в крахе советской системы и советской идеологии.

Что произошло? Был разгромлен партийный аппарат. Как часть партийного аппарата был разгромлен идеологический аппарат. Его просто распустили. При этом — обратите внимание — 17

миллионов членов КПСС как будто испарились, хотя давали клятву держаться за идеалы марксизма до последней капли крови. Те люди, которые в свое время выбрасывали меня из Советского Союза, единогласно объявили меня антисоветчиком, антикоммунистом, кем я не был. Единогласно. Потом также единогласно почти все они бросили КПСС. Многие жгли партийные билеты. И также единогласно меня стали защищать так называемые «красно-коричневые» за те же самые работы, за которые меня выгоняли из Советского Союза. Но это так, между прочим.

Какая ситуация сложилась в результате разгрома советской системы и идеологической сферы в том числе? А ситуация сложилась такая, что в отношении ее уместно употреблять выражение «идеологический беспредел». Та идеология, которая в течение 70 лет работала, и работала, надо сказать, в высшей степени эффективно, — была отброшена. В страну устремилась западная идеология, устремилась неудержимым потоком. Западная идеология стала проникать в советское общество и до антикоммунистического переворота. Она проникала в самых различных формах. Я могу назвать. В послесталинские годы (тут присутствуют философы, которые помнят это все хорошо) стали печататься работы якобы с критикой экзистенциализма. В предисловии к книгам писали, что «вот это буржуазное учение, враждебное». А между собой хихикали, перемигивались, говорили: «Это для того, чтобы ЦК от нас отвязался». А потом шло изложение экзистенциализма. Писали книги о Кьеркегоре. Опять-таки, вначале клятва в том, что «мы марксисты-ленинцы» и т. д., что «у Кьеркегора есть плюсы, есть и недостатки». Но протаскивалась суть этого философского течения. Некоторые советские философы считали его прогрессивным. На самом деле они протаскивали западную идеологию. Между прочим,

замечу, что меня били в основном не сталинские «зубры», а эти либералы. Мне показывали доносы, которые писались на меня. Самые «светлые» умы советской философии оценивали мои работы как не имеющие научной ценности. Я не хочу называть их имена. Имена эти всем хорошо известны. Они потом с Горбачевым приходили. Они по существу стали идеологами перестройки, создавали идеологию антикоммунистического переворота в нашей стране. А после переворота западная идеология устремилась в нашу страну с такой силой, что трудно было себе представить, что когда-нибудь это могло произойти. Причем она устремилась отнюдь не в лучших ее образцах, не в лучших своих достижениях. Лучшие достижения западной идеологии, особенно философии, до сих пор остаются неизвестными в России. А устремилось все худшее, что было в западной интеллектуальной идеологической сфере. Это один источник, по которому стала складываться ситуация идеологического беспредела.

Вторая линия... Когда я эту вторую линию деградации России называю, на меня обычно обрушиваются. Я считаю своим долгом особенно обратить ваше внимание на это. Это искусственная реанимация феодальной идеологии дореволюционной России. Прежде всего — православие. И не только православие, но и другие формы феодальной идеологии в самых различных проявлениях, включая такие, как реабилитация по существу царского режима, превращение кровавого царя в великомученика, навязывание всего этого. Заговорили о дворянских и княжеских титулах. Стала вводиться в жизнь дореволюционная фразеология. Даже в социальной организации. Смотрите: создана Дума, а не Парламент... Заговорили о прочих, давно отживших дремучих явлениях прошлого.

Православие стали навязывать фактически как государственную идеологию. Включаешь телевидение — попы. Идешь по улице — блестят купола церквей. Вспомните, с чего начинался советский период? Советский период начинался с бурного строительства. Строили школы, заводы, институты и т. д. С чего начался нынешний новый период? Стали восстанавливать церкви, тратить на это колоссальные средства, восстанавливать какие-то старые обычаи. Посмотрите, сейчас даже при МГУ (великолепный университет, я его люблю; ректор университета — одна из сильнейших личностей), при университете, создают лицей чуть ли не благородных девиц, показывают это по телевидению. Говорят: «Здесь будут готовиться государственные мужи», а показывают девочек, которые учатся танцевать какие-то придворные танцы. Сейчас религия под тем или иным предлогом навязывается с гораздо большей настырностью, чем в свое время навязывалась идеология, которую сейчас так поносят.

Я уж не говорю о том, что весь советский период поливается грязью, фальсифицируется с такой страшной силой, что даже советский период, когда фальсифицировалось дореволюционное прошлое, не идет ни в какое сравнение с сегодняшней фальсификацией.

Советский период сохранил все лучшее, что было в России в дореволюционное время. Называть советский период «черным провалом» — это дикость. За несколько десятилетий после революции в Советском Союзе было создано вновь больше 90 процентов того, что нынешние «реформаторы» унаследовали от прошлого.

В каком моральном и идейном положении оказалась наша страна? Нет надобности приводить примеры, мы все знаем хорошо.

Кстати, говорят, что православие служит укреплению морального облика, морального состояния населения. Это ложь. Религия никогда эту функцию не выполняла в той мере, как ей приписывают. Проведите социологический опрос лиц, находящихся в тюрьме. Их больше миллиона. Гарантирую, большинство из них окажутся верующими. Смогла ли религия остановить преступность? Проведите обследования в соборе, где собираются тысячи и тысячи людей — чиновники всех сортов, новые богатеи и т. д. Людей, обладающих высоким нравственным уровнем, вы найдете среди них раз-два — и все. Если вообще кого-то найдете. Коррупционеры, предатели, шкурники и т. д. — все они изображают из себя ревностных православных.

Власть ощущает потребность в идеологии, но по образцу советскому. Говорят о национальной идее. Бросают фразу «национальная идея», не понимая, что это такое. Фразу совершенно бессмысленную. Власти хочется, чтобы интеллектуалы или еще кто-то придумали такое учение. Посидите, поморщите лоб и придумайте что-нибудь такое, не марксистское, антимарксистское, но такое, чтобы людям сообщить об этом, чтобы люди познакомились, ахнули и все дружно пошагали туда, куда поведет правительство. А куда оно поведет?

Я десятки лет профессионально занимался этими проблемами. Могу сказать, что невозможно такое придумать. Даже если вдруг сможете придумать такое учение, то ведь надо понимать, что идеи сами не заползают в головы людей. Публикуйте самые гениальные книжки — никакого эффекта не будет. Никакого. Чтобы идеи овладели массами, их туда нужно вбивать. И для этого нужна определенная организация, нужен аппарат. Нужно из года в год, из поколения в поколение, чтобы тысячи и тысячи людей занимались

этим.

Католическая церковь существует на Западе. Почему? Потому что существует колоссальная организация. Эта организация имеет государственную поддержку у властей. Уберите эту социальную организацию, прекратите пропаганду, и через одно поколение забудут всё. Забудут. Вы вспомните, когда Ельцин стал изображать из себя верующего христианина. Он не знал, как креститься — слева направо или справа налево. Кто-то подталкивал его руку.

Проводилось социологическое исследование в Польше. Результаты не опубликованы и не будут никогда опубликованы. Действительно, Польша стала самой религиозной страной на свете. Но сейчас Россия переплюнула даже Польшу. Есть методы проверить — искренне веруют люди или нет. И выяснили, что больше 95 процентов люди неверующие. Они атеисты. Понимаете, пустая формальность.

Когда говорят о национальной идеологии, национальной идее, то что же, собственно говоря, имеют в виду? Это идея власти. Суть этой идеи состоит в том, чтобы все граждане объединились, забыли о своих социальных различиях, социальных конфликтах и дружно выполняли бы то, что хочет власть. И хочется, чтобы идеологи помогали власти в этом. Но посмотрите сами (это элементарная вещь): возможно ли создать такую идеологию, которая бы объединила в одни ряды чубайсов, гусинских, березовских, пугачевых и т. д. и тех, кто живет на уровне нищеты? Тех, кто наживает миллионы, миллиарды и проводит время на лучших курортах мира, покупает себе поместья за бешеные деньги в лучших уголках планеты, — и бомжей, не имеющих жилья? Вы знаете, как обстоит дело в этом отношении. Даже в Москве. А когда выйдешь за пределы Москвы, то страшно смотреть на то, что происходит. Это

невозможно объединить. Невозможно. В отношении, в оценке того, что получилось в России, люди разделяются на категории, взаимоисключающие друг друга. Единства нет, его не существует.

Давайте так поставим вопрос: нынешняя правящая элита — она работает в пользу национальных интересов России или нет? Поставьте этот вопрос. Думаю, что подавляющее большинство российского населения скажет: «Нет». Как можно вместе шагать с ними, если все, что ими делается, делается против интересов России? Россия разрушается. Россия превратилась по существу в зону колонизации для Запада, а российские правящие слои превратились фактически в колониальную администрацию Вашингтона, правителей западного мира. Объединить сейчас российское население какой-то единой идеологией в принципе невозможно. И такая идеология вряд ли будет. Это я высказываю свое мнение.

Но проблему можно сформулировать таким образом: «Возможно ли создание методологических учений, которые охватывали бы учение о человеке, учение о познании, учение о бытии, учение о человеческом обществе, законы эволюции и т. д., — лучше, чем марксистское учение? Можно. Проблема не в этом. А в том, что такое учение не может стать идеологией в стране. Людей, которые способны усвоить его, можно сосчитать по пальцам. Зато число людей, которые будут препятствовать ему и будут делать все для того, чтобы его угробить, — таких людей сколько угодно. Они образуют господствующие слои, господствующие классы в стране.

На этом я закончу.

Слово имеет Ивашов Леонид Григорьевич, доктор исторических наук, генерал-полковник, вице-президент Академии геополитических проблем, член Союза писателей.

Л. Г. ИВАШОВ

Спасибо, мне приходится продолжать на такой ноте, на которой закончил Александр Александрович. Выработка национальной идеи сегодня невозможна. С этим следует согласиться. В силу предложенной мне темы, я хотел бы посмотреть на проблемы России через ту геополитическую ситуацию, которая складывается в современном мире, в которую вовлечена Россия и из которой Россия, даже при наличии сильной воли, выйти просто, видимо, не сможет. Сегодня основная мировая тема — это тема глобализации. И не случайно совпало, что заседание нашего Клуба проходит одновременно с заседанием «восьмерки», где также решается проблема глобализации. Россия все больше и больше втягивается в глобальные процессы. Но весь вопрос в том, какая роль предназначена ей в этих процессах. Нам приходится часто слышать, что роль России — быть третьей экономической зоной, зоной захоронения сырьевых ресурсов, грязных отходов и т. д. Многие наши и западные исследователи глобальных процессов делают совпадающий вывод, с которым трудно не согласиться, что глобализация по-американски или попытка унифицировать мировое сообщество — это тупиковый путь, который приведет к серьезным катаклизмам, может вызвать феномен мировой гражданской войны, говорят о страшной деградации и даже гибели человечества как биологического вида. Трудно не разделять подобные опасения, потому что сегодня навязывается однообразный ход развития человеческой цивилизации, которая не имеет альтернативы. Продолжая сказанное Александром Александровичем Зиновьевым — президентом Клуба, хочу подчеркнуть, что именно существование Советского Союза, социалистической системы

давало возможность выбора альтернативы государствам и народам. На фоне противостояния двух цивилизационных разломов, двух путей развития появлялись и третьи, промежуточные. То, что мы называли странами народной демократии, третьими странами, развивающимися и т. д. Сегодня по сути дела человечество лишается этого выбора с помощью военной силы, с помощью финансовых механизмов, политического давления и иных специальных мероприятий. Мир сегодня как бы загоняется в один, можно сказать, концентрационный лагерь. Но и Россия оказывается среди тех, кто будет находиться в этой системе унификации. И вопрос о национальной идее России, видимо, напрямую связан с геополитической идеей России, с тем положением, которое Россия хотела бы иметь в новом строящемся мире. В этом плане представляется, что Россия сегодня могла бы сыграть такую геополитическую роль, выступить с геополитической инициативой и предложить альтернативу тупиковому процессу унификации, глобальной унификации.

Безусловно, Россия одна не сможет этого сделать, но есть достаточно государств и политических сил в мире, которых, так же как и большинство россиян, пугают эти глобализационные процессы. Иначе говоря, речь можно вести о геополитической инициативе России по предложению альтернативной модели развития человеческой цивилизации. Она могла бы называться идеей цивилизационной поддержки или цивилизационной гармонии. В ее концептуальной основе — идея о глобализации мира как нового этапа развития единого живого организма человеческой цивилизации во всем многообразии ее цивилизованных типов и планеты как среды обитания, когда цель глобализации состоит не в унификации, а в развитии всех существующих цивилизаций с

сохранением и расширением каждого народа и цивилизации, поля развития, что составляло бы основу развития каждого из них и всех вместе. По существу речь идет о естественном распространении той доминанты, тех ценностей, которые близки российским традициям и российской истории, российским ценностям и ценностям других народов: распространение общинности как доминанты общего над частным, личным, как основы мировоззрения и жизнедеятельности народов, государств.

Речь идет о переходе от взаимоподавления и противоборства цивилизаций к сотрудничеству и взаимоподдержке, когда благополучие и успех одной из них определяются развитием и поддержкой со стороны других. Есть возможность разработать принципы построения такой цивилизационной, глобальной альтернативы. Просматривается и ряд государств, которые могли бы составить мощное ядро, альтернативное тем силам, которые стремятся сегодня создать систему глобального угнетения, новую мировую империю.

Такая коалиция государств, еще раз говорю, просматривается. Это достаточно большое количество государств. На наш взгляд — взгляд специалистов геополитических наук и присутствующего здесь президента Фонда национальной международной безопасности Л. И. Шершнева — в числе таких геополитических союзников России по выдвижению новой геополитической альтернативы развития человечества могли бы оказаться Китай, Индия, Иран. Как костяк. Естественно, мы могли бы иметь много других союзников как в западном, так и в восточном мире, и на Юге. Такой геополитический союз мог бы превзойти по своему потенциалу Атлантический блок, блок «золотого миллиарда», и обеспечил бы построение единого мира именно на основе гармонии цивилизаций.

Понятно, что он может быть сформирован не сразу. Как говорил здесь Александр Александрович, нужно вначале вдолбить в массы идею, прежде всего в научный мир, элиту этих стран. Такая потребность есть. А если есть потребность, то есть и возможность. С духовной точки зрения союз в этих странах охватывает все ведущие идейно-религиозные системы общинной ориентации: православие, ислам, индуизм, конфуцианство. Интеллектуальный потенциал такого блока достаточно велик, чтобы не только обеспечить свою научно-техническую независимость, но и самим фактом своего существования нивелировать претензии Запада на право быть глобальным интеллектуальным центром, а значит — идейно нивелировать саму идею глобализации по модели Запада.

С геополитической точки зрения такой союз представляет собой достаточно жесткую структуру, охватывающую ядро Евразии и имеющую открытый выход в Тихий и Индийский океаны, непосредственно к внутренним областям морской цивилизации. За счет этого блок сможет оказать геополитическое давление в юго-восточном направлении, где находятся наиболее развивающиеся сегодня регионы земли, а также в направлении Арктики.

В дальнейшем, используя новую мировую ситуацию, подобный блок (конечно, не военный блок, а именно цивилизационный) сможет осуществить и геополитический прорыв на юго-западном направлении с выходом к Средиземному морю, в Африку и т. д.

Военный потенциал такого союза может быть достаточным для обеспечения военной безопасности входящих в него стран.

Гигантские людские, сырьевые и топливные ресурсы, огромный промышленный потенциал, территориальный размах обеспечат возможность динамичного развития экономики стран

подобной коалиции и полное освобождение от внешней зависимости.

Вот такая геополитическая идея могла бы лечь в основу национальной идеи России, тем более по традиции, по социальному укладу российского общества, она бы была, во-первых, гуманной, во-вторых, справедливой, в-третьих, отвечающей важнейшим национальным интересам Российской Федерации. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Кара-Мурза Сергей Георгиевич. Тема его доклада: «Русская идея: реальность и фантом».

С. Г. КАРА-МУРЗА

Русская идея. Само это понятие, на мой взгляд, является метафорой и как объект для научного анализа неудобен. Так же как понятия типа «душа Запада», «душа народа», «коллективное бессознательное» и т. д. Тем не менее, и к этому объекту можно применить некоторые научные приемы. Это что-то вроде такого квазирационального рассмотрения. В основном это рассмотрение ведется в рамках так называемого цивилизационного подхода. Такого аналитического инструментария, как в информационном подходе, тут нет. Хотя надо сказать, что в информационном подходе только один тип общества хорошо разобран — капитализм. Думаю, что генетически с капитализмом связан рабовладельческий строй. А все то, что находится вне этих траекторий, — и общинный строй, и феодальный, и социализм — действительно тяготеет к цивилизационному подходу. И выделить здесь клеточку главных столкновений в капитализме трудно.

О русской идее достаточно много написано. Думаю, что во все

критические моменты масса людей начинает неизбежно думать о ней. Эта идея, как любая национальная идея, воспринимается только в сравнении. Всегда требуются какое-то зеркало или какие-то зеркала, с которыми ты ведешь диалог. Невозможно говорить о русской идее, не имея в уме представления о Западе, представления о Востоке и иных цивилизациях. Само развитие этого понятия неизбежно и обязательно представляет собой диалог, постоянный диалог, сравнения, отрицания. Думаю, что сам интерес к этой проблематике возникает, когда ощущается исторический вызов самой цивилизации. Когда наступает кризис, тогда появляется потребность подумать, а кто мы такие, откуда и куда идем и т. д. Иначе говоря, всегда в связи с борьбой цивилизаций и с угрозой. Думаю, что мы сейчас находимся именно в таком положении.

Русская идея как понятие. Думаю, что это понятие незамкнутое, что это какая-то голограмма: его можно в трех словах объяснить и ухватить суть, а потом приходится дополнять, искать содержательные примеры, аналогии, метафоры. Поэтому дать удовлетворительное понятие в канонах научного мышления невозможно. И не надо стараться. Это неизбежно сокращает наши возможности. Такие незамкнутые определения имеют право на существование. Многие явления природы, уже не говоря об обществе, являются незамкнутыми. Попробуйте дать замкнутое определение понятию жизнь. Такое понятие обязательно динамично. Невозможно ухватить его в какой-то одной точке развития. Приходится обязательно перебирать в уме много вызовов, много ситуаций, т. е. смотреть, как эта идея тянулась в историческом времени, как она преломлялась в разных исторических критических обстоятельствах. Кроме внешних обстоятельств, имеет место какая-то внутренняя цикличность самого развития нашего бытия,

существа. Некоторые вещи просто невозможно понять, если предварительно не учитывать перегрузки, усталость в жизни нашего народа, наличие таких вот циклов.

Когда пытаемся хотя бы мазками описать русскую идею (думаю, что и французы, и немцы сталкиваются с этими проблемами), то это подобно попытке выявить генотип, т. е. скрытую сущность, которая воспроизводится во времени через внешние признаки, через генотип. Это очень сложная задача. Поскольку мы этих внутренних связей с ядром не видим, а внешние признаки противоречивы и необъяснимы, то кажется, что одна часть русской идеи как бы отрицает другую. Грубо говоря, Сталин и Горбачев — это порождение русской идеи, хотя, казалось бы, они совершенно антиподы. Это как-то сцеплено. Например, рога у парнокопытных. А если палец у животного образует когти, то рогов быть не может вообще. Это заложено в генотипе. Вот мы и наблюдаем то «рога», то «копыта» у нас, у русских. Попробуйте из этого выявить сущность. Но поскольку внешние признаки, тем не менее, сцеплены изнутри, то возникает проблема постоянного отрицания: одна часть русской идеи отрицает другую. Мы вроде из земледельческого народа, такая тайная связь с землей в нас есть. В то же время для русской идеи характерно стремление уйти от оседлости. «Россия — это обоз», — сказал Ключев. С одной стороны, русские, ввиду той исторической судьбы, какая им выпала, были вынуждены проявлять огромную самоотверженность, соединяться, самоорганизовываться. Но, с другой стороны, трудно найти людей, более склонных к предательству и отказу от своей собственной судьбы и истории. С одной стороны, говорят о братстве, о русском братстве, о самоотверженности, взаимопомощи, но, с другой стороны, трудно найти менее солидарных людей. Наше общество

традиционно религиозно. И в советское время оставалось традиционным, консолидируясь в основном на базе, как говорят, естественного религиозного органа, т. е. способности придавать священный смысл многим явлениям и отношениям людей и многим институтам. В то же время для русского духа характерны безбожие и даже глумление над религиозными ценностями, институтами. Говорят: звериный характер русской души. Это не зря сказано.

В ответ на выступление А. А. Зиновьева о наличии раскола и, может быть, даже смертельного противостояния разных частей народов... В какие-то моменты, как сегодня, например, это не означает, что отсутствуют ядро и общая идея, как говорится, у противостоящих частей народа. Думаю, что и во время смуты, во время гражданской войны, в начале XX века и сегодня такое ядро существует. Хотя, как и в селе, брат брата может убить.

Для осмысления и выявления русской идеи есть два больших корпуса знаний, вполне формализованные, поддающиеся анализу. Это, во-первых, русская квазифилософия, посвященная русской душе: Достоевский, Бердяев, Данилевский, Сорокин. Хорошо сформированная вокруг этой проблемы русская литература. Скажем, Лев Толстой. Его вполне можно анализировать научными методами, все его мазки, которые он дал относительно русской идеи. А, кроме того, формализован огромный фольклор. Былины — зарождение русской идеи. Материал для такого исследования есть.

Чтобы рационализировать это понятие сегодня в самых кратких формулировках, я бы сделал так: взял бы эту проблему с двух сторон, сверху и снизу. Во-первых, ясно, что в национальную идею входят в едином комплексе интересы и ценности. Обе части достаточно автономны, т. е. ценности вовсе не вытекают из интереса. Говорят: русский общинный тип сформировался, исходя

из прагматических интересов (скажем, холодный климат и т. д.). Может, это и так, но с какого-то момента сами ценности начинают играть системообразующую роль, достаточно автономную. Исходя из них, подспудно ставятся цели. В какой-то исторический период, конечно, русская идея предполагает наличие определенных целей, которые бы соответствовали и интересам, и ценностям. Обязательна ценность цивилизационного масштаба, какой является русская идея. Обязательно должна быть поставлена цель на порядок выше цели собственной системы. Известно, что если не поставлена цель более высокого порядка, то люди не достигают цели разумной. Если мы ставим цель просто выживания России, то выживание России не обеспечивается, она распадается. Конечно, русская идея обязательно имеет цель мессианскую. То есть России надо не просто сохраниться и развиваться, но и дать миру некоторый урок, задать стандарты мироустройства на своем примере.

Кампания против мессианства как компонента русской идеи, которая была в 1990-е годы, она явно была направлена просто на то, чтобы подорвать цель существования цивилизации, культуры. Я считаю, это была нормальная штабная разработка.

Еще более сильный удар был нанесен по пониманию смысла ограничений. Любая большая идея, любые цели имеют предел, непреодолимые ограничения, которые надо понимать. Они создают диапазон. Вот эта категория ограничений из массового сознания, из сознания нашего интеллектуального слоя была начисто изъята. Вся перестройка, например, была гимном отказа от понятия ограничения.

Когда Россия была перед историческим вызовом в начале XX века, Менделеев сформулировал прекрасную формулу: «Что для России главное? Уцелеть и продолжить свой независимый рост».

Значит, сохранить свою хозяйственную, этническую, территориальную полноту для того, чтобы сохранить свой культурный генотип, чтобы продолжался независимый рост. Чтобы не была пресечена эта воспроизводимая сущность. Это было ограничение для любой политической силы — политического движения, действий власти. Если ты не хочешь встать на антирусские позиции, ты обязан гарантировать реализацию этой формулы. Русская революция случилась именно потому, что были угрозы этим ограничениям. Возникла стихия движения. Исторический вызов поставил страну в такое положение, когда не гарантировались эти ограничения.

В настоящее время во многом искусственно в нашем сознании создан идеологический и даже метафизический хаос. Никакого идеологического порядка нет. Я бы не сказал, что вводится порядок феодальной идеологии или православия. Наоборот, я считаю, что у нас вводятся несовместимые вещи, которые не позволяют даже хаосу эволюционировать в сторону приобретения креативного потенциала. Конечно, только из хаоса мы можем получить новый порядок.

Нынешний хаос является питательной средой наших новых собственников, которые при любом порядке исчезают и теряют часть своей уворованной собственности. Для удержания хаоса как раз и разрушаются ограничения. Чтобы уцелеть, в принципе, русским обязательно нужно восстанавливать. В любых исторических ситуациях русская идея всегда несла в себе очень развитое социальное ядро. В русскую идею включалось представление о том, как должна быть устроена жизнь людей на земле, т. е. каков должен быть идеальный или хотя бы приемлемый социальный порядок. Так вот, по этому ядру в течение перестройки

и сегодня наносятся самые большие удары с позиции якобы русской идеи. Сейчас масса исследований и наших, и международных отмечают, что у 90 с лишним процентов населения имеется совершенно четкое представление о социальном устройстве, о том, как надо жить. В основных чертах оно воспроизводит советский строй, хотя целый ряд блоков люди хотели бы заменить. Но именно по этому ядру, по социальному блоку, как раньше по блоку архаического крестьянского коммунизма, сейчас бьют со всей этой антирусской вакханалией. Возьмите оппозиционную газету «Завтра» с идеями союза белых и красных.

Нагнетается официальная и, более того, профанированная официальная религия. Это не православие на самом деле. Как и казаки, наши священники — откуда они взялись? Ряженые! Все это входит в тяжелый конфликт со стихийной народной религиозностью. Здесь закладывается новый кризис такого масштаба, как в начале XX века. Одной из причин краха той российской государственности был кризис официального православия. Думаю, что недолго эти два фантома будут эксплуатироваться.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Вопросы к выступавшим. Прошу кратко и четко формулировать.

Л. И. ШЕРШНЕВ

Понятие национальной, освободительной борьбы и гражданской войны.

С. Г. КАРА-МУРЗА

Думается, все эти слова соединятся. Но, конечно, «гражданская война» понятнее. Вообще говоря, она уже в уме очень большого числа людей. Она уже созревает. Можно будет только подправлять этот процесс, чтобы он пошел сам собой.

В. М. МЕЖУЕВ

У меня чисто философский вопрос. Идея имеет национальность? Для философа идея национальности не имеет.

С. Г. КАРА-МУРЗА

Поскольку я не философ, думаю, что даже идеи имеют национальность.

И. А. ГУНДАРОВ

Скажите, пожалуйста, вот мы знаем, что такое «плохо» и куда не надо идти. А есть ли у нас представление, что такое «хорошо» и куда надо идти? Что хотели бы мы построить?

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Что такое хорошо, что такое плохо...

И. А. ГУНДАРОВ

Мы знаем, что такое плохо, куда не надо идти. Было такое ощущение, что этого достаточно, чтобы ориентироваться в перспективе. Видим теперь, что недостаточно. Есть у нас представление, что такое «хорошо» и какой строй мы бы хотели построить?

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Я не знаю, есть ли такие представления у вас. Это все зависит от того, кто и как думает. У меня лично такое представление есть. Я могу сказать и говорил многократно, что советский период русской истории, что советская социальная организация (я не говорю, что это хорошо или плохо, самый большой карлик не есть гигант и самый умный дурак — не есть мудрец) были вершиной русской истории. Советская социальная организация, если мы введем точные критерии определения уровня социальной организации, была в истории человечества социальной организацией самого высокого уровня. Гораздо выше, чем та социальная организация, которая была и есть в западных странах. То, что сейчас наступило... нынешнюю социальную организацию я считаю социальным ублюдком. Это социальный урод, на скорую руку сляпанный из остатков советизма, из подражания Западу и из реанимации каких-то элементов западного мира... А что строить дальше — это уже пожелания, а не наука. Я могу сказать, что будет дальше. Для меня это бесспорно. Будет то, что есть. Рассчитывать на радикальные перемены в России бессмысленно. Как долго этот социальный ублюдок просуществует? Трудно сказать. Романовская династия была тоже социальным ублюдком. Она просуществовала 300 лет. В наше время уроды живут очень долго. Могут долго просуществовать. Западный мир, США в первую очередь, такой урод устраивает. Манипулировать Россией для них очень удобно. Это устраивает и те силы, которые пришли к власти у нас в стране. Те, которые захватили богатство, посты в системе власти управления. Их это устраивает. И они будут прилагать усилия к тому, чтобы не допустить никакой серьезной оппозиции. Сейчас принимаются законы об экстремизме. Скоро даже исследования, которые сейчас есть, будут рассматриваться как

экстремизм.

И. А. ГУНДАРОВ

Извините, я уточню, Вы хотели бы вернуться в 1970-е годы?

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Я никуда не хочу возвращаться. Это вопрос не для исследователя.

И. А. ГУНДАРОВ

Тогда какой период советской истории Вы хотели бы выбрать?

Их много: 1924 год, 1938 год, 1954 год.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

История длительная. Если бы мне пришлось заново родиться и выбирать, в какую эпоху, в какой стране, в какой социальной системе жить, то я из всех мыслимых, из всего того, что мне известно, выбрал бы советский период. Как раз то время, в которое я вырос, прожил жизнь. К несчастью, сложилась моя жизнь так, что мне довелось стать свидетелем краха советской системы и жить в постсоветской системе, которую я (я этого не скрываю) презираю со всех точек зрения.

П. Г. БЕЛОВ

Как научный работник я обращаюсь к Вам, Александр Александрович, как к ученому-логику. Попросил бы аргументировать Ваше утверждение о невозможности объединения нации на основе единой идеологии. Поясняю как сын народа своего, представитель русской популяции... нет лучшей и большей идеи

сейчас, как самосохранение нации. Теперь, если можно, к Вам, Леонид Григорьевич, как офицер офицеру... В эпоху глобальных противоречий, когда мир встал на тропу войны за исчезающие ресурсы. Вы говорите о возможности миролюбия вместо того, чтобы просто выжить. Я понял Ваши слова как раз в том смысле, что выжить можно в составе союза, а в одиночку не выжить.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Видите ли, есть абстрактные возможности и конкретные возможности. Это разные вещи. И потом... Вот Вы говорите о выживании нации. Это же слова. Таких слов можно наговорить сколько угодно. Скажем, выдвинуть такую идею, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы. Какие прекрасные слова! А какова реальность? Я исхожу из реальности, анализирую реальность, решаю вопросы насчет будущего и с точки зрения того, какие есть для этого возможности. А реальность такова: фактически русский народ атомизирован. Слово «народ» применяется к нему в каком-то условном смысле. Народа в собственном смысле слова, как чего-то единого, практически не существует. Он атомизирован до отдельных людей, отдельных деревень, отдельных групп каких-то. Это как раз то, к чему стремились те, которые нас громили.

Вы ставите вопрос о выживании. Все хотят выжить. Я русский человек, не мыслю себя, своей жизни вне моего народа. Выжить — а как? Сколько мне приходится выступать! Везде говорят: «Вы пессимист», «мы должны», «выживание». Но это *слова* о выживании. А *как* выживать? Конкретный вопрос. Мое личное мнение: русский народ может выжить, только оказывая сопротивление тому, что ему навязали. Не оказывая сопротивления, интегрируясь в эту систему, мы увековечиваем это ублюдочное

состояние. А что это значит — «сопротивляться»? Как?

Л. Г. ИВАШОВ

Первый мой тезис. То, что происходит сегодня с Россией, это по сути дела осуществление тех двух стратегий, о которых мы знаем и которые реализуются. Это американская стратегия постепенного и последовательного расчленения России и упразднения ее с глобальной карты мира как государства.

И западноевропейская стратегия, где Россия должна существовать как цельное государство, но должна быть слабой и не имеющей возможности сопротивления, тем более возрождения в мировую державу. Сегодня мы знаем, в каком состоянии находится российское государство. Поэтому я сказал (и убежден в этом), что в том состоянии, в котором находится сегодня российское государство, российское общество, Россия не может выйти из той мировой ситуации, в которую она вовлечена. Ей просто не дадут. Не хватит у нас патриотических сил. Поэтому противоборство нужно вести системно, стратегически. Контрстратегия против стратегии, коалиция против коалиции. То, о чем я говорил: ядро, вокруг которого будет много стран. Я скажу, что этот прообраз мы пытались реализовывать. Это будет как раз альтернатива, вторая модель развития человечества. Но это будет и противоборство двух, будем говорить, альтернатив, двух стратегий, двух коалиционных сил. Поэтому я не говорю о каком-то миролюбии. Сегодня идет наступление на человеческую цивилизацию. Вот мы и готовим отпор.

Прообраз такой структуры, я имею в виду Шанхайскую организацию, уже выстраивается. Будучи на должности в Генштабе, мы зондировали готовность Ирана и Индии к этому. У Ирана

большая степень готовности. У Индии меньшая степень готовности вступить в такую коалиционную структуру.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Есть еще вопросы? Нет. Тогда перейдем к выступлениям. Слово имеет Юрий Юрьевич Болдырев.

Ю. Ю. БОЛДЫРЕВ

Уважаемые коллеги! Мое выступление будет носить несколько пессимистический характер, хотя я согласен со всем, что говорил уважаемый Л. Г. Ивашов. Я бы тоже хотел, чтобы было так, чтобы так получилось, как он говорил. Более того, я думаю, что обоснование тому, что предложил уважаемый докладчик, во многом есть и в самой западной, а именно в американской идеологии. На чем основана современная западная американская конкурентная экономика? Что лежит в ее культурной основе?

В ее культурной основе лежит идея объединения всех ради обуздания монополиста. Как только появляется какой бы то ни было и в чем бы то ни было монополист, он начинает представлять угрозу для всех окружающих, для конкуренции, поэтому все должны сплотиться, чтобы его обуздать. Подчеркиваю, что это западная идея. Так вот эта западная идея вполне ложится в основу той идеи, которую Вы высказывали. То есть, я абсолютно «за».

Но дальше вопрос возможности. В чем можно найти обоснование этому у нас, внутри России? Всякая национальная идея — это, так или иначе, идея командной игры в масштабах всей нации. Командная игра — это определенные правила и мораль. То есть санкции, их соблюдение и, самое главное, моральное осуждение нарушителей правил. Так происходит в любой команде. Будь то

преступная группировка или гитлеровское государство. Любое государство. Без этого невозможно.

Может быть, я не вполне правильно понял Вас, Александр Александрович, но мне кажется, что не корректно говорить о том, что к нам в страну была вброшена западная идеология. Западная идеология, включая идею обуздания любого монополиста, к нам ни в коем образе не забрасывалась. К нам была брошена (под прикрытием западной идеологии) полнейшая, абсолютная деморализация. Мне кажется, эти вещи нельзя ставить на одну доску. Это совершенно разное.

Представляем ли мы собой нацию, способную сознавать себя как целое и вести какую-то командную игру? По объективно-экономическим основам — экономическая безопасность, экономический интерес и т. д.

Второе: по идее, освещающей это единство?

Третье (не менее важное) — по уровню общей морали, способности соблюдать любые, какие бы то ни были правила, морально осуждать отступников. Без этого никакая национальная идея в принципе невозможна.

Четвертое: по качеству лидерства, — какие лидеры находятся наверху, как они ценятся большинством общества и т. д.

В пределах короткого выступления я бы дал на эти вопросы такие ответы.

По объективным экономическим интересам сегодня ситуация крайне печальная. Большинство людей считают, что они вынуждены кантоваться там, где находятся, где приходится быть. Либо готовы уехать, если есть куда. Либо (если они немного приподнялись над общим уровнем) готовы, что называется, делать «бабки» в России, потому что «там» их легко не заработаешь. Но при этом стараются

иметь запасные «аэродромы» за рубежом. Это довольно типичная стратегия.

Об идее, освещающей необходимое единство нации. Ситуация очень печальная. Я не помню кто, но кто-то говорил так: «Что такое национальная идея? Она давно есть. Главная идея — кепку сдвинуть назад и искать миллионы». Пойти учиться и зарабатывать — не хочется. Вот общенациональная идея. К сожалению, это так. Мне приходится общаться в глубинке с людьми, которые заняты производством. Они рассказывают печальные вещи. Директор ПИК в Угличе. Он говорит, что для управления бульдозером и другими машинами молодого человека сейчас найти очень сложно. И это при том, что дикая безработица.

Другой пример. Почему у нас сейчас невозможна ипотека? Да, есть объективные причины: экономическая политика, высокие ставки рефинансирования Центробанка и т. д. Но еще и субъективный фактор — никто не хочет работать за 3–5 процентов годовых. За 10 процентов тоже никто не хочет. Хотят, как минимум, работать за 50 процентов. Это тоже элемент сегодняшней «национальной идеи».

После дефолта 1998 года ситуация немножко изменилась, но общая идеология сохранилась: лучше ничего не буду делать, чем работать за сравнительно небольшие деньги. Таких примеров, к сожалению, можно привести очень много.

По качеству лидерства. Экономическая, политическая и культурная элиты абсолютно оторваны от интересов большинства населения. Если нужно, я могу это обосновать. В значительной степени эти элиты прикармливаются, имеют возможности, несопоставимые с возможностями большинства. Более того, создана система, когда каждый, кто чуть-чуть подпрыгнул, как говорит

Жванецкий, зацепился, то может сохранить за собой эти возможности только при условии, если будет служить тем, кто его прикармливает. «Свято место пусто не бывает».

В части морали. Не секрет, например, что сбор подписей на избирательных кампаниях осуществляется сейчас за деньги. Даже при совершенно жесткой, чрезвычайно формализованной системе, которую мы практиковали в Петербурге в свое время, когда с каждым сборщиком подписей заключался специальный трудовой договор, в котором записывались все санкции, в том числе и направление дела в прокуратуру в случае фальсификации, даже при этой жесткой системе, при этом жестком контроле выяснилось, что свыше трети сборщиков подписей были фальсификаторы. И что самое печальное для «национальной идеи» — проблема не только в том, что много фальсификаторов, а в том, что общество не осуждает фальсификаторов. Когда я встречался с людьми и рассказывал о таких примерах, мне говорили: «Ну а что вы хотите? Всем же надо жить!».

Когда мы сталкиваемся с предательством того или иного человека, будь то директор завода, менеджер, управляющий предприятием или совершенно однозначно действующий акционер, говорят, что да, в принципе это плохо, но конкретного человека никто не осуждает. Все исходят из того, что на его месте они, может быть, повели себя также. Все крутятся, как могут. Надо успеть запрыгнуть на последнюю подножку поезда! Деморализация общества достигла такого уровня, когда нет не только требований соблюдать правила игры, но даже какого бы то ни было осуждения тех, кто не соблюдает эти правила.

Мне кажется, что нужно искать какую-то альтернативу. Откуда может взяться что-то другое? Интеллигенция привнесет? В

какие слои? Только в слои обездоленных. Мы находимся в условиях достаточно жесткого окружения. Есть ярко выраженный интерес по отношению к нам. Запасы природных ресурсов (даже не ядерная бомба, а запасы природных ресурсов), с моей точки зрения, — это основной фактор, который будет определять очень интенсивное воздействие на нас и постоянное вбрасывание к нам иных идеологий, совершенно противоречащих нашим долгосрочным интересам.

Идея дальнейшего расчленения России не встречает жесткого сопротивления. Причем не только по национальному признаку. Я могу привести такой пример: в Петербурге совершенно открыто, легально действует партия за автономизацию Петербурга. И эта идея не встречает никакого сопротивления. Более того, лидер этой партии вполне официально ведет телепередачи на государственном телевидении. Передачи не прямо на эту тему. Но в принципе ему дается возможность косвенно пропагандировать и эту идею. Откуда еще может прийти национальная идея? Из гражданского общества? Из среднего класса? Я имел возможность знакомиться с одной из диссертаций, написанной на стыке экономики, социологии и права. Там очень хорошо показано, в чьих руках средства массовой информации сегодня, какие интересы они проводят, насколько эти идеи, проводимые через средства массовой информации, бесконечно далеки от тех идей, на которых выросли современное западное гражданское общество и средний класс; насколько этот потенциальный средний класс не способен осознавать свои интересы и каким-то образом влиять на окружающую социально-экономическую и политическую среду. Иными словами, я не ожидаю, что само гражданское общество, средний класс в ближайшее время могут сами пытаться влиять на сложившуюся в

России ситуацию.

Кто еще может породить национальную идею? Какой-то национально ориентированный капитал? Российский капитал в силу специфики процесса приватизации и всего процесса этих реформ (даже если это капитал формально промышленный) по своему генезису, по своей ориентации — это худший вариант торгового капитала. Он ориентирован не на конкуренцию в равных условиях, а на то, чтобы коррумпировать власть, получать какие-то привилегии, льготы, перекупать, перепродавать и т. д. Какие-то ростки идей у национально ориентированного капитала возникают. В принципе, это один из путей. Возникают и соответствующие корпоративные отношения. Но с моей точки зрения, сегодня это скорее исключение из правил. Более того, этот капитал в наибольшей степени, может, именно в силу того, что он готов поддерживать политические структуры, просто изничтожается, попросту отстреливается. У меня, к сожалению, есть такие примеры среди моих близких друзей.

Получается замкнутый круг, выхода из которого я не нахожу. Можно рассчитывать на то, что благодаря какому-то буйству жизни будут возникать новые ростки национально ориентированного капитала, которые будут смыкаться с ростками гражданского общества. В конце концов, и сквозь асфальт трава как-то прорастает... Но объективные условия сегодня, надо признать, крайне тяжелые. В этом смысле (еще раз подчеркиваю) я не отделяю вопрос возникновения национальной идеи от вопроса возникновения национально ориентированного капитала, от вопроса возникновения объективных условий для становления национальной идеи. Мне кажется, что это глубоко связанные вопросы.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Одно маленькое замечание. Юрий Юрьевич (я прошу и других принять это во внимание), идеология — это не просто отдельная идея. Не всякая идея есть идеология. Скажем, идея перенести столицу из Москвы в Ленинград — это не идеология. Идеология — это сложное явление. Западная идеология — это не одна идейка. Это огромное количество идей. Все, о чем я говорил, касается идеологии. Идеология — это вполне определенный феномен, состоящий из идей определенного рода.

Ю. Ю. БОЛДЫРЕВ

Я привел лишь одну идею из западной идеологии. Дело в том, что западная идеология для граждан внутри западного общества и для остального мира за его чертой — это совершенно разные идеологии. Я хотел лишь подчеркнуть, что из западной идеологии в том смысле, в каком она существует для внутреннего употребления, мы, исходя из прагматических интересов, можем и должны очень многое взять. В этом смысле я привел идею демонополизации.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

И все-таки идеология для внутреннего и для внешнего потребления — это не разные идеологии. Это одна идеология в разных применениях.

Слово имеет Игорь Михайлович Ильинский.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Многим, особенно молодым людям, может показаться естественным, что мы — люди, прожившие основную часть своей жизни в идеологизированном обществе, тоскуем по идеологии. Именно этим (тоской) они и объясняют все более активные

разговоры в российском обществе о поиске национальной идеи, национальной идеологии. Но это наивный подход. Без идеологии общество существовать не может, ибо не может обойтись без управления, без политики. И чем более оно политизировано, тем острее потребность в идеологии. Другое дело — гиперидеологизация политики, как это было в советские времена, в результате чего наши политические лидеры не могли адекватно реагировать на происходящее в мире и собственном обществе перемены. Идеологические нормы заслоняли пути решения актуальных жизненных проблем. Гиперидеологизация политики парализовала управление обществом и привела к разочарованию населения коммунистической идеологией. Система прогнила изнутри и потому под ударами извне развалилась легко и быстро: исчезли духовные, идейные скрепы, уже не было веры ни в идею, ни в лидеров. Целое развалилось на части и частицы, атомизировалось.

Этот процесс продолжается до сих пор. При том, что в стране десятки политических партий, каждая из которых претендует на роль спасителя отечества, страна деградирует. Народ не верит ни политикам, ни власти. Почему? Потому что ни власть, ни партии на самом деле не хотят того, чтобы широкие слои реально участвовали в политике. Ибо тогда в этой политике будут доминировать интересы широких слоев, которые станут доминировать над интересами узкого круга лиц, стоящими сегодня за этими партиями, губернаторами, министрами. Иначе говоря, национальная идеология (вопросы национальной безопасности, национального благополучия т. д.) сегодня тоже разграблена, приватизирована властью и политиками, которые трактуют ее каждый по-своему, в своих интересах, искажая порой до такой степени, что идеология, отражаясь в зеркале жизни, не может узнать себя. Она уже и не

идеология, а только политика, то есть система мер и действий, приносящих успех и выгоду субъектам этой политики. Иначе говоря, мы наблюдаем картину, прямо противоположную той, которую видели в советские времена: гиперидеологизация политики заменена гиперполитизацией. Если раньше решение частных жизненных проблем населения закрывалось общими идеологическими догмами, то теперь решение общенациональных задач блокируется частными и, как правило, экономическими интересами. Как писал еще Гераклит, «расходящееся сходится». А итог все тот же — страдают «широкие слои». И в первом, и во втором случае они оказываются за бортом реальной политики. Прежде они были нужны, чтобы слепо одобрять решения верхов, теперь необходимы в момент выборов президента, Думы, губернаторов. Как могут «широкие слои» одобрять политику их обворовывания, унижения и по сути дела истребления? Это вне всякой логики. Но значит, они не могут принять и идеологию (идеологии?), из которой эта политика вытекает. А если «широкие слои» не принимают существующую идеологию, то она не может быть названа «национальной». Понятия «народ» («широкие слои») и «нация» не тождественны, но не бывает «нации» без «народа». Народ первичен. И значит, если мы ищем основы национальной идеологии, то не можем не думать об интересах народа, о реальном участии «широких слоев» в принятии политических решений, касающихся настоящего и будущего страны во всех аспектах общественной жизни: экономики, социальной сферы, культуры и т. д.

Выход я вижу в определении и соблюдении границ взаимопроникновения идеологии и политики. «Мера — наилучшее», — говорил Фалес еще в древние времена. Ничего слишком: ни

гиперидеологизации политики, ни гиперполитизации идеологии. На практике это означает поиск и нахождение равного учета интересов «широких слоев», властвующих и капиталистов. Иного способа достижения гармонии нет. И до тех пор, пока она не будет найдена, никакой подлинной «национальной» идеологии у России не будет, а будет доктринерство, мифотворчество, обман.

Возможно ли спасение и достойный выход из того катастрофического положения, в котором находится Россия? Думаю, возможно.

Ведь если внимательно посмотреть вокруг, то мы обнаружим, что среди сотен тысяч разного рода хозяйствующих субъектов есть не только такие, которые уже погибли или стоят на грани банкротства, но и такие (пусть пока немногие), которые действуют и развиваются вполне успешно. Не «благодаря», а вопреки окружающим их хаосу и беспределу. Это те «точки роста», которые должны многократно множиться, сливаться между собой в новую крепнущую систему экономических, правовых и нравственных отношений, которые при достижении критического перевеса над неэффективными организациями и составят социальное «тело» и «дух» воистину новой России. И это вовсе не РАО ЕЭС, Газпром, ЮКОС и им подобные монстры-монополисты, которые «успешны» прежде всего, потому, что наворовали и присвоили так много, что не в состоянии растратить все, что имеют, при любом, даже самом неэффективном способе хозяйствования.

Я говорю о малых и средних предприятиях. Россия, народ, «широкие слои» — это прежде всего они, ибо их — сотни тысяч, а должны быть миллионы. Тогда будут «рынок», «демократия» и т. п. Они возникнут, будут жить и преуспевать, если будут иметь нравственно здоровую идеологию — идеологию развития,

справедливости, чести и достоинства, основанную на вере в собственные силы и разумные отношения с внешним миром.

Не буду искать примеры на стороне. Расскажу о том, как спасался и спастся от гибели наш вуз, который является сегодня лучшим среди негосударственных вузов и одним из лучших вузов в России вообще. Но девять лет назад несколько его зданий лежали в руинах. В буквальном смысле — они были разрушены, не было перекрытий, стен, окон. Огромные площади были сданы в аренду, и это был основной источник доходов. Зарплата была мизерной. Люди были деморализованы. В принципе, вуз был на расстоянии 3–4-х месяцев от банкротства и исчезновения из образовательного пространства. В этой ситуации группа руководящих работников, которую я возглавлял, поставила перед учредителями вопрос о смещении бывшего ректора. Нас поняли, с нами согласились. Я был назначен ректором практически развалившейся, экономически, финансово, материально и морально деградировавшей структуры.

В этой ситуации я должен был предложить стратегию, формулу успеха, план и программу практических действий, в которые поверили бы мои заместители и подчиненные по службе люди — более тысячи человек. Я не мог делать вид, что я знаю то, чего не знает никто. Я должен был быть честным, чтобы мне поверили, согласились со мной внутренне, утвердили мои планы, санкционировали мои действия. Да, по Уставу вуза я — единоначальник. То есть формально могу принимать решения без чьих-либо советов и одобрений. Но невозможно заставить «широкие слои» хорошо, с энтузиазмом делать то, чего они не хотят делать, во что не верят. Я понимал, что если буду только командовать, то люди просто уйдут в другие вузы или в иные сферы, как это уже происходило. И тогда я опозорюсь. Тогда зачем брал власть? Я

должен был вдохновить людей, дать им идею, которая бы их мобилизовала. Я нуждался в соратниках, в тех, кто способен думать, много и качественно работать, жертвовать. В совершенно, казалось бы, губительной ситуации я рисовал им картину ближайшего и среднесрочного «светлого будущего», которое я видел в общих, но вдохновляющих очертаниях. Я говорил о том, что негосударственное образование со временем может стать лучше государственного, что наш вуз может стать одним из лучших в стране и т. п. Были такие, кто считал это фантазиями. Но многие верили мне. Из дня в день, из месяца в месяц, из года в год шли бесконечная «мозговая атака» и тяжелая работа, которая продолжается и сейчас. И вот наш вуз уже не институт, а академия, в нем учится студентов в 10 раз больше, чем было тогда, его финансовое положение в отличном состоянии. Завтрашний день будет еще лучше. Что случилось? Нас спасли идея и идеология, которые сейчас можно определить как систему представлений и идей о развитии нашего вуза, выражающие интересы всех, кто работает и учится в нашей Академии. Всех, а не только «верхушки» управления. Часть этих представлений и идей зафиксирована в различных документах, приказах и докладах ректора, а многие просто находятся в моей голове, постоянно корректируются. Некоторые выветриваются. Появляются новые.

Хотя и в самом деле, на первый взгляд, многое выглядело парадоксальным, «нелогичным», авантюрным и фантастическим. Потому что, повторяю, вуз находился на грани гибели. Какая мысль первой приходит на ум в такой ситуации? Выжить. Просто — выжить. И только. Разве это мало? Чтобы жить, надо быть живым. До этого момента жизнь строилась именно так. А я, вспоминая слова старого сказочника Андерсена, повторял: «Чтобы жить, мало быть

живым. Нужны воздух и солнце, и — «маленький цветок»: идея, мечта, вера. Идея состояла в том, чтобы не выживать, а — жить. Из нее вырастала целая сумма других идей. Мы поставили очень серьезные цели развития и стали за них бороться. Формула успеха звучала вроде бы очень просто: «выживание через развитие». На стене моего кабинета висел листок бумаги со словами: «У нас нет денег: мы должны думать». Мы очень много работали, но при этом стали организовывать различные праздники для работников и студентов. Ибо выживание — это не только тяжкий и монотонный труд, но и веселье, и удовольствия. Людям необходимы надежда, которую дают хотя бы маленькие успехи, движение к лучшему. Люди нуждаются в общем деле, общей цели. Вся наша жизнь есть выживание, поэтому надо успевать радоваться жизни, но не терять из виду цель, смысл. С экрана телевизора слышалось: «Политика — это искусство возможного». Эта истина мне ближе и я проповедовал именно ее. Я не стану пересказывать всего, что мы напридумывали и сделали. Главное: невозможное мы сделали возможным.

К чему я все это говорю? Происшедшее и происходящее с нашим вузом — это мини-модель того, что может произойти и с Россией. Конечно, все будет гораздо сложнее и трудней, но схема, подход — те же.

Нужны идея и идеология, которые отражали бы интересы если не всего, то большинства народа. Идея и идеология, которые вдохновили бы, объединили и мобилизовали его ум, волю и энергию. Банально? Да. Но это — истина. Иного не дано.

Когда мы говорим, что у России сегодня нет идеологии — это неправда. Она есть. Но это идеология своекорыстных интересов политической клики, которая правит страной. Когда Ельцин объявил конкурс на поиск национальной идеи, это была не более чем

маскировка происходившего. И это был момент реализации их разрушительной идеологии. В России властвует идеология радикал-либерализма, либертарианства, не используемого и не реализуемого более нигде, а только у нас. Но все уже чувствуют, а многие понимают, что существует вакуум на идеологически обоснованные ориентации и социальные действия, которые отражали бы интересы не 2–3 процента, а большинства населения страны. И тут, на мой взгляд, особо нечего мудрить. Национальная идея для России — это безопасность и благополучие самой России. И все, кто покушаются на эти основополагающие ценности, ориентиры и принципы, — вне морали и вне закона. Их место либо в тюрьме, либо за рубежом.

Человечество сегодня находится в ситуации выживания. Мы все рассуждаем с вами в категориях будущего. Не принимается во внимание один простой факт: будущего может и не быть. Вот сверхвызов. Все остальное меркнет перед этим. И это не фантазии больного ума. То, что будущего может не быть, доказано. Научой доказано. Вспомним выводы того же Римского клуба. Да, у него была задача шокировать, испугать мировое сообщество. Но не только. В этих выводах очень много правды. Видеть надо, прежде всего ее. Разве это не факт, который достоин самого серьезного отношения всего человечества, а интеллектуалов, каковыми мы являемся, тем более? В 1991 году рухнул «реальный» социализм, подорваны основы идеологии, которая его питала. Но в 1992 году на известной всем конференции ООН в Рио-де-Жанейро был вынесен приговор и другой идеологии, оппонировавшей коммунизму и сегодня еще существующей как реальность, — идеологии либерализма. Сегодня мир находится в ситуации поиска новой идеологии, новой парадигмы развития. И она уже выдвинута — это парадигма так называемого «устойчивого развития». Пока (как

реальность) она не существует, не прижилась ни в мире, ни в России. Не прижилась, прежде всего, по политическим причинам: она не выгодна именно развитой части мира. Но, тем не менее, именно она, на мой взгляд, является базисной идеей, теоретической основой выработки мировой стратегии развития человечества, а, следовательно, и выработки российской идеологии развития.

Я выступаю в поддержку идеи устойчивого развития, в том числе и потому, что она обоснована и предложена Организацией Объединенных Наций, а не отдельно взятым исследователем. За этой концепцией стоит мощь интеллекта тысяч умнейших людей мира. Думаю, что в ее пределах и лежат основы той национальной идеологии, которую мы пытаемся обрести в России. И это должна быть идеология спасения, идеология выживания через развитие в его новом понимании. В экономике, политике, социальной сфере. Там много новых идей. Экоэкономика. Идея культуры мира, которую в течение последних 10 лет отстаивал ЮНЕСКО. Там есть масса других идей, которые просто не работают, потому что не внесены, не запущены в общественное сознание. Неосознанность происходящего и отсутствие там конструктивных позитивных идей, которые могут быть использованы в качестве ответа на глобальный сверхвызов, по-моему, и создают ту ситуацию, когда мы бесконечно говорим о прошлом или о том, что выход найти нельзя, общество развалилось и т. д. Так давайте его объединим! Посмотрите, как легко народ объединяется: вокруг футбола, вокруг каких-то пустых идей, которые в его сознание бросает наша власть, не знающая, куда вести страну.

Конечно, страну уже невозможно и не нужно пытаться вернуть в завтрашний день. Но в прошлой идеологии были элементы, от которых не уйти. Скажем, та же идея социальной справедливости.

Недавно я прочитал один из номеров журнала «Хроника ООН». В нем есть рубрика «Всего одна мысль». Там приведены высказывания 99 руководителей глав государств и правительств, их заместителей и министров иностранных дел. Среди них был проведен опрос по поводу причин терроризма. Так вот: 90 процентов в качестве причин терроризма называют социальную несправедливость, бедность и нищету. Среди этих 90 процентов развитых стран нет. Только германский вице-канцлер сказал, что без кардинального пересмотра взглядов «первого мира» в отношении «третьего мира» преодолеть проблему терроризма невозможно; без этого терроризм не искореним. Иными словами, необходим радикальный пересмотр концепции развития человечества. И Россия в этом случае — частный пример. Неосознанность этого, нежелание понимать, как далеко мы зашли, что мы на краю, создает условия, в которых все вынуждены и начинают рассуждать о будущем. Хотя уже некогда рассуждать, а нужно действовать. И быстро. Тем более что уже есть наработанные идеи, которые надо просто запускать в общественное сознание. Сами по себе идеи не заползают, их надо внедрять.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Валерий Леонидович Петров, ученый секретарь Академии геополитических проблем.

В. Л. ПЕТРОВ

Уважаемый председатель Клуба, уважаемые коллеги, наши выступления — выступления тезисные, с этим отчасти связан их фрагментарный характер. Поэтому, может быть, не все удастся изложить по порядку.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание. Национальная идея, которая формирует национальную идеологию, должна иметь историко-культурную связь, должна иметь традицию. В древней истории, истории Руси и России имели место очень здравые зерна, которые сегодня необходимо взрастить.

Второе. Национальная идеология не обязательно должна объединять всех. Она и не может объединять всех.

Третье. Социология не может изучать духовно-религиозные начала. Это в большей степени сфера истории. Сейчас наблюдается тяга к православию. Однако она скорее вызвана стихийными процессами, чем сознательным навязыванием. Хотя есть и это. В определенном смысле идет оккупация церкви. В частности, через распространение давно известной ереси жидов, имеющей шестивековой опыт борьбы с православной церковью. Вот именно здесь разрушается образ града Китежа.

Далее. Если идея органична культуре народа, она сама завоевывает сознание людей. Она становится материальной силой, особенно явно ощутимой в кризисные моменты истории.

Следующее. Проблема заключается не в самой национальной идее или русской идее, не собственно в идеологии, а в ее вербализации, в ее артикуляции. И, прежде всего, это проблема верховной власти. Идея может быть сформулирована следующим образом. (Эти проработки существуют на уровне научного коллектива. Очень коротко). Существуют три уровня, три компонента общенациональной российской идеи. Российская, русская идея неотрывна не только от мессианства, но и от имперской идеи.

Первый верхний уровень: вера, правда, справедливость. Именно в этом пункте заключены и готовы развиваться русское, российское мессианство, праведность.

Второй уровень или второй компонент: держава, империя, единовластие, собор.

Третий уровень: отечество, народ, земля, патриотизм, народность. Именно такая идея, ее конкретизация может стать той спасительной идеологией, имеющей характер надпартийности, наднациональности. Она может охватить достаточно широкие слои коренного населения России. Это своего рода сословно-корпоративное общероссийское, народное движение. Почему бы нет?

И в заключение я хотел бы сделать три замечания. Первое. Советская история — это технико-технологический рывок, прорыв. В то же время это и духовно-нравственный провал. Из данного периода я выбрасываю катарсис Великой Отечественной войны, который был взлетом, возрождением самосознания русского народа, что потом было добросовестно затоптано, да и просто расстреляно.

Следующее. Гражданская война идет уже, по меньшей мере, пятьдесят лет. Как минимум, десять — это точно. К сожалению, до национально-освободительной войны эта форма сопротивления не поднялась. И последнее. Идея, идеология всегда имеют национальность. Идея свободы, равенства, братства имеет четко обозначенную национальность или хотя бы четких ее носителей. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Журавлев Юрий Иванович.

Ю. И. ЖУРАВЛЕВ

Уважаемые коллеги, несмотря на мое сугубо точное математическое образование, выступление у меня будет скорее эмоциональным. Просто мне очень понравилось несколько предыдущих докладов. Я хотел бы на них остановиться. И высказать несколько точных квазивещей.

Во-первых, мне очень приятно услышать Игоря Михайловича. Отнюдь не потому, что я знаю его много лет, не потому, что он хозяин того помещения, где мы находимся, а просто дело в том, что мне, начиная где-то с 1990 года, пришлось пройти те же самые этапы. Получилось так, что в конце перестройки я тяжело заболел, на пару лет был исключен из реальной жизни. До этого мне пришлось командовать довольно большим научным коллективом, который занимался сверхмодной тематикой — принятием решений на основе учета разнородной, частично противоречивой и неполной информации в политике и в геологии. Мы были очень востребованными в Советском Союзе, да и потом тоже. Этим много занимались американцы, поэтому мы не страдали от отсутствия финансов или от чего-либо еще. Когда я появился после болезни, я увидел то, о чем говорил Игорь Михайлович, — развалину. Ведущие научные сотрудники получали деньги, которых не хватало даже на оплату квартиры и проездного билета. Финансирование практически отсутствовало. Вокруг ученых ходило огромное количество зарубежных комиссаров, которые предлагали «золотые горы и реки полные вина» — только уезжайте, только к нам, и там у вас все будет.

Мне было приятно слышать Сергея Георгиевича, который абсолютно точно заметил: чтобы добиться некоторой цели, надо формулировать цель более высокого уровня. Если этого не делать,

то цель более низкого уровня не достигается. Тогда тоже была поставлена именно такая задача. Если бы я им сказал: давайте, ребята, выживем так, чтобы у нас хватило на проездной билет, на квартиру, то, скорее всего, команда разбежалась бы. Была поставлена другая задача: у нас есть все возможности для того, чтобы стать одной из ведущих научных школ мира, приемлемо жить и т. д. То есть была поставлена цель, на порядок более высокая.

Могу вам сказать, чего за прошедшие годы удалось добиться. Примерно из 300–400 человек, которые работали непосредственно со мной или моими учениками, уехали двое. Все остальные остались, хотя многие из них живут отнюдь не так уж хорошо. Но у них есть цель — создание мощной научной школы и тем самым возвеличивание России. Это первое, что мне хотелось бы сказать.

Теперь о морали. Действительно, сброс антиморальных вещей к нам был колоссальный. С этим все согласны. Тут спорить трудно. Существуют огромные группы людей, где вообще мораль как таковая просто отсутствует. К сожалению, речь идет не только о так называемых «новых русских». То, что говорил мой сосед, тоже верно. Могу привести более страшные примеры. В наши организации часто обращаются, когда возникает необходимость исследовать причины различных авиакатастроф. И нам известны факты фантастического мародерства. Оказывается, когда падает самолет, все окрестное население сбегается и среди дымящихся развалин вытаскивает ценности. Но, хочу сказать, это отнюдь не означает всеобщей деморализации. Если бы действительно в обществе нигде не признавались законы морали, то откуда бы вы взяли наших учителей, работающих за нищенскую зарплату и не так уж плохо выполняющих свой долг? Откуда бы вы взяли огромное количество врачей? Не буду продолжать. Это понятно.

Думаю, что полностью все же мораль не истреблена. Островки есть. Напомню один факт истории. В Смутное время независимой оставалась лишь нижегородская земля, а потом развитие событий пошло таким образом, что Россия стала свободной страной. Пойдет так сейчас или нет — не знаю. Но чтобы пошло, мы здесь и собрались.

Несколько слов о последнем выступлении Игоря Михайловича.

Безусловно, возврат к старому в чистом виде никогда не возможен. Не открою истину: два раза в одну реку войти нельзя. Конечно, возврата к советскому прошлому не будет. Но я тоже считаю, что то время было очень хорошим, хотя там были свои проблемы, свои недостатки. Отец мой, например, два раза сидел — в 1937 и 1948 годах. Так что по-всякому бывало. Тем не менее, я считаю, что тогда было весьма неплохое общество.

Войти два раза в одну и ту же реку нельзя. Конечно, надо изучать то, что формулирует Римский клуб, и саму идею глобализма как таковую. Если просто взять ее как идею, то в ней можно найти много интересного. Однако дело не в самой идее глобализма, а в том, в какой форме она к нам приходит. А приходит она к нам в так называемой американской форме. Вот это страшно. Мне приходилось работать в Америке довольно долго. Я хорошо знаю американцев. В их обществе царит абсолютный примитивизм, хотя мы считаем, что это достаточно высокоразвитая цивилизация. Да, она технически высоко развитая. В 1966 году мне пришлось быть на стажировке. Городского транспорта и тогда уже почти не было. Пришлось сдавать на права. Наши права тогда совершенно не признавались. Меня уже тогда потрясла система вопросов, на которые надо было ответить, чтобы получить права. Я шаржирую

сейчас один пример, он не совсем такой, но, поверьте, очень недалек от того, что расскажу. Вы едете. Дорогу переходит группа детей. У вас три возможности, три варианта ответа: 1 — давить детей, 2 — сворачивать в кювет, 3 — тормозить.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Юрий Иванович, Вы передаете позицию министра образования Филиппова.

Ю. И. ЖУРАВЛЕВ

Я про Филиппова не хочу говорить, так как я не очень с ним согласен. Пример, который я привел, почти верен. Здесь люди не очень молодые, всю эту примитивность вы помните. Все это прекрасно описали американские писатели-фантасты. Они изображали людей, которые воткнули наушники и слушают музыку. Верховные правители, дабы показать ничтожность прошлого, ничтожность классической музыки, приводят знаменитого скрипача, живущего в трущобах, и заставляют его что-то играть. На секунду всем вдруг понравилось. Правители встревожились: а вдруг действительно нравится? Но это была всего лишь секунда. Потом все переключились на наушники. И вот один человек говорит другому: «Слышал последнее: «бу-бу-бу, милашка», классно!». Мне кажется, что в глобализации вот этот аспект страшен.

Что касается русской идеи. Сложно формализовать такие вещи, как движение жизни. Даже математики знают, что их точные науки абсолютно не точны, потому что все начинается лишь тогда, когда что-то определили и при этом употребили какие-то конкретные слова. Чтобы определить эти слова, вы должны в свою очередь, употребить другие слова. В конце концов, вы придете к

словам, которые не определяются. Думаю, что точное определение русской идеи вряд ли можно дать, но функционально описать, что это такое, наверное, можно. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Вадим Михайлович Межуев, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН и профессор кафедры культурологии МГСА.

В. М. МЕЖУЕВ

Я так понимаю, что о чем бы мы здесь ни говорили, какую тему ни предложили для обсуждения, вопрос так или иначе будет сводиться к судьбе страны. К судьбе народа. Как он живет и что переживает в настоящий момент, в данной ситуации. Это понятно. У всех это болит, больше всех это волнует. Удивительная вещь — чем больше мы углубляемся в современную ситуацию, в то положение, которое сложилось в стране, тем больше мы уходим от нашей темы. От темы идеи национальной, русской — называйте, как хотите, — которая должна быть, как я понял, предметом обсуждения. Дело в том, что любые идеи имеют одну особенность: они живут в вечности. Они не живут в историческом времени. Я могу даже сказать, вполне возможна такая ситуация, когда народ уйдет и страны не будет (так было в истории), а идея, ради которой жил народ, сохранится. Вот современные греки — это не греческие эллины. Это совсем другой народ. А вот греческая идея, выраженная в греческой философии, до сих пор питает европейскую мысль.

Итальянцы — это не римляне, но римская идея — это и есть основная идея Европы. А римлян и римской цивилизации уже давно

нет. Идея — это то, что останется после нас, когда нас не будет. Если идея нужна только для того, чтобы выжить, тогда идеи нет. А иногда, может быть, стоит отдать и жизнь за идею! Вот о чем идет речь. Поэтому Достоевский, который, по-моему, первый поставил этот вопрос, правильно сказал в своих дневниках: «Нет ни великого человека, ни великой нации, если нет той идеи, ради которой он живет».

Это есть вопрос об идее. Зачем мы появились на свет? Зачем вообще Россия появилась в истории? Просто для того, чтобы выжили русские? Или она чему-то другому служила? Есть народы, которые на этот вопрос ответить не могут. Они живут потому, что они есть. Их не будет, и все об этом преспокойно забудут. А есть народы, которые ушли с исторической арены, оставили нечто такое, без чего человечество вообще дальше жить не может. Есть ли такая идея у России? Или нет? Вот об этом спор, об этом разговор, как я понимаю. Вы затронули этот вопрос. Я хочу немножечко продвинуть его обсуждение.

Давайте не путать разные вещи. Под идеей понимаем все что угодно. Мы понимаем под нею теории, планы, программы, цели. Идеи нельзя придумать. Идеи не изобретают. Как Платон считал, идеи только вспоминают. Идея не может быть новостью. Мы сегодня живем в новостной культуре, поэтому у нас так плохо с идеологией и с идеями. У нас люди перестали реагировать вообще на идеи. Они реагируют только на новости. Поэтому у нас вместо идеологов имиджмейкеры, а вместо идеологической борьбы — борьба компроматов.

Попытаюсь четко сформулировать, что такое русская идея. Ее надо обнаружить, отыскать. Ее нельзя изобрести. Она есть или ее нет. А где ее можно отыскать? Когда-то Платон говорил: «Все идеи

находятся в умном месте». А где это умное место расположено? Не ищите его в психологии. Не ищите в потребностях. Никакой социологический опрос не спасет. Можете всю страну спросить — идеи не обнаружите. Потому что она находится не в эмпирическом сознании. Она может находиться либо в религии этого народа, либо в его философии, либо в его науке. И проблема поиска идеи — это не поиск ответа на вопрос, как сегодня решать экономические проблемы. Поиск идеи — это вопрос о том, может ли существовать данное культурно-историческое образование и зачем оно существует.

Итак, если мы возьмем какое-то первое поколение цивилизации, например, шумерийцев, вавилонян или египтян, они никогда не отличали себя друг от друга по идее (идеология является образованием довольно позднего происхождения). Они отличали себя по богам. А еще раньше по мифам. У каждого народа был свой миф, свой бог. Потом появились мировые религии. Впервые люди стали идентифицировать себя по идее, начиная с Греции. Там возникла философия. Идеи возникают только в философском сознании. Философ — специалист по идеям. Один народ сказал: мы отличаемся друг от друга не тем, что мы верим в своих олимпийских богов, а у нас есть особая идея. Впервые возникла способность идентифицировать себя по идее.

Потом пришел Рим. Возникла римская идея. (Мы никак не можем понять, что русская идея есть продолжение римской идеи!) Что из себя представляла римская идея? Поиск идеи — это поиск универсальности, которая может объединить людей в большом масштабе. Не в национальном, а в сверх-, в наднациональном. То есть, национальные интересы — это то, что я хочу для себя. В этом смысле у каждого народа, у каждого человека есть свой интерес, нет

никакой заслуги. А идея — это то, что я хочу для всех. Не только для себя и не только для своего народа. Это очень важно понимать. Не надо путать разговор о национальных интересах, который присутствует в политике всегда (это баланс интересов), с разговором об идее, с представлением о том, а что же я хочу пожелать не только себе, но и всем остальным. Римская идея считала, что человечество можно объединить с помощью прав. Римская идея родила идею гражданского общества и правового состояния. Дать всем права — на этом строилась политика Рима. США ее и сейчас продолжают. Откажись от своего национального суверенитета во имя гражданских прав — во имя этой идеи движется вся политическая история Европы.

Была еще версия, которую родила Византия: сами по себе права, само по себе гражданское состояние человечество не спасет. Этого мало. Потому что построить общечеловеческий мир на базе индивидуального эгоизма невозможно — это путь в никуда. Поэтому в Византии родилась другая идея: мир спасет гражданская община, которую необходимо дополнить духовной общиной, дополнить идеей не только личного, индивидуального спасения, но и идеей того, что я никогда в этом мире не спасусь, если не спасутся другие. Западная идея привела к протестантизму, к этике индивидуального спасения: каждый спасается, как может, кто силен — тот и может. Но в то же время возникла параллельная, противоположная идея, идея, заключающаяся в том, что при любом стечении обстоятельств мой народ не спасется, если не спасутся все народы. Это и есть русская идея. И ничего другого она не означает. Это и есть этика коллективного спасения. Читайте это у всех великих русских классиков, у хороших философов. С этого начинается Соловьев свою знаменитую Парижскую лекцию о русской идее, где

он пишет: идея — это не то, что народ думает о себе, не то, что нация думает о себе. С этим у нас все в порядке. Идея — это то, что Бог думает о нации. Что значит «Бог»? Что думает Бог о России?

Поэтому русская идея — это идея как жить в соответствии с моралью христианства или с моралью коллективного спасения. Это можно преподать не обязательно в религиозном виде. Нельзя понять, что мы все время действительно жертвовали собой во имя каких-то общих ценностей, идеалов. Сегодня от этого хотят отказаться. Говорят: хватит нам всех этих всемирных планов. Давайте, замкнемся в своих национальных границах и будем решать свою проблему. Бог с ними! Вот уйти в себя — это и значит изменить русской идее. Вот и все. На этом построена вся великая русская литературная культура, с ее всемирной отзывчивостью, с ее способностью перевоплощаться в кого угодно. С ее колоссальной восприимчивостью. Русские всегда брали на себя миссию какого-то духовного объединения. Вот что такое русская идея. Русская идея о том, что спасти себя могу не индивидуально, а только в мире, вместе с этим миром.

И последнее. Это не политическая идея. Это не выбор между социализмом и капитализмом. Не власти его предлагают. Это не политическая идеология. Это идеология именно национальная, сохранение своего национального культурного лица. Так понимаю русскую идею.

Я абсолютно уверен, что если даже Россия не выдержит испытаний (я боюсь, что мы идем в какое-то историческое небытие, это не значит, что территории не останется. Останется территория, ее будет кто-то заселять. Ведь что-то осталось от греков), то трагедия будет не в том, что русские исчезнут с лица земли. Нет. Никуда они уже не исчезнут. Трагедия заключается в том, что

исчезнет то, что называется идеей. Я не знаю, что для кого значит Россия. Для одних Россия — это государство, для других — это просто этнический народ. Для меня Россия — это та великая культура с ее вселенской миссией. Миссия нахождения каких-то мостов между конфессиями, между культурами, миссия какого-то духовного объединения во имя спасения всех, какого-то коллективного поиска выхода — вот это может уйти. Тогда уйдет просто Россия. Некоторые об этом мечтают. Может, она Финляндией станет, Голландией или еще каким-то маленьким государством, но это будет то же самое, что эллины и греки или итальянцы и римляне. Мне кажется, что в этом направлении нужно говорить о русской идее. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Объявляется перерыв.

После перерыва председательствует И. М. Ильинский, вице-президент Русского интеллектуального клуба, доктор философских наук, профессор

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Я продолжу ведение заседания нашего Клуба.

Слово имеет Даниленко Игнат Семенович — доктор философских наук, профессор, генерал-майор запаса, руководитель Центра стратегических исследований Академии Генерального штаба ВС РФ. Пожалуйста.

И. С. ДАНИЛЕНКО

Надо глубже окунаться в историю, там искать истину.

Когда мы говорим об идеологии, мы должны прийти к выводу, что никогда больших обществ не существовало без идеологии. Она была всегда. И вообще формированию крупных цивилизаций человечество обязано именно идеологии. Где идеологии не было, те народы просто растворились, по крайней мере, как самостоятельный духовный субъект исторического процесса они не состоялись. Поэтому мы должны исходить из следующего: нет идеологии, не будет у России идеологии, значит, не состоится исторически и национальная государственная общность людей. Это должно быть очень четко и ясно осознано. Другого вывода тут не дано. Поэтому мы обсуждаем вопрос существования нашего государства.

Александр Александрович сказал, что в Советском Союзе была самая организованная идеология, и нам ничего более сильного не противостояло. Я думаю, если и принять данное утверждение, то только с оговоркой.

Вообще необходимо пояснить, как пошел процесс развития идеологии. Вначале сформировались мировые цивилизации, а потом началась их модернизация. Давайте посмотрим, как шла идеологическая модернизация. Традиционализм, я имею в виду то, что основано на исходных цивилизациях, модернизировался на базе двух идеологий — либерализма и социализма. Давайте посмотрим на историю. Как, допустим, дело обстояло в Англии. В период Кромвеля шла модернизация традиционализма на основе либерализма, но сохранялся и вариант социализма.

Посмотрите на последующую британскую историю и увидите, что и социализм, и либерализм идут там вместе, и так происходит до сих пор. Сегодня мы с вами наблюдаем, какой почет и уважение оказываются английской королеве. В данный момент истории

монархия — это, конечно, лишь символ власти. Но в жизни цивилизации можно обнаружить много символов. Цивилизация — не обязательно власть. Речь зачастую идет о том, что движет людьми.

Возьмем историю Франции. Там происходила модернизация либерализма, но с жесткой ломкой традиционализма. И что же получилось? Во время Великой Французской революции (потом 1830, 1848 годы) французы так подорвали себя, что впоследствии уже не смогли оправиться и всегда «хромали». Примером тому могут послужить военные столкновения с Пруссией.

А теперь возьмем отечественную историю. 1917 год. Что получилось? Вначале либералы вели жесткую борьбу с традиционализмом. У нас почему-то в исторических работах не показано, что именно либералы развалили империю.

А дальше посмотрим, как складывалась советская идеология. И увидим, что она очень тяжело складывалась. Ломка традиционализма потребовала отказаться от новой идеологии. Если мы внимательно проанализируем внутривнутрипартийную борьбу 1920–1930-х годов, то обнаружим возвращение к традиционализму. И мы успели вернуться накануне войны, поэтому и выиграли войну.

Сегодня мы формально опять возвращаемся к традиционализму. Брошено и то, что устоялось, то, что дал социализм. Но никаких реальных возвращений тут нет. Мы, скорее, становимся свидетелями создания такого сумбура, в котором никто ничего не понимает. По-видимому, «сценаристы» сумбура знают, что они делают. А остальные? «Режиссеры» еще что-то знают и то не все, а «актеры» — те просто в массовых сценах играют и могут оценить происходящее.

И надо иметь в виду, что исторический процесс носит «мировоенный» характер. Подготовка к войне идет постоянно, периодически возникают вооруженные столкновения, которые так и обозначаются. Война ведется с помощью двух сил: физической и духовной. И умные полководцы уже в древности зафиксировали, что примат имеет духовная сила. Наполеон как великий полководец давал такую цифру (конечно, она является оценочной, но все-таки это оценка гениального человека), точнее, такое соотношение факторов духовного и физического для достижения победы — 3:1. Поэтому он начинал войну, чтобы поднять свои духовные силы, потом унижить ударом противника и на этом все закончить. И он блестяще это делал для своего времени.

А вот XX век. Он дал две вещи: оружие массового поражения и духовные средства массового воздействия. И оказалось, что американцы отработали технологию не только ядерной бомбы, но и духовных средств ведения войны. У нас пишут сейчас о применении высокоточного физического оружия. Американцы давно высокоточно применили духовное оружие против определенных организаций, учреждений и конкретных лиц. Для того чтобы в этом убедиться, надо просто знать историю, знать как американцы при создании разведки, нынешнего ЦРУ изучали Гитлера. Они изучали его досконально, до мельчайших психологических деталей, потому что они поняли, что один человек, действующий подобно Гитлеру, может провести операцию, более значимую, чем фронтовая операция.

К сожалению, мы всего этого не посчитали. Поэтому идеология сейчас чрезвычайно важна. Необходимо ее сформулировать — и чтобы весь народ в нее поверил, а не жил с двойным сознанием: или у него есть своя российская

гражданственность, или нет ее, или можно с двойным гражданством жить и т. д.

Вот тут вся сложность и заключается. По-моему, противников создания этой идеологии будет очень много. И они будут препятствовать ее созданию. Но здесь затронут вопрос существования национального государства. Если не создадим идеологию, не будем существовать как национальная государственная общность.

Я считаю важным отметить и тот момент, что американская позиция перецивилизации народов ущербна. Создание единой моноцивилизации опасно для самих США. Поэтому я согласен с тем, что говорил Леонид Григорьевич. Надо продумать цивилизационное сотрудничество или какие-то другие формулы. Второе — негуманное решение глобальных гуманитарных проблем, аукнется не только объекту, против которого оно направлено, но и субъекту, который его принимает и воплощает в жизнь. Наконец, надо учитывать, что существует еще одна проблема: идет смена этнических поколений, этнического состава населения — как американского, европейского, так и российского. Пока все зациклены, господствует сиюминутное мышление, направленное на живущие поколения, а следует мыслить исторически, хотя бы на три поколения вперед (100 лет).

Поэтому, разрабатывая идеологию, важно учесть этот поколенческий момент. Идеология должна рассчитываться минимум на сто лет.

Спасибо.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Спасибо большое.

Слово имеет Шершнев Леонид Иванович — президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации по безопасности, генерал-майор запаса.

Л. И. ШЕРШНЕВ

Я бы хотел заострить ваше внимание на практической стороне нашего сегодняшнего заседания Клуба. Думается, что ни одна государственная структура, ни одно государственное учреждение, включая научное, не способны выработать национальную идеологию уже по определению, поскольку цели народа и тех, кто нами правит, просто не совпадают.

Параллельно этому мне хотелось бы подтвердить тезис Александра Александровича, когда он говорил о реанимации феодальной идеологии, которая проходит на официальном уровне. Я думаю, что вы все читали книгу Яковлева, вышедшую в 1992 году, которая называется «Обвал». В ней рисуется перспектива перехода России в течение нескольких десятилетий к социалистическому капитализму через стадию социализированного феодализма. Вот кто первый назвал «стадию социализированного феодализма» и определил для нее «несколько десятилетий». Я думаю, что это очень опасно. Почему? Что, допустим, в этом же ключе говорит Президент Путин? У Путина спрашивают, а есть ли место русской идее в постсоветской России, и Путин дает очень простой, просто примитивный ответ: это экономическое освоение огромных территорий, которые оказались под контролем Российской Федерации, и совместная с Европой и другим цивилизованным человечеством работа по освоению этих территорий с одновременным поднятием на этой базе материального уровня,

благосостояния самого российского народа и естественная интеграция в политические, экономические и оборонные структуры цивилизованных стран. 16 января Путин под этим подписался, это официально опубликовано в прессе.

Поэтому я считаю, что нам необходимо взять на себя функцию выработки российской идеологии. Давайте мы возьмем на себя этот крест. Сегодняшнее заседание обобщим, может быть, из него потом получится первый вариант сформулированной идеологии, потом мы обсудим еще раз этот вариант. Но мне представляется, что мы должны перехватить инициативу и дать настоящую, нормальную идеологию, иначе ее не даст ни Путин, ни Чубайс.

Кстати, вы, наверное, тоже помните книгу Чубайса «Распродажа советской империи». Вот там заключается чубайсовская идеология. И когда мы говорили, что нельзя объединить весь народ, то, на самом деле, на распродаже, на расхватывании и разворовывании вполне объединить можно. Так, по крайней мере, думает Чубайс. Но мы не хотим соглашаться с такой альтернативой. И я вношу в связи с этим еще одно предложение. Давайте мы все-таки перейдем на активное внедрение национальной идеологии, национальной безопасности, национального образования в массы, используя видеокассеты, используя всю современную индустрию. Например, я готов в экспериментальном порядке, на базе Военного университета (есть там кафедра спецпропаганды) записать в одном экземпляре несколько видеокассет, но потом подумать, как их размножить, потому что надо, чтобы эти идеи дошли, прежде всего, до интеллигенции, в семью учителя, в семью офицера, в семью ученого. И только тогда, когда эти идеи войдут туда, мы можем говорить о распространении, другого способа я просто не вижу.

Вот, собственно говоря, у меня все.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Слово просит Данилин Юрий Валерьевич — главный редактор журнала «Сумма технологий».

Ю. В. ДАНИЛИН

Я хочу огорчить предшествующего выступающего тем, что идеям входить некуда и не в кого. И это самое печальное. Мы здесь люди в общем-то одного возраста — это как бы состоявшееся поколение, уходящая натура. Хорошо, что все прилично подготовлены, образованы, слушать очень приятно. Но действительность за окном, к сожалению, не составляет никаких надежд. Идеи должны входить в молодое поколение, в студенческое, но они туда не пойдут. Вчера Российская академия образования, официальное учреждение, проанализировавшая выпуск нынешнего года, пришла к выводу, что две трети выпускников не умеют размышлять, анализировать и т. д. Причем, понимаете, это ведь не одно поколение, а примерно уже три поколения молодых людей. Значит, власть абсолютно не заинтересована в вещах, которые мы здесь обсуждаем.

Я поинтересовался у Александра Александровича, как он относится к Конраду Лоренцу, и мы мило поговорили о зверюшках, которыми Лоренц занимался. Так вот, Лоренц-то подобные явления называл кондиционированием масс. Мне кажется, что наша власть занимается как раз именно этим. Везде образ толпы. Включите любой телевизионный канал. Даже Киселев не может обходиться собственной персоной, он обязательно имеет аудиторию, которая сидит и кивает. Включите любой канал — они все действуют по

методу толпы. А возьмите движение «Идущие вместе»? Мы боимся личности, боимся умного человека вообще и мы делаем все, и в частности в образовании, для того, чтобы искоренить личностное начало.

Средства массовой информации, сложившаяся в государстве система пропаганды дошли до беспредельности. Нужны какие-то новые силы. Я говорю Игорю Михайловичу: давайте создадим здесь, у вас, факультет журналистики. И это будет нашим практическим вкладом в подготовку совершенно новых журналистов, которые могли бы хоть что-то знать. Современная журналистика — это ведь полное отсутствие знаний. Когда-то Ягодин хотел прикрыть факультеты журналистики, и я очень сожалею, что он не успел это сделать. Лучшие студенты получали хоть какое-то базовое образование, а потом уже осваивали ремесло и учились что-то писать. Но сегодня журналисты не умеют ни того, ни другого. У них полная безответственность. Нужен совершенно другой пишущий человек, а значит, его нужно где-то воспитывать. Государство никогда не побеспокоится по этому поводу. Факультет журналистики МГУ уже давно не выдерживает никакой критики. Кто-то должен предпринять какие-то конкретные шаги. Лучше предпринять конкретные действия, чем сидеть над системой каких-то взглядов, это будет более эффективный путь.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Я думаю, что хорошо и то, и другое, потому что когда они будут учиться писать, они должны *о чем-то* писать, *что-то* писать.

Пожалуйста, Леонид Григорьевич.

Л. Г. ИВАШОВ

Мы увидели два взгляда, два подхода. Мне кажется, что ситуация в целом с нашей молодежью не настолько печальна. Молодежь, особенно студенческая молодежь, сохранилась достаточно цельным ансамблем, который пока независим ни от либеральных идей, ни от социалистических. То есть это пока ищущая, выжидающая и пытающаяся разобраться молодежь — при всем том, что мы видим за окном много действительно негативного. Но весь вопрос сейчас в том, кто, пойдет, кто будет работать с молодежью.

Вы знаете, нас приглашают в различные вузы, нам приходится выступать. Пригласил и Институт коммерции (бывший Институт советской торговли), куда мне, честно говоря, не хотелось особенно ехать. Но когда я побывал там, вы знаете, я просто пришел в восторг от того, что делает ректорат не только по обучению, но и по воспитанию молодежи. То же происходит и в некоторых других вузах. Такой пример мы наблюдаем и здесь.

У нас есть свой опыт — опыт Академии геополитических проблем. Предлагаем и ведем курс геополитики в вузе. Я, например, руководил курсом в самом, казалось бы, идеологически сложном вузе — МГИМО, на факультете международной журналистики. На наш курс отвели нам 32 часа. Можно сравнить, что за эти 32 часа произошло с молодыми людьми, начиная от первых лекций, когда давались базовые геополитические знания, и до последних — взгляд на события менялся на диаметрально противоположный. Молодежь очень легко поддается влиянию. Сегодня там постоянно присутствует Фонд Сороса, Фонд Карнеги.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Это элитный вуз. Что это за элитность, в каком смысле элитность — вы понимаете.

Л. Г. ИВАШОВ

Это материал, который нужно лепить. И вот как раз те знания, которые есть у нашего поколения, надо передавать молодым, надо создавать основу для будущего. Расписаться в своем бессилии и беспомощности будет, наверное, неправильно.

ВОПРОС из зала

Можно получить кассеты?

Л. Г. ИВАШОВ

У нас есть отработанные на 32 часа, 64 часа, 128 часов. Правда, с собой нет, не взяли, но вообще есть.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Петр Федорович, пожалуйста.

П. Ф. АЛЕШКИН

У меня краткая реплика по поводу выступления Леонида Григорьевича. И вообще наше обсуждение пошло несколько шире, нежели планировалось, но, тем не менее, мы подняли очень важный вопрос.

Я 30 лет преподаю в МГУ. Я не знаю, элитный МГУ университет или нет. Я должен сказать, что проблема нынешней молодежи, скажем, между 1992 и 2002 годами, заключается не в том, что она не подвержена либерализму, еще чему-то. Она не подвержена идее учения, образования — вот это очень важная вещь!

Я думаю, что не стоит так сильно ругать за это молодежь. Дело в том, что высшее образование и хорошее образование сейчас не гарантирует ни карьеры, ни положения в обществе. В общем-то, это началось в позднее советское время. В 1960–1970-е годы те, кто хорошо учился, — это были уважаемые в школе люди, а вот в начале 1980-х годов в школе появился термин «ботаник». «Ботаник» — это отличник, который только учится и больше ничем не занимается. Уже в эти годы образование не гарантировало статуса. Наша молодежь на это реагирует.

И второе. Вы говорите о том, что 32 часа преобразуют молодежь. Очень может быть. Наверное, это так. Но дело в том, что вся система жизни, в которую молодежь приходит, действует совершенно в ином направлении. Можно провести курс на 32, 64, 128 часов, но важно, в какой системе потом молодежь будет жить, так как эта система существенно модифицирует любое образование.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Я думаю, что это тот случай, когда, как в песне поется: мы с тобою оба не правы. Прав и он, правы и Вы. Вообще говорить однозначно о молодежи бессмысленно, это абстракция. Она очень разная. В нынешнее время среди молодежи есть совершенно удивительные, прекрасные ребята, которых вчера я даже не мыслил себе. И есть такие подонки, которых тоже нельзя было представить в прошлое время. И еще есть средний слой — и тут начинается социология: кто, какие по ценностям и т. д. Есть категория людей, которые сегодня любят Россию не меньше, чем мы с вами, кое-чего не понимая, не зная, но на самом деле абсолютно преданы идее служения своей стране и готовы идти — только позовите, только дайте, скажите, что делать, как понимать. Потому что сейчас им

нечего понимать. Они понимают, что их дурачат, что им дуют в уши, что их ослепляют. Они это понимают, а видеть-то ничего не в состоянии сами. И уровень понимания тех, кто учит их, почти такой же, как у них, сплошь и рядом. Это (без всяких обид) наша профессура, преподаватели. Это ведь тоже очень разные люди (очень разные люди!), и есть среди них тоже не читающие, тоже не ценящие образование, хотя работающие в системе образования. Парадоксальные вещи творятся и ныне.

А. И. ФУРСОВ

Игорь Михайлович, можно одну коротенькую справочку с демографической точки зрения, комментирующую то, что Вы сказали. Мы, анализируя динамику смертности по возрастам, с удивлением обнаружили, что самый высокий подскок — это в возрасте 20–24 лет. Динамика самоубийств также наиболее высокая в 20, 24, 25, 29 лет. И вот это трагичное умирание именно молодых заставило нас сделать такое предположение: они наименее защищены в плане психологии, установок. Они нутром, подсознанием не воспринимают «мораль», которую им предлагают. И это еще раз говорит о том, что наше дело в плане воспитания молодежи небезнадежное. Как говорят, яблоко от яблони недалеко падает. Если мы яблони хорошие, то и яблоки наши тоже хорошие.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Я на днях читал Виктора Франкла, австрийско-американского психолога, его работу «Воля к смыслу». Он там приводит удивительные данные, связанные с американской молодежью. 81 проценту опрошенных молодых людей — американцев приходили в голову мысли о бессмысленности существования.

В. М. МЕЖУЕВ

Это так называемая логотерапия.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Понимаете, это проблема не только российская. Другое дело, что в России она сегодня наиболее остро проявляется.

Пожалуйста, Алешкин Петр Федорович.

П. Ф. АЛЕШКИН

Я хотел сказать два слова об одной проблеме — национальной идеологии, и как раз получилось так, что это будет в продолжение выступления Леонида Ивановича. На мой взгляд, какие бы высокие, великие идеи ни выдвигались, но если они отвлечены от реальной жизни, они обречены на вращение в узком кругу ученых, они не владеют массами. Каждая из великих идеологий (сейчас на двух остановлюсь) обязательно опиралась на общечеловеческую психологию, на целый комплекс.

Юрий Юрьевич приводил примеры, что молодежь сейчас выиграет миллион — вот и идея. Он это говорил в связи с проблемой национальной идеи, потом ее связывал с фальсификацией выборов. Дело в том, что, как мне кажется, это не проблема национальной идеи, это проблема психологии человека вообще.

Если мы посмотрим на судьбу двух великих идеологий — христианской и марксистско-ленинской, — то увидим, что власти препятствовали распространению этих идеологий, вы очень хорошо знаете — просто яростно препятствовали. Все равно эти идеологии овладели умами сотен миллионов людей. Почему? Потому что для

простого человека все идеологии, даже национал-социализма, марксизма-ленинизма, были первоначально обращены к обездоленным. Обездоленных всегда много. А потом, когда идеология соединялась с властью, там уже кесарю кесарево, т. е. идеи начинали работать уже на всех.

Поэтому простой человек, обычный человек, когда ему какую-то идею начинают вталкивать, думает: а что будет мне, если эта идея будет воплощена в жизнь? Каждый конкретно спрашивает.

Точно так же по поводу русской идеи. Что будет, если эта идея будет воплощена на государственном уровне? Как мы будем жить? Христианские миссионеры четко и ясно говорили: вот сейчас мы этих богатых... Вы все хорошо знаете, что они говорили для того, чтобы эти идеи овладели умами людей.

Поэтому одна их главнейших, на мой взгляд, проблем (может быть я ошибаюсь) национальной идеологии — необходимость ее популяризации для простого народа, для молодежи. Будут ученые, будут учителя ходить и говорить, а те зададут вопрос: а что мне? Вот он, молодой человек, знает: я выиграю миллион, я буду жить хорошо. Он это знает. Конкретно, ясно, ему все понятно.

Поэтому, когда мы думаем о высоком, все-таки нужно опускаться как-то на землю и смотреть реально, что происходит сейчас, и учитывать психологию человека, потому что каждый человек всегда не доволен своим положением, каким бы хорошим это положение ни было. Всегда хочется лучшего, хочется к лучшему. И вот последняя революция, которая произошла на наших глазах, воспользовавшись этим человеческим свойством, сказала: если мы сейчас у коммунистов отберем власть, будет полное благоденствие и процветание для всех. Но сейчас уже все убедились в обратном, и наступило глубокое разочарование.

Мне кажется, если сейчас появится идея, которая будет близка, понятна массам, простым людям, для нее сейчас наступило самое удобное время, в которое легко можно овладеть умами людей. Но нужны, конечно, энергичные популяризаторы, которые доступным, простым языком ее могут всем объяснить.

И еще о русской идее. Сегодня была высказана мысль о том, что, может быть, русская идея — это мечта о том, какими мы должны быть. Но мне такие размышления неясны. Может быть, все-таки, это даже не мечта, а память о том, какими мы были до христианской цивилизации. У нас была своя христианская цивилизация, менталитет был совсем иной, не было богатых и бедных, не было властолюбия, когда все избиралось, когда все были равны. Может быть, — я не утверждаю, я просто спрашиваю самого себя, — это как раз память, какими мы были, и в дальнейшем — мечта. Может быть, корни-то *там*? И, может быть, потому именно у нас марксистско-ленинская идеология победила и длительное время существовала, что память-то была у нас, что все равны, все общее.

В. М. МЕЖУЕВ

Очень короткая реплика. Чему учить молодежь? Поскольку я тоже в четырех или пяти местах преподаю. Понимаете ли, одно дело образование. Не все люди идут в высшую школу, не все становятся учеными, философами, не всем нужно уж так рефлексировать по поводу всех идей. Однако существуют три вещи, которым надо научить любого молодого человека, и тогда все идеи, какие нужно, к нему придут.

У нас говорят о гражданском обществе. Что такое сделать человека гражданином? Гражданское общество — это общество, состоящее из граждан. А что значит быть гражданином? Укажем на

три вещи. Первая — надо научить людей считать функцию избирателя своей жизненно важной функцией, надо научить людей избирать, ходить на выборы. Знаете, что по всем исследованиям молодежь — наименее активная часть электората. Функция избирателя — главная для гражданина. Как только он начнет сознательно считать выборы своим прямым делом, все сразу появится: и идеи, и идеология. Если для гражданина выбор — это что-то формальное, скучное и не интересное, уверяю вас, не будет никакой идеологии... Да, я могу воспитать в нем ненависть к тому, что происходит. Извините, как он должен ее выразить? Так, как он выражает во время футбольного матча? На мой взгляд, нормально: я иду к избирательным урнам и голосую примерно за тех, кто мне ближе. Вот этого не умеют делать.

Второе. Надо научить каждого человека платить налоги. Если я выбираю власть, я беру на себя экономическое содержание государства. Налогоплательщик — это вторая функция гражданина. А у нас считается: мы учим, как заработать деньги, но никак не понимаем, что этому-то они научатся. А вот как заплатить государству налог не потому, что это какая-то непонятная обязанность, а потому, что я выбираю власть, я ее содержу, поэтому я могу ей и что-то диктовать?

И третья, очень важная функция. Гражданин обязан защищать свое государство, если ему угрожает какая-то опасность. Другое дело, что сейчас много говорят о военной реформе и о той проблеме, почему в нашу армию не хотят идти добровольно, но это особый разговор.

Перечислены три функции, которым нужно учить молодежь. И как только это будет, все появится. Поэтому должны быть соответствующие избирательная система, налоговая система,

военная система. Вот этому надо учить гражданина, а не просто сидеть и размышлять. Человеку надо понять, где он может проявить свое отношение к указанным вещам. Уверяю вас, если бы у нас был такой человек в массе своей, многие проблемы, которые мы обсуждаем, снялись бы сами собой.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Давайте послушаем, что по поводу всего этого думает женщина, а то мужчины все говорят. Афанасьева Ольга Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры философии Московской государственной юридической академии.

Пожалуйста.

О. В. АФАНАСЬЕВА

Конечно, это большая честь присутствовать на заседании Русского интеллектуального клуба. Само название очень привлекательно. Впрочем, когда я послушала сначала основных выступающих, то сложилось такое впечатление, что, действительно, это Клуб интеллектуальных пессимистов. Но последующие выступления профессоров, педагогов переломили это мнение, и, конечно, сейчас у меня есть такая надежда, что все-таки основания для доли оптимизма существуют, и этот Клуб может сыграть какую-то роль в воплощении не только мессианской национальной идеи, но и элементарной идеи выживаемости нашего народа и нашего государства.

Что для этого надо сделать? Прежде всего, у выступающих, даже таких активных идеологов, как Александр Александрович Зиновьев, Сергей Георгиевич Кара-Мурза, в их выступлениях проглядывают очень большие идеологические ошибки. Мне

кажется, пора прекратить строить новую идеологию на критике старой или идеализации старой. Александр Александрович говорит, что как бы лучше идеологии, чем при советском строе, не было. Задавали ему вопрос: хотели бы и могли бы вернуться? Во-первых, невозможно идти вперед с повернутой головой и, во-вторых, не все действительно было просто. У меня, допустим, нет претензий к своей жизни, в которой очень много было хорошего. Но сейчас в свете огромной информации, которой мы располагаем, конечно, мы видим и негативные стороны советского периода истории. В то же время нельзя отвергать и то хорошее, что было в дореволюционной России, те традиционные ценности, о которых сейчас говорили. У народа сейчас наметился стихийный возврат к этим ценностям.

Мне кажется, что пора прекратить заниматься самобичеванием. Что это за выражение, которое допускают наши идеологи?! Я поклонница и Зиновьева, и Кара-Мурзы, у меня есть масса их работ. Но их нынешние выступления вызывают сплошные вопросы. Почему Сталин и Горбачев — это порождение русской идеи? Зачем в одной фразе объединяются совершенно разные люди, совершенно разные периоды жизни и оставившие после себя совершенно различные результаты деятельности? Что значит «рога и копыта у русских»? А что, у русских нет души? А что, у нас нет сердца? Или «звериный характер русской души» — говорит Сергей Георгиевич. Или: могут убить брат за брата — и это правильно, как он сказал. То есть эти выражения вообще невозможно допускать даже между собой. Хватит, уже столько занимались самобичеванием, уже столько сказано плохого. Кстати, те же самые русские философы (я думаю, все их читали) уже давно написали о противоречивости русского характера. И, действительно, эти

противоречия, эти крайности существуют. Так зачем нам еще раз повторять это и опять себя бить мордой об стол?

Следующий момент. У тех, кто выступал, прослеживается такая идея: существует и растет сопротивление в народе, сопротивление людей патриотической, гражданской ориентации. Но почему-то в официальной идеологии это как бы правое сопротивление оставляется коммунистической идеологии, партии Зюганова, еще нескольким партиям и все. Ведь для власти очень выгодно, когда есть эта дихотомия: правая для Запада, центристский блок и левые, которые как бы должны выполнять функцию сопротивления. Сопротивление растет. Но в этом отношении никак нельзя допустить гражданской войны.

Любое открытое сопротивление будет подавлено. Прекрасный пример у всех на памяти — расстрел Белого дома. Сейчас существует такая информационная структура, что любое движение, любой бунт, любое восстание, любые посиделки будут накрыты. Поэтому здесь (сегодня эта идея уже тоже проскальзывала) сопротивление должно строиться, возможно, на этом граде Китеже, на какой-то духовной скрытой общности, которой очень трудно управлять. Это не та система, не та партия, где все на виду и все открыто. Нет, это должна быть очень гибкая, подвижная структура, структура единомышленников. И вот Русский интеллектуальный клуб может стать таким центром. Либо он превратится в говорильню и тогда просто не будет существовать, либо он может стать интеллектуальным центром, к которому будут тянуться люди. И, действительно, сейчас говорили все правильно: и человек превратился в мизер, атомизировался, и целое поколение молодежи у нас выросло на западных ценностях. Но есть масса интересных ростков. У меня самой есть дети, у моих друзей есть дети, которые в

новых условиях прекрасно работают и сумели приспособиться. Работают, живут и оптимистично на что-то настроены. И они верят, и в то же время они — государственники, в то же время они — патриоты. И конечно, это тоже наша задача, мы должны сохранить эту молодежь всеми способами. Пускай я сейчас скажу, может быть, крамольную мысль: я не хочу, чтобы эта молодежь пошла на баррикады. Хочу, чтобы она выучилась, заняла свое достойное место. Часть из них сейчас вынуждена уезжать за рубеж. Может быть, это и неплохо в нашем мире. Они вернутся, вернутся тогда, когда почувствуют, что будет государственное, патриотическое правительство. Может быть, это наивно звучит. Да, возможно, некуда будет возвращаться. А может быть, будет по-другому. И не думайте, что Россия так может легко погибнуть.

Вот хорошая сверхидея, высказанная Вадимом Михайловичем: да, спаси себя миру и вместе с миром. Но ведь эти идеи были высказаны. Серафим Саровский говорил: «Спаси себя — и вокруг тебя спасутся тысячи». И Иоанн Ладожский-Петербургский говорил о чем? Что Россия идет своим исповедальным, мученическим путем. Россия для мира — это душа. Вы посмотрите, если говорить о творчестве, что дала миру Россия? Она дала массу новых идей. И сейчас мы видим, какие гении у нас рождаются. Нигде в мире такие гении не рождаются. Какие у нас творцы рождаются, какие у нас художники рождаются! Нигде в мире такого не происходит. Россия всегда питала, питает и должна питать мир этими идеями и духовностью своей, и культурой. В этом, наверное, ее миссия. И здесь нужно отказаться от воинствующего атеизма. Что мы можем дать? Что правительство может дать? Я не говорю, какую роль в истории играло православие, допустим, тот же Сергей Радонежский в битве на Куликовом поле. Можно привести массу примеров. А что

сейчас мы можем, что каждый из нас может дать мальчику, который идет в Чечню и который не защищен ничем, никем, только мама может дать крестик и молитву? И, действительно, уже есть великомученики на чеченском фронте. А почему нас побеждают те же чеченские боевики? Чем они питаются? Не только деньгами. Почему они идут на самопожертвование? И у нас такие воины есть. Значит, здесь должна быть какая-то сверхидея.

И вот в этом — то новое, которое хорошо забытое старое. Поэтому нельзя отказываться от того, что работает на созидание, на объединение, на сохранение. В качестве сверхидеи должна выступать вселенская мессианская роль, вызов человечеству, вызов постиндустриальной цивилизации. И здесь Россия может дать примеры высокой духовности, нравственности, идейности.

Мне очень понравилось выступление Валерия Леонидовича Петрова, он хорошо разработал лозунги, которые могут использоваться для различных категорий населения. Правильно Вы говорили, что действительно каждый из нас не пойдет к народу, и так времени не хватает на свою основную работу. Если ее выполнять, она требует очень много духовных и временных затрат. Но надо выработать эффективные формы распространения наших идей. Это должны быть не фолианты, которыми, как считают все идеологи, можно застолбить себе место в истории Отечества. Нужны какие-то маленькие, очень броские вещи. Например, маленькие видеофильмы. Да, мы не можем прорваться на телевидение. Телевидение, конечно, ведет сильнейшую обработку населения, но вы знаете, что существует форма сопротивления, которая, в частности, пропагандируется православной церковью: выключите телевизор и не смотрите его — и вы сохраните себя. Не всегда то знание, которое дается по телевидению, нам необходимо. Вы

посмотрите, зачастую оно работает на разрушение, на уничтожение. Но, может быть, действительно, если у нас есть какая-то закалка, мы можем все посмотреть — и все равно мы выживем, потому что мы готовы к этому восприятию. Конечно, молодежь менее защищена в этом смысле, хотя не надо ее недооценивать.

Поэтому мне кажется, что Русский интеллектуальный клуб может сыграть свою колоссальную роль, если только будет установка на оптимизм и на глухое, длительное сопротивление. Это собирание сил. Я думаю, вы согласитесь, куда бы вы ни пришли, на конференцию, на заседание диссертационного совета, вы всегда найдете каких-то единомышленников. Правильно? Вы всегда найдете людей, которые тоже думают, как и вы, и которые пишут и работают. И работают с молодежью. Так, значит, надо как-то всех понемногу объединить. То есть, допустим, этот Клуб должен объединиться с каким-то другим. Он должен быть, как магнит, к которому будут тянуться люди. И тогда постепенно наши идеи будут овладевать массами, смогут сыграть положительную роль в жизни страны. В качестве формулы таких идей могут быть «свет», «жизнь», «созидание» или «народный патриотизм», «созидание в творчестве» и т. д. — какие-то вещи только созидательного характера. Только это поможет выжить каждому человеку.

И уже стихийно говорю: семьи объединяются, все живы этим общением. А ведь нас разрушают еще на уровне общины. Возможно, надо провозгласить русскую нацию в рассеяние. А почему нет? Потому что, посмотрите, все разбросано, все погибают, и мы ничем не можем помочь, мы только можем сопереживать, когда гибнут люди в других республиках бывшего Советского Союза, когда они вынуждены куда-то уезжать, срываться с места. Мы ничем не можем помочь. Но нужно учиться жить в раздробленном состоянии, и это

каким-то образом подтянет какие-то силы, чтобы создалось какое-то целостное образование.

Спасибо за внимание.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Спасибо, Ольга Викторовна.

Юрий Юрьевич, пожалуйста.

Ю. Ю. БОЛДЫРЕВ

У меня небольшая реплика, которая связана с таким эмоциональным, замечательным выступлением. Тем не менее, я хотел бы вернуться к Вадиму Михайловичу и чуть-чуть прооппонировать ему.

Дело в том, что все сказано было как бы правильно, но только мне кажется, что кроме умения ходить на выборы и платить налоги, есть более важные первоосновы, которые лежат в сфере покойной морали. Совершенно бессмысленно ходить на выборы, если вы не умеете в той или иной форме карать предателей. Хаек ставил ключевой для западной демократии вопрос, как сделать, чтобы выборные представители тут же не перепродавались кому-то другому. Это вопрос морального самоощущения. Намерены ли мы тем или иным способом карать предателей где угодно: в корпорациях, в семье, в дружбе, в любви, где угодно? Я как-то приготовил пример, что изменников в политике, нарушивших свое публично данное обязательство, где-нибудь на уровне Африки или Чечни — ножом по горлу — и все общество сказала бы: собаке собачья смерть. На Западе, в США, в Европе их дети не смогли сделать карьеру. Это другой уровень цивилизации, другой метод кары за предательство. Но те и другие уровни и общества имеют

свои механизмы кары за предательство. У нас в политике, в экономике, в других сферах жизни нет не только механизмов, но даже нет морального самоощущения необходимости кары за любое предательство. Это первое.

И второе, что касается необходимости платить налоги. Опять же первоосновой, с моей точки зрения, является идея необходимости и обязанности гражданина заглядывать в чужой карман. Только, карман не такого же гражданина, как ты, а в карман любого, кто находится при власти и кто получил от тебя какие бы то ни было полномочия. В шведском посольстве несколько лет назад был организован семинар о системе налогообложения в Швеции. Почему они такие маньяки? Почему шведы платят налоги? Так вот, из всего семинара, наверное, 9/10 было посвящено не тому, как устроена налоговая система, а тому, как в обществе организован социальный контроль, контроль граждан, по существу, за поведением друг друга — то, что является аналогией общинному контролю в старой России и общинному же контролю в старых США и Европе, и как организован государственный институт, гарантирующий гражданину реализацию контроля за тем, что ни одна копейка из заплаченных в виде налога не уйдет налево, а если уйдет налево — будет жесткая кара. Выделяются две первоосновы: мое право заглядывать в карман любому, кому я что-то доверил, и мое право наказывать предателя, который нарушил договорные или любые другие обязательства.

Если у общества нет первоосновы, морали, то платить налоги, ходить на выборы, думать о какой-то другой государственной идеологии, мне кажется, почти бесполезно.

Спасибо.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Фурсов Андрей Ильич, пожалуйста.

А. И. ФУРСОВ

Я тоже бы хотел начать с реплики Вадима Михайловича. Видимо, Вадим Михайлович задел здесь нескольких людей. Я согласен с вами — нужно платить налоги, но при этом нужно исторически подойти к проблеме. Есть такой немецкий исследователь Хильди Майер. Он написал работу о том, как платили налоги в России со времен Алексея Михайловича до Ельцина. Так вот, в России государство всегда могло взять только 30 процентов налогов. Налоги русские не платили по одной простой причине, потому что они знали, что государство с них нелегальным путем «сдерет» значительно больше, поэтому они налоги старались не платить и старались обмануть государство, так как государство играло с ними не по правилам. Конечно, нужно заглядывать в чужой карман, и западная культура, западное общество в этом отношении действительно так и делают. Помимо Швеции, можно вспомнить еще один пример. Гитлер в конце каждого года собирал своих друзей и радостно им сообщал, что и в этом году немецкое налоговое ведомство опять не поймало его. Он все заплатил до копейки, и им не удалось его поймать. Так там функционирует система. Государство и народ играют по правилам. Когда же государство играет с народом в наперстки, то народ начинает играть точно так же. Здесь, как у Шекспира: вступают равные, встав по назначению.

Теперь я бы хотел коротко сказать о нескольких вещах. У нас сегодня, как нередко случается на заседаниях Клуба, дискуссия пошла сразу в нескольких направлениях и, в общем-то, затронуты

были на самом деле три идеи, три проблемы. Первая — это национальная идея, русская идея, откуда ее взять. Второе, о чем говорил Александр Александрович, — это советская идеология и советское общество. Почему на это никто не среагировал? В основном все вели разговор о русской идее. И третье — это то, о чем говорил Леонид Григорьевич: с кем России дружить, на какой основе, цивилизационной, идейной и т. д.

Я вкратце остановлюсь на этих вопросах, а поэтому тезисно. Мы очень часто забываем два замечательных принципа анализа социальных явлений: принцип историзма и принцип системности. Всякие явления имеют начало и конец и всякие явления принадлежат определенной системе. Когда мы говорим об идеях в России, о русской идее и о национальных идеях, давайте посмотрим, какие идеи в истории России господствовали на протяжении 350 лет — от российской империи до советского режима. У нас было три государственных структуры: московское самодержавие, петербургское самодержавие и коммунистический порядок. Когда я говорю «господствовали идеи», то, прежде всего, имею в виду господствующие группы, потому что народ живет другими проблемами. Так вот, какими идеями руководствовались господствующие группы России? В московском самодержавии это, безусловно, система идей, которую можно передать формулой «Москва — третий Рим». Затем идет петровское время, почти весь XVIII век. В этот период никаких идей у господствующих групп не было — и это притом, что религия уже не определяла ни мировоззрения, ни поведения господствующей группы. Иван III, затем Иван IV и Петр I «поработали» так хорошо, что религия заняла свое подчиненное место.

Далее. Петербургское самодержавие в Николаевско-Александровском варианте. Вы знаете, что Николай I официально заказал сделать идеологию. Ему сделали идеологию, причем русско-национальную идеологию: самодержавие, православие, народность. Она не прижилась.

И, наконец, коммунистический порядок. Это уже не «Москва — третий Рим», а «Москва — III Интернационал», то есть опять же речь идет об универсалистской идее.

Из трех обозначенных идей самой неудачной была попытка сформулировать русскую идею на русской национальной основе: самодержавие, православие, народность. Сформулировать русскую национальную идею не получилось. А вот идея коммунистическая и идея «Москва — третий Рим», две универсалистские идеи, в России как раз и сработали.

Я думаю, в этом плане прав Кара-Мурза: русская идея носит социальный характер, а не национальный. Я же не говорю о том, что Россия, начиная с Ивана IV, всегда была имперской страной, и любая попытка создать тут узкую русско-национальную идеологию ни к чему не приведет.

Еще один вопрос. Были ли общие для низов и верхов идеи в русской истории и когда были такие периоды? Безусловно, такой период был до раскола, когда у власти и народа был один язык, и такой период был, конечно, в 20–40-е годы XX века, когда наблюдалось некое идейное единство. И вот здесь я хотел бы поспорить с Александром Александровичем. Мы с ним спорим с момента его возвращения из эмиграции по поводу советской идеологии и по поводу начала и конца советского строя. Когда Александр Александрович говорит о том, что советская идеология не изжила себя, а ее толкнули и она рухнула, я с ним категорически

не согласен, потому что идеологии изживают себя тогда, когда социальная реальность приходит с ними в противоречие. Коммунистическая идеология носила эгалитаристский характер. Уже в 1950-е, я не говорю о 1960-х годах, стало совершенно ясно основной массе населения, что советское общество не является эгалитарным, что в советском обществе существует социальная несправедливость и что в советском обществе существуют низы и верхи. Впервые это отчетливо проявилось в 1939–1940 годах, когда произошли два в общем-то незначительных события, но в незначительных событиях очень часто отражаются существенные явления. Я имею в виду появление книги Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Сравните с тем, что Гайдар писал до того, кто были его герои и кто его герои в этой книге. Гайдар — очень социальный писатель. По Гайдару можно писать социальную историю СССР в 1920–1930 годы. И второе событие — это 1939 год, появление книги «О здоровой и вкусной пище». В 1939 году кто мог быть адресатом этой книги в нашей стране? Само появление этой книги уже означало, что существует серьезнейшее расслоение общества, а в 1950-е годы это стало понятно абсолютно всем. И изживание идеологии шло не по линии самой идеологии, а в силу того, что эта идеология противоречила всему социальному строю, жизни и тенденциям развития общества. Не случайно в конце 1960-х годов, помимо культа революции и Ленина, начинает внедряться культ войны, потому что это культ эгалитаристский. Советская идеология была очень мощной, наверное, до конца 1950-х — начала 1960-х годов, но потом она очень быстро рухнула. Так же, кстати, как это произошло и с православием накануне революции 1917 года. В книге С. Г. Кара-Мурзы я прочел о том, что Временное правительство отменило обязательное причащение в армии в 1917

году, до этого 100 процентов причащалось, и можно было сказать, что люди верили в Бога. Как только обязанность отменили, осталось 10 процентов. Это означает: соотнесение населения себя с религией, в советском случае с идеологией, носило очень и очень формальный характер.

Конечно, крушение систем начинается с идеологии, но в основе этого процесса должны лежать некие тенденции, изменения господствующих групп. Обратите внимание, какой вопрос, какая социальная проблема в истории советского общества (несмотря на то, что в 1991 году рухнул Советский Союз, рухнул мир), какая проблема до сих пор не исследуется? Социальная природа господствующих групп советского общества. Ну, нет по этой теме работ, хотя, казалось бы, есть столько материала — осмысливай его! Именно в саморазвертывании господствующих групп в советском обществе лежит ключ к тем группам, которые пришли к власти, потому что они пришли на отрицании того, что было, а следовательно, на отрицающем развитии. И я думаю, что не случайно, что таких работ нет и они не инициируются научным сообществом.

Теперь второе, что я хотел бы возразить Александру Александровичу. Отчасти я с ним согласен, что вроде бы возрождается роль «феодальной идеологии» — православия. Но, как мне кажется, преувеличивать значение этого не надо. Дело в том, что православие, в отличие от католичества, — это такая религия, которая, в общем-то, всегда знала свое место при власти. Единственная династия, которая правила на русских землях и которая хорошо относилась к православию, — это чингисиды. Романовы, Годуновы, да и при коммунистическом режиме то же самое, очень хорошо указывали православию его место.

Возрождение православия в 1990-е годы стало возможным потому, что власть позволила.

Я приведу только два примера, увиденные мною по телевизору, которые лучше всего показывают реальное положение церкви в этой системе. Ельцин выходит на крыльцо в Кремле, с ним Патриарх, рядом стоят священники. Ельцин говорит: «Христос воскрес!», и они ему отвечают: «Воистину воскрес!». Это не Патриарх говорит. Патриарх стоит и кивает. И второй пример — выступление Рушайло. Это были его последние недели в должности министра внутренних дел. Рушайло в Храме Христа Спасителя выступает, там Патриарх стоит, и Рушайло говорит: «Народ должен верить (пауза), народ должен верить в органы внутренних дел». И Патриарх тоже кивает. Это все происходит в Храме Христа Спасителя. Вот это реальный пример места православия в этой системе. Поэтому пугаться и преувеличивать значение этого не стоит.

Кроме того, есть еще общемировой аспект. Дело в том, что во всем мире нарастает религиозность именно фундаменталистского типа. Мы зациклены на исламском фундаментализме. То, что в Америке развивается христианский фундаментализм, — это тоже факт. Происходит иррационализация даже левого движения. В Перу есть такая организация Сендера Луминоса, она исходно была марксистской и маоистской. В конце 1980-х годов члены этой организации вдруг объявили, что их лидер — это реинкарнация великого инки. То есть происходит некий общий процесс, который носит совершенно естественный характер.

Я согласен с Вадимом Михайловичем, когда он говорит, что идею нужно искать не в эмпирических исследованиях, а в религии. Я бы только уточнил. Мне кажется, идею нужно искать в

историческом опыте конкретного народа. Исторический опыт населения России в течение пятисот лет после того, как началась колонизация земель к северу от территории Киевской Руси, — это, во-первых, двойной *вопрекизм*. Первый — это исторический опыт жизни севернее 45 параллели, той параллели, на уровне которой в Канаде, например, уже никто не живет. А второй — это исторический опыт создания в XX веке альтернативы капитализму, то есть попытка создать антикапиталистический строй. Обратите внимание, что такое был коммунизм. Коммунистические идеи существовали со времен киников. Тем не менее, не было коммунизма как антирабовладения и антифеодализма. Коммунизм возник как исторический антикапитализм. Это и есть один из опытов реализации универсализма с обратным знаком. То есть его нужно искать в историческом опыте народа.

И последнее, о чем я считаю нужным сказать. Я хотел бы возразить Леониду Григорьевичу по поводу того, с кем дружить. Конечно, хорошо, если бы мы объединились с Ираном, Китаем и Индией и по-коминтерновски кулак им, буржуям, показали. Проблема, однако, заключается в том, что подобный союз нежизнеспособен.

Что касается Китая, то эта страна никогда и ни с кем не входила ни в какие союзы. Китай будет всегда один, он будет всегда использовать других. В лучшем случае он Россию использует. Это специфика всей китайской истории. Я процитирую здесь А. А. Зиновьева, который говорил: эволюция сложных крупных систем необратима. Трудно представить, чтобы Китай вообще с кем-нибудь когда-нибудь пошел на союз.

Что касается Индии, то это настолько искусственное образование, что легитимность штатов Индии намного выше, чем

легитимность целого государства, и есть целый комплекс работ на Западе, который называется «Существует ли Индия?». Для Индии любое серьезное потрясение, даже война с Пакистаном, — это такое испытание на прочность, от которого она может просто рассыпаться.

Про Иран я не говорю, потому что у нас с Ираном масса других проблем. Но главное заключается в том, что когда мы говорим о неких союзах, нужно исходить из реальности, из реальных экономических интересов. Ну, нет у нас реальных экономических интересов вместе с Китаем и с Индией! Они свои экономические проблемы будут решать, скорее, с Америкой и с Западной Европой. Но это опять же спорно.

Мне кажется, мы очень часто подменяем сущее должным. Вот мы обсуждаем, что нужно России. И я сам себя ловлю на том, что я спрашиваю: что нужно России? Какой России? Что такое Россия? Россия как народ или Россия как совокупность неких господствующих групп, у которых, кстати, совершенно разные интересы? И один из очень сложных вопросов, когда мы говорим об интересах России: в какой степени у нынешней России есть целостность, есть совокупный целостный интерес? Вот это на самом деле очень дискуссионный вопрос.

Спасибо.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Слово просит Игнат Семенович Даниленко. Пожалуйста.

И. С. ДАНИЛЕНКО

Хотелось бы, чтобы вопрос об универсализме и национальном государственном подходе не прошел без обсуждения. Вот мы говорим: советская универсальная идеология. Так ли это на самом

деле? Здесь требуется оговорка. Вначале была у нас универсальная мировая революция. Не пошла идея. Потом пришлось поправить: СССР — база мировой революции. Понимаете? И что еще характерно для России и одновременно трагично для России, — политическая борьба ведется, не взирая на геополитический ущерб. Чтобы прийти к власти, можем отдать полстраны. Так было раз, так было второй, так готовят сделать и третий раз.

Нужно говорить, что ни одна политическая сила не имеет права торговать политическими интересами, землей и интересами народа, здоровьем народа, его демографическим воспроизводством. Политическая борьба всегда существовала и будет вестись, но она должна вестись в этих рамках. Если мы формулируем идею, то должны просчитать, чтобы она не нанесла кому-нибудь ущерба. Вот ее международное и мессианское содержание: мы стимулируем развитие, но не забываем о себе. Раньше мы уклонялись в ту или другую сторону, зачастую забывали про себя, потом оказывались в глупом положении, попросту в дураках. Поэтому тут надо все точно взвешивать и формулировать.

А. И. ФУРСОВ

Вы совершенно правы, что политика должна развиваться, безусловно, без геополитических уступок. Но в свое время Ленин говорил: не надо быть идиотами демократии. То есть не надо бросаться в крайности. Я вам приведу один пример. Почему белые проиграли в гражданской войне? Им Антанта предлагала сделать массу уступок полякам и т. д., и т. п. Деникин, Врангель, Колчак стояли насмерть: никаким полякам и казакам никаких уступок не дадим. Что сделали большевики, исходя из универсализма? Да ради Бога! Брест — отдадим. Потом все возьмем. Здесь, понимаете, какая

штука. Есть принципы и есть реальная политика. Кто, в конечном счете, победил? Большевики, потому что отдали территорию, а потом взяли. Это игра. Мы говорим немножечко о разных вещах.

И. С. ДАНИЛЕНКО

Победили, но бумеранг был. Может быть, сегодня он вернулся к нам?

А. И. ФУРСОВ

Через 70 лет — для XX века это очень много.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Пожалуйста, доцент МГТУ им. Н. Э. Баумана Белов Петр Григорьевич.

П. Г. БЕЛОВ

Уважаемые коллеги, я попытаюсь системно, с учетом лишь самых существенных факторов, увязать национальную идеологию с национальной безопасностью. Я сейчас уточню, что я понимаю под этим, какова сейчас ситуация, и из этих предпосылок выведу суждение о роли русской национальной идеологии в самосохранении России и не только России.

Первое. Под национальной идеей я буду понимать концентрированное выражение национального характера, духа и психологии, специфических интеллектуально-нравственных и обыденно-бытовых черт, сложившихся в процессе эволюции и ориентирующих нацию на решение самых судьбоносных задач. Здесь имеется в виду то, что реализуется на уровне бессознательного, и об этом говорили коллеги. Для русских

национальная идея состоит из трех компонентов: благородная, т. е. некорыстная воля, справедливость и человеколюбие. Я думаю, это трудно оспорить. Но в конкретных, особо ответственных ситуациях, национальная идея должна выражать самые злободневные потребности и чаяния нации, а потому формулироваться более ярко, конкретно и концентрированно.

Я подчеркиваю, что в нынешней ситуации национальная идея может быть названа так: «Отечество в опасности!». Надо сказать и не только Отечество, а и все человечество. Здесь уместно вспомнить и последнюю работу Никиты Николаевича Моисеева «Быть или не быть». Итак, национальная идея может быть выражена триадой: самосохранение, самовоспроизводство и самосовершенствование нации. Почему так? Если проанализировать современную ситуацию, то за прошлый век людей увеличилось только вчетверо, а потребление ресурсов в 30 раз. Я уже говорил, что мы на тропе войны. Борьба за ресурсы в пределах одного биологического вида — это борьба не на жизнь, а на смерть. Выживут в такой борьбе только сильные и мощные нации. Поэтому нужны союзы, на которые намекал Леонид Григорьевич. В одиночку нам не выбраться.

Далее. Чем объединить нации? Я согласен с предыдущим коллегой, что, наверное, славяно-тюркский аскетизм (как противовес буржуазному потребительству) и угроза общего уничтожения восточных народов могут быть положены в основу объединения рас. Исходя из этого и надо действовать. С другой стороны, Игорь Михайлович совершенно прав, что нужно самосовершенствоваться, развиваться через воспитание и образование. И роль работников высшей школы, к которым я себя отношу, конечно, здесь очень велика. И если бы мы как преподаватели, работающие с молодежью, да еще и по каким-

нибудь каналам средств массовой коммуникации начали исповедовать идею имперского возрождения, то через самое небольшое время можно было бы пробудить дремлющие инстинкты самосохранения нации, примирить наши народы, которые сейчас умышленно рассорили, и объединить их с целью спасения, иначе нам никак не выжить.

В заключение я хотел бы сказать, что мое выступление является реакцией на тот пессимизм, о котором было сказано вначале. Нам нельзя формировать чувство безысходности. Это вполне успешно делают за нас средства массовой информации. Я напомним восточную поговорку: «Лев, на секунду усомнившийся, что он лев, уже не лев». Поэтому я поддерживаю пафос выступивших, особо хочу отметить Ю. И. Журавлева, В. М. Межуева, конечно же, сударыню Афанасьеву, Игоря Михайловича. Они правы, что мы должны много сделать и можем сделать. И я верю, что только совместными усилиями мы могли бы решить задуманное.

Спасибо.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Спасибо.

Гундаров Игорь Алексеевич, пожалуйста.

И. А. ГУНДАРОВ

Я хочу коротко остановиться на значении идеологии и мировоззрения для демографических процессов. Демографическая ситуация в нашей стране ужасная. В европейской части мы исчезаем со скоростью 1 процент населения в год. Безумная скорость. Значит, время полураспада составляет примерно 50 лет. А в структуре

прироста половина — это инфаркты и инсульты. Возникают вопросы: а какова причина и что можно предложить для изменения такой трагичной траектории?

Коротко перечислю, что не является причиной. Причиной не являются ни экология, ни курение, ни алкоголь, ни гиподинамия, ни избыточный вес, ни холестерин. Тщательные анализы показали, что они имеют к этому косвенное отношение. Главная причина — это нравственный, эмоциональный дестресс, связанный с озлобленностью, агрессивностью из-за разочарования от того, что получили, и безысходностью из-за потери смысла жизни и незнания того, что делать. И вот на эти два фактора приходится примерно 50 процентов от всех причин смертности. Более того, как показали последние исследования, рождаемость у нас в значительной мере упала не из-за того, что женщины не хотят рожать, а благодаря тому же дестрессу, который вызывает катастрофическую ломку сперматогенеза. А у женщин ломается ауляторная способность. И если бы сегодня захотели рожать все молодые семьи, половина не могут этого сделать из-за медицинских проблем, появившихся в силу тех же психосоматических зависимостей.

Для серьезного разговора об изменении демографической ситуации необходимо осознание того, что мы должны вернуть обществу смысл жизни и понимание того, куда идти. И вот здесь, к сожалению, мы приходим к выводу, что общество мировоззренчески слепо. Мы не знаем, что хотим строить. Вот сегодняшний «круглый стол» — еще одно убедительное тому доказательство.

Аналогичная ситуация в нашем высокоинтеллектуальном сообществе — это непонимание, что мы хотим построить. И более того, мы должны сейчас понять, что мы даже и не подозреваем, что мы не знаем. У нас возникает такое ощущение: достаточно быть

уверенным, что такое плохо и куда не надо идти, и ты автоматом знаешь, что такое хорошо и куда надо двигаться. Так вот, оказалось этого недостаточно. Мы знаем, что такое плохо и знаем, куда не надо. А куда конкретно надо? И никак не удается вырваться из этой дилеммы, которую нам навязали: либо в ГУЛАГ, либо идите, как идете. В ГУЛАГ не хотите — значит, продолжайте идти своим путем, иного не дано. А вот, дано ли иное — вот этот вопрос мы должны сейчас обратить к себе и поставить себе в колоссальную вину отсутствие ответа на него (я имею в виду: «мы» — это как бы хорошая, умная интеллигенция). Причем это произошло не от недостатка ума, а просто перед нами задача сверхцивилизационной сложности. Какой проект предложить для того, чтобы идти в XXI век?

И я совершенно согласен с вашим призывом прекратить заниматься мазохизмом. Считаю, что следует отказаться от мысли, которая нам внушается и на которую мы купились, что мы проиграли «холодную войну», что мы идеологически оказались поверженными. Я задаю себе вопрос: вот мы с Юрием Юрьевичем были сторонниками демократической платформы в КПСС и делегатами XXVIII съезда КПСС; мы что — не понимали (и вместе с нами весь советский народ), что ту КПСС надо было свергать? Она была неререформируемая, такой остается и КПРФ, неререформируемой. Мы что — не понимали, что Верховный Совет это не орган народовластия? Мы что — не видели накопившиеся колоссальные дефекты в экономике? При всех позитивных достижениях мы наблюдали обилие позорных явлений, которые сейчас даже стыдно вспоминать. Мы что — не видели, что политический режим загнил и дальше так существовать невозможно? Один из лидеров небольшой коммунистической партии, которого я очень уважаю, сказал

примерно так: «Тогда дальше жить так было невозможно». И вот, исходя из этого рассуждения, мы приходим к выводу, что то, что мы совершили, — это был сознательный процесс. Мы, великий народ, совершили антибюрократическую революцию, и никто нас не обманул — ни жидо-массоны, ни ЦРУ.

Но, совершив ту революцию, мы думали, что имеем представление о проекте, который будем строить. А оказалось — проекта нет. И вот в тот момент легко было увести общество в другую сторону. Отсутствие этого проекта до сих пор ощущается, и в частности в нашем собрании. Мы много говорим о значимости идеи. Но сейчас встает вопрос практически: как прописать, какой должна быть экономика? Не знаем. Какая форма государства? Не знаем. Что такое советская власть? Даже коммунисты понятия не имеют, говоря, что советская власть — хорошая власть. Но я задаю им вопрос: хорошая власть имеет технологию, как выбирать, как контролировать, как голосовать. Если нет технологии, все остальное — розовые пузыри. И вот, к сожалению, приходим к такому печальному выводу, что сейчас главная задача (хватит ли нам интеллекта? Я думаю, хватит) — разыграть все те козыри. Козыри сейчас в наших руках. Сможем ли мы ими воспользоваться для того, чтобы написать этот проект, какой видится России в XXI веке. И то, что предложил генерал Шершнев, я всецело поддерживаю. Может быть, взяться за эту задачу нашему Клубу, но уже сесть не перечисляя, как плохо, как больно и что не надо, а конкретно прописывать, что нужно. Причем договориться о проекте, о формате этого документа, из каких частей он должен состоять, с тем, чтобы примерно через полгода бросить в общество для дискуссии, для обсуждения вариант типа манифеста, воззвания (я не знаю, как это красиво назвать), то, ради чего можно будет объединяться, чтобы

было не так, как говорит Александр Александрович: мы должны протестовать. Протестовать поздно. Для меня протестовать — это всегда ты идешь вслед за лидером и просишь сделать рабскую жизнь подороже и помягче. Мы должны вбросить свой проект, чтобы голосовать не против чего-то, за что-то. Вот «за что» — это у нас сейчас, к сожалению, чистый лист, на котором ничего не написано.

Спасибо.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Пожалуйста, Владимир Владимирович Сапронов.

В. В. САПРОНОВ

Я хочу начать с того, что, на мой взгляд, обсуждение любых проблем вообще желательно завершать постановкой конкретных задач: что делать? И дальше я хочу продолжить тему образования, которую начал Игорь Михайлович Ильинский, потом еще несколько человек в этом направлении высказались.

Именно эта тема, на мой взгляд, показывает очевидную задачу, которая не может быть подвергнута сомнению.

Исходная позиция деятельности нашего Фонда национальной международной безопасности в области образования заключается в том, что идеология, без которой нет выхода из национального кризиса, может возникнуть на основе только общей веры. Но плодотворность и веры, и идеологии будет определяться их согласованностью с современным состоянием цивилизации, а также наличием у нации современного научного миропонимания.

На основе этой исходной позиции Фондом была создана концепция, которую можно коротко изложить в четырех пунктах:

1. Для формирования у нации миропонимания, соответствующего современному состоянию цивилизации, необходимо, прежде всего, изменение направленности образования. Доминирующая до сих пор в образовательном процессе парадигма преобразовательной жизнедеятельности, приведшей к небывалому в истории человечества системному кризису, должна быть в кратчайшие сроки заменена парадигмой нового времени, парадигмой безопасности жизнедеятельности.

2. Инструмент изменения направленности образования — это новая общеобразовательная область, основанная на безопасности жизнедеятельности, или ОБЖ, плюс специфические в каждом профессиональном учебном заведении учебные компоненты безопасности жизнедеятельности. При этом фундаментом, основным звеном является предназначенная для всех область ОБЖ — основа безопасности жизнедеятельности.

3. Главная идея в обновляемых основах безопасности жизнедеятельности — это жесткая взаимосвязь современных проблем безопасности трех уровней: индивидуального, национального и глобального на фоне неожиданной, но реальной угрозы быть или не быть человечеству. Приоритетной при этом является национальная безопасность, поскольку именно она обеспечивает необходимое для выживания человечества социальное разнообразие. Кроме того, в руках государства пока находятся основные ресурсы общества.

4. Структура общеобразовательной области ОБЖ школьной — это модули безопасности в каждом школьном предмете, объединяемые и дополняемые сквозным центральным ресурсом. Этот курс строится на базе существующего предмета ОБЖ, который

пока что содержит факультативные правила индивидуального поведения и обязательную подготовку к военной службе.

Эта концепция была изложена не раз за многолетнюю деятельность Фонда. Реализация этой концепции может быть сформулирована двумя пунктами.

1. С начала 1990-х годов Фонд занимается выпуском учебно-методических пособий, разъяснительной кампанией на совещаниях и конференциях преподавателей школ и вузов и экспериментальной отработкой новых элементов курса ОБЖ в ряде школ Москвы, Екатеринбурга и Свердловской области. (Для демонстрации результатов нашей работы я специально привез много изданий. Кто захочет познакомиться, можно посмотреть поближе).

2. Этапными итогами реализации концепции, о которой я сказал, не вдаваясь в подробности, можно назвать два момента. Первое — это введение развернутого обязательного минимума содержания ОБЖ в проект государственного стандарта, выпущенного в 2001 году. То есть это уже реальное внедрение этой идеи в жизнь. Причем эту идею полностью поддержали ведомства, занимающиеся обеспечением безопасности, — МЧС, Минобороны, МВД, Минздрав и региональные образования. Второе — это включение курса ОБЖ в новый его вид в Закон о государственном стандарте общего образования в первом чтении в Госдуме.

Характерно мнение учащихся экспериментальных 9-х выпускных классов, которое показывает, как молодежь относится к вопросам, введенным у нас в этот стандарт. Типовое мнение (я дам короткие выдержки): «Каждый должен знать, в какую жизнь он вступает»; «Каждый должен чувствовать ответственность за свои действия»; «Изучив данный курс ОБЖ, я поняла, что я тоже должна внести свой вклад в жизнь общества, ведь люди должны думать о

будущем». Это типовое мнение, которое высказали примерно 80 процентов учащихся после прослушивания специального мировоззренческого курса.

И очень интересно мнение нерадивого ученика, самого нерадивого, которого за полгода дважды я удалял из класса за помехи учебному процессу. Он уже в конце, после того, как получил свою оценку, написал в отзыве: «Я хочу попросить прощение за свое нахальное отношение к курсу ОБЖ. Но сейчас осталось одно — общее впечатление от курса и оно на «пять». Желаю вам удачи и прощаюсь, потому что я ухожу со школы не по своей воле». Это самый нерадивый ученик.

Какие проблемы существуют при реализации упомянутой концепции? Проблем две, обе очень серьезные. Первая проблема, о ней уже говорилось, — это консерватизм, если не сказать, косность педагогической среды в целом, которая, в общем, не понимает стремительно развивающегося современного кризиса и в интересах своих предметов фактически противодействует развитию ОБЖ. Вторая проблема — более конкретная. В 2002 году, наконец-то, мы дождались прямого противодействия бывших руководителей образования Днепрова и Шадрикова, возглавивших в этом году проект внедрения нового стандарта образования. Характерно, что называя себя концептуальной группой, они опираются на Высшую школу экономики. Укажем три причины такого противодействия: непонимание нового времени, честь мундира или отработка финансирования из-за рубежа. Я не буду сейчас раскрывать, как я понимаю их деятельность. Но по существу образование, которое будет определять лицо нашего народа через 10, 20, 30 лет, сегодня возглавили люди, которых многие обвиняют в развале образования в начале 1990-х годов. И лозунги, провозглашаемые сегодня ими, —

«воспитание толерантности и коммуникативности», «личностный подход», «деятельностная направленность», «деидеологизация» — направлены на подготовку из наших детей узкопрофессиональных работников, не имеющих кругозора, разрозненных и послушных исполнителей воли «элиты».

И надо подчеркнуть, что деятельность сегодняшних модернизаторов образования подкрепляется реальным финансированием, почему она и имеет продолжение и развитие.

И в заключение хочу сказать, что и наш фонд, и я лично верим в становление новой образовательной области — ОБЖ — в школе и предметов безопасности жизнедеятельности — в вузах, верим в их существенную роль при формировании национальной идеи. Однако уже сейчас для этого необходима действенная поддержка со стороны общества и, в частности, со стороны уважаемых слушателей данного выступления, потому что то, о чем я рассказывал, — это конкретное дело, а не просто общие мысли.

Все. Спасибо за внимание.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Спасибо.

В завершение нашего заседания я хотел бы высказать две позиции. Первая. По поводу нашего возможного участия в разработке проекта национальной идеологии. Мы сейчас в перерыве беседовали с Вадимом Михайловичем, и я ему предложил: «Приходите к нам, возглавьте какой-нибудь центр. Возьмите в качестве проекта этот проект», — имея в виду, что работать над ним могли бы и здесь присутствующие люди, и достаточно много других людей, которые пишут по этому поводу. Если вы посмотрите

литературу, то гора книг уже издана, не говоря о том, что многое еще находится в портфелях. Вот сейчас здесь выступал один из наших коллег, из здесь присутствующих, у него тоже есть страниц 800 (я имею в виду Белова).

Я думаю, что возглавлять такую работу должен человек огромных энциклопедических знаний. Вадим Михайлович один из лучших философов в России, если не самый лучший. Без всякого преувеличения это один из самых лучших умов России. Если бы он согласился на мое предложение, то, я думаю, под его патронажем мы могли бы сделать нечто существенное. И это должен быть не просто манифест, потому что, в конце концов, манифест может родиться только тогда, когда будет что-то вроде «Капитала» Маркса, то есть что-то очень фундаментальное. Тогда с этим можно действовать, зная, что за тремя страничками текста есть объем и система знаний. Так что, вопрос открыт, но я расположен, причем конструктивно расположен, к практическому продолжению разговора.

Вторая позиция — это то, что касается образования. Вероятно, на следующем заседании мы поставим вопрос о проблемах образования. Я сейчас заканчиваю писать книгу по этому поводу. Там представлено мое видение. Здесь многое из того, о чем я пишу, уже звучало. Но я понимаю и, думаю, все здесь присутствующие понимают, что, в конце концов, в том, что все в мире и в России образовалось вот таким образом, как оно сегодня есть, — результат образования, которое функционировало на протяжении долгого периода времени и в Европе, и в мире, и в России. Есть плюсы и минусы, и достижения от этого образования, и пороки нашего общества от образования и от необразованности, от невежества так

называемых образованных людей, «образованцев», от рационализма и т. д. Не будем сейчас останавливаться в деталях.

Таким образом, ключевая проблема в развитии человечества и общества — это новая парадигма образования, которая не сводится, конечно, только к компоненту чисто мировоззренческому, хотя он и является ключевым: что необходимо знать в XXI веке для того, чтобы можно было противостоять этой реальности и изменить ситуацию к лучшему. У меня есть на этот счет некоторые соображения. Мы вчера кое-что обсуждали. Может быть, мы соберем даже не просто заседание, скажем двух-трех академий — Академии гуманитарных наук, Академии естественных наук, некоторых других структур — и обсудим проблему образования так, как ее надо сегодня обсуждать. Я на самом деле присутствую на всех «тусовках» (так я назову это, по-другому нельзя назвать), которые посвящены реформе образования в России, начиная от Всероссийского съезда ректоров, кончая встречей министра с ректорами государственных вузов и узкими заседаниями, где собираются 5, 10, 15 человек и обсуждают эти вопросы. В принципе разговор идет просто об изменении механизма финансирования образования, исходя из того, что государство не в состоянии его финансировать, а если честно говорить, оно не хочет, чтобы образование финансировалось из бюджета. Не хочет, конечно, определенная группа людей, которая управляет государством.

Тем самым я, ректор негосударственного вуза или, как его называют, «коммерческого», выступаю здесь как государственный, т. е. я считаю, что и такое образование может быть и должно быть в обществе, потому что это образование совершенно другого типа. Вот существование такого вуза, как наш, позволяет мне сегодня говорить с вами так, как я говорю, и делать кое-что из того, что я

делаю, в том числе и иметь такой Клуб, который берется разрабатывать идеологию. Я думаю даже, что негосударственное образование может быть центром инноваций в обществе, играть свою конструктивную роль в разрешении существующих противоречий. Потому что и государственная наука, и государственное образование сегодня обескровлены, люди оттуда ушли — их или вымыло оттуда, или они ушли «организованно-парализованно». И многое сейчас делается уже не потому, что структура государственная, а потому, что остались те, кто скажет: я — гражданин.

Вот Фонд безопасности. Вы что, работаете на государственные деньги? Вы — граждане России, вы вопреки всему работаете. А что, мы здесь заседаем и тратим время, интеллектуальную энергию, — нас кто-то заставил это делать? Да нет, мы просто граждане, мы понимаем, что нельзя не делать этого.

Короче говоря, я думаю, что мы могли бы обсудить проблему образования так, как ее никто не ставил и не поставит. И обсудить ее не только с точки зрения содержания, форм, методов, много другого, в том числе и финансирования российского образования, а с точки зрения образования именно в XXI веке. Я думаю, мозгов у нас хватит и на такой разговор.

Я прочитал все документы ЮНЕСКО по образованию в XXI веке, Страсбургские, Болонские декларации. Я увидел, между прочим, очень низкий уровень понимания того, что происходит в мире. Очень низкий! Просто смешно. Даже не хочется верить, что это документ Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Беда!

Во всяком случае, есть, о чем подумать, и есть возможность показать самим себе и миру, что есть еще «порох в пороховницах» и есть люди, которые могут заниматься образованием.

В. М. МЕЖУЕВ

Примерно когда хотите провести?

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Я не знаю, когда. Почему? Потому что сейчас, летом, мы ничего не проведем и вначале, и осенью не проведем, сейчас все разойдутся, разъедутся. Может быть, в ноябре или декабре. Я бы хотел, конечно, чтобы в этом участвовали и международные организации, даже ЮНЕСКО, а также зарубежные исследователи, занимающиеся образованием. В мире сейчас проходит масса конференций по вопросам образования, но все они касаются в основном, как я знаю, форм и методов обучения, не образования даже, а обучения. Про образование сейчас все пишут, имея в виду обучение. И обучение прежде всего дистанционное. Это уже «идея фикс», бешеная, так сказать идея. В России ею поражено множество людей. С огромной силой эту программу поддерживает Министерство образования РФ. Создана правовая база, и принято соответствующее постановление, и сейчас туда вкачены очень приличные деньги. А между тем, при всем том, что дистанционная форма обучения должна присутствовать, ее неэффективность и негативные последствия уже сегодня очевидны.

Короче говоря, я нигде не видел серьезного, содержательного разговора по вопросам образования. Содержательного. Что такое XXI век, его вызовы, его супер-, сверхвызовы, что должно противопоставить ему человечество и в смысле разума и не только

разума, но характера, воли и моральной энергии, эмоциональной энергии, которая не задействована сегодня в человеке и в системе образования в том числе?

Подумаем, когда это сделать и, я полагаю, сделаем. Пока нам удавалось.

Спасибо.

До свидания. Всего доброго.

26 МАРТА 2003 ГОДА

МОСКОВСКАЯ ГУМАНИТАРНО-СОЦИАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ

ТЕМА: «ТРЕТЬЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА»

26 марта 2003 года,

Московская гуманитарно-социальная академия

Тема: «Третья империалистическая война»

Присутствуют:

Члены Русского интеллектуального клуба

Зиновьев Александр Александрович — президент РИК, доктор философских наук, профессор.

Ильинский Игорь Михайлович — вице-президент РИК, доктор философских наук, профессор, ректор Московской гуманитарно-социальной академии.

Михайлов Игорь Алексеевич — вице-президент РИК, политический обозреватель «Голоса России», политолог и публицист.

Болдырев Юрий Юрьевич — государственный деятель.

Журавлев Юрий Иванович — академик РАН, доктор физико-математических наук профессор, академик РАЕН, член Испанской королевской академии, директор Института кибернетики РАН.

Фурсов Андрей Ильич — кандидат исторических наук, директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН.

Шершнев Леонид Иванович — президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации по безопасности, генерал-майор запаса.

Приглашенные эксперты:

Гусейнов Абдусалам Абдулкаримович — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, заместитель директора Института философии РАН.

Логинов Владлен Терентьевич — доктор исторических наук, профессор, руководитель проекта «Горбачев-Фонда».

Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Славин Борис Федорович — доктор философских наук, профессор, помощник президента «Горбачев-Фонда».

Толстых Валентин Иванович — доктор философских наук, профессор. Президент клуба «Свободное слово».

Цымбурский Вадим Леонидович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Стенограмма заседания

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Разрешите начать заседание Русского интеллектуального клуба.

Повестка дня:

1. Обсуждение темы «Третья империалистическая война».
2. Разное.

Сегодняшнее заседание клуба посвящено теме «Третья империалистическая война». Несколько слов на эту тему в качестве

введения. Прошу не воспринимать мое выступление как некую установку, инструкцию. Хочу остановиться лишь на чисто терминологическом аспекте проблемы.

Тема заседания, я повторяю, — «Третья империалистическая война». Откуда взялось это название? Слово «третья», я думаю, объяснять нет надобности. Первой мировой войной считается та, которая началась в 1914 году, второй — та, которая была развязана в 1939 году. О третьей войне говорят лишь как об угрозе. Я же считаю, что она *началась* и *идет*. Ее не воспринимают как войну, поскольку это война нового типа. Она отличается по многим существенным параметрам от прошлых войн. Как-то избегают признать, что мы уже живем много лет в состоянии войны, войны мировой, войны, может быть, более грандиозной, чем войны прошлого и более глубокой по ее социальному содержанию.

Почему я употребляю слово «империалистическая»? Это зависит от того, как мы применяем само слово «империя». Вообще вся терминология в сфере социальных исследований, является очень многозначной и неопределенной. Потому следует сказать о самих терминах «империя», «империализм».

Слово «империя» употребляется в нескольких смыслах. Я назову только три основных.

В первом смысле империей называют такое человеческое объединение, когда одно объединение (одна страна, один народ) покоряет другое объединение (другой народ, другие народы, другие страны) или делает его в какой-то мере зависимым от себя. Формами этого могут быть: зависимость одной страны от другой, колониальная или полуколониальная зависимость и т. д. Различны и степени зависимости. Примеры таких империй вам хорошо известны. Почти все европейские страны побывали в состоянии

империи (Британская империя и т. д.).

Далее. Слово «империя» употребляется в смысле структуры власти. В этом смысле говорили, скажем, что главой власти в послереволюционной Франции был император Наполеон. Структуру власти имели в виду, когда говорили: Российская империя, император и т. д. — примеры все хорошо известны. Имперская структура власти — во многом совпадает с другими структурами, но имеет свои особенности. Это тоже достаточно хорошо известно.

В третьем смысле слова «империя», «империализм» употребляются как обозначение определенного типа социального устройства. Не только и даже не столько в этом случае имеется в виду структура власти: речь идет о социальной организации человеческого объединения в целом. Вам всем хорошо известно, в каком смысле употреблял слово «империализм» В. И. Ленин. Он называл империализмом последнюю стадию капитализма, т. е. определенную стадию в социальной организации человеческого объединения. Скажем, империей в смысле социальной организации (имеется в виду целая многосторонняя социальная структура) были: римская империя, монгольская империя, империя инков, империя зулусов в Африке и т. д.

Эти три различных аспекта зачастую совпадают. Например, Российская империя — была империей в смысле структуры власти и в смысле социальной структуры, но она не была империей в том первом смысле слова, о котором я говорил. Или Британская империя. Она была в высшей степени империей в первом смысле слова — как мировая империя, самая грандиозная в свое время. Но ее нельзя называть империей в смысле структуры власти. Она не была имперским объединением в том смысле, в каком была, например, Кайзеровская империя и империя Наполеона.

Если более или менее строго придерживаться терминологической определенности, то рассматривать Советскую Россию как империю вряд ли возможно во всех трех упомянутых мною смыслах, хотя в западной антисоветской, антикоммунистической пропаганде, как вы знаете, Советский Союз рассматривали как империю и даже как империю зла. Эта квалификация нашей страны того периода прочно вошла в состав современной западной или западнистской идеологии.

Империи тоже могут быть различного типа. Западнистские (или западные) империи — всем хорошо известны. Встает вопрос, возможны ли империи коммунистического типа? Фактов такого рода в истории не было. Хотя Советский Союз создавал мощный блок, но нет никаких признаков для оценки этого блока как империи во всех трех смыслах. В империях, так или иначе, образуется социальная иерархия. Но советский блок не имел социальной иерархии. Может быть, это и было одной из слабостей такого объединения. В империях, о которых я выше говорил, большую роль играет наличие человеческого материала с психологией господствующего или превосходящего других народа. Такой была Британская империя, с такой установкой складывался гитлеровский рейх. В объединениях коммунистических стран, исторически, по крайней мере, такого явления не было. Нас называли империей зла, однако в Советском Союзе не было большого народа, который ощущал бы себя и психологически, и идеологически в качестве народа господ. Без этого, без психологии и идеологии народа господ никакая империя невозможна. Этого не было и в отношении объединения коммунистических стран. Если взять социалистический блок, то жизненный уровень в Советском Союзе был ниже, чем в Восточной Германии и в других странах советского блока, тогда как одним из

признаков империи является то, что уровень жизни в метрополии всегда выше, чем уровень жизни в колониях, в зависимых странах. Во всяком случае, должен быть выше, или идеологией это, так или иначе, фиксируется.

Я не считаю себя специалистом по объединениям такого рода. Этими проблемами занимаются, по всей вероятности, геополитики. Как они на это посмотрят, какой найдут ответ — это одна из тем для обсуждения.

Советский Союз и блок коммунистических стран. Фактически играли в мире роль, которую можно определить как антиимпериалистическую. Тенденция к образованию империй в западном мире всегда имела место (и в ленинском понимании это отражалось, и в официальных названиях стран того времени). Но эта тенденция в то время, когда возник Советский Союз, возникли коммунистический блок и мировой коммунизм, была заторможена, и казалось, что она оборвана навсегда. В результате второй мировой войны была разрушена Британская империя, и даже в пропаганде западных стран говорили, что кончилась эпоха империй, кончилась эпоха империализма и т. д. Но эпоха эта, как показало дальнейшее развитие событий, не кончилась. В действительности империалистическая тенденция была только отодвинута на задний план вследствие существования Советского Союза и стран коммунистического блока и той роли, которую они играли в мировом процессе.

Перейду к ситуации, которая сложилась к концу XX века и наблюдается сейчас. Я думаю, что эта ситуация сложилась надолго. (По всей вероятности она будет продолжаться весь XXI век, а то и больше. Но тут могут быть ошибки: сколько-то десятилетий в ту или иную сторону).

Первая империалистическая война. Ее можно назвать империалистической, поскольку в ней участниками были империи: Британская империя, Германская империя, Российская империя. Цели были империалистические: захватывать территории. Это была война за передел мира. Раз передел — значит захват. Это, следовательно, война империалистическая в полном смысле слова (в первом смысле слова, как я говорил).

Вторая мировая война. Если рассматривать ее объективно, научно, а не на пропагандистском уровне, это была война, которую развязал западный мир. Развязал ее против Советского Союза. Эта война была многосторонней, сложной. Война социальных систем, т. е. война эволюционная. Но война эта начиналась все-таки как империалистическая. Запад развязывал эту войну, направляя гитлеровскую Германию на Восток, против нашей страны. Цели у Германии были явно империалистические. Намерения были создать новый мировой порядок, фактически создать новую мировую империю. Я сейчас не буду говорить о том, почему весь западный мир, включая всех западных теоретиков и политиков, просчитались. Они не понимали сущности коммунистической социальной организации, так же как и немцы, так же как и мы сами. Как бы то ни было, война из империалистической превратилась, помимо воли тех, кто разжигал эту войну, в войну освободительную с нашей стороны. В западном мире произошел раскол. Обстоятельства сложились так, что часть стран Запада оказались нашими союзниками. Сложилась антигитлеровская коалиция. Война фактически из империалистической превратилась в войну освободительную. Во всяком случае, мы оцениваем ее в других категориях.

Сразу после окончания второй мировой войны началась

«холодная война». Относительно того, когда началась, то зависит от того, как мы определим в связи с новыми историческими событиями само понятие мировой войны. Но как бы то ни было, к концу XX столетия уже можно констатировать начало третьей мировой войны. Я не берусь точно назвать дату. Как развивалась «холодная война», вам хорошо известно. Сначала был колоссальный успех советского блока, Советского Союза. В 1978 году, когда я оказался на Западе, то видел, что там ожидали: вот советские придут. Был, например, лозунг: «Лучше красный, чем мертвый». Это все было реально.

Затем произошел переворот в ходе «холодно-теплой» войны. Она закончилась разгромом советского блока, разгромом Советского Союза, капитуляцией. Наша страна капитулировала перед Западом. Это была настоящая капитуляция. Как это оценивать — это не тема сегодняшнего заседания. Что сложилось? Эту структуру называют однополюсной и проч., такая терминология мне кажется бессмысленной. Но как бы то ни было, все же западный мир во главе с США одержал победу. Произошел перелом в ходе мировой войны. Мировая война стала превращаться в войну империалистическую. Сейчас она отчетливо стала войной империалистической, т. е. войной за захват западнистским (я употребляю такую терминологию) сверхобществом во главе с Соединенными Штатами (не будем употреблять слово «Америка»), других народов, других стран. Дана общая генеральная установка — установление мирового господства. Это не просто чисто идеологическая формула. Я прожил 21 год на Западе. Я попал туда с такой репутацией, что имел возможность участвовать во всякого рода встречах, конференциях и проч., имел возможность смотреть официальные документы на эту тему. Уже тогда, в 1980-1990-е годы, уже выработалась детальнейшим образом разработанная программа американского

блока, программа завоевания мирового господства, т. е. установления мирового порядка по тому образцу, который желателен Соединенным Штатам и их союзникам.

Поэтому я и употребляю это выражение — третья империалистическая. Если кого-то этот термин не устраивает, можно его не вводить, употребляйте другие выражения.

Третья империалистическая — идущая война; произошел переход от «холодной» и «теплой» войны — я употреблял и употребляю такое выражение — к войне «горячей». Этот переход явно осуществился в войне против Ирака (та, первая война), в Афганистане и совершенно бесспорным образом в войне против Югославии. Сейчас ко всему этому прибавился еще новый эпизод этой новой империалистической войны — война в Ираке.

Новая империалистическая война имеет свои особенности, отличающие ее от предыдущих. Отличие в том, что начавшаяся мировая война, к которой понятие империалистической было не применимо, превратилась в войну империалистическую и в войну нового типа. Она идет не как одна война, где четко определена линия фронта и с одной стороны противник — с другой стороны противник, а она распадается на множество эпизодов. Если смотреть на эти эпизоды по отдельности, то ее общесоциальный характер тогда пропадает, становится не явным. Но если рассматривать все эти эпизоды как фрагменты единого целого, то тогда становится ясной сущность войны в целом. Сейчас это уже общепризнано. Американцы не скрывают, что за иракским эпизодом последует новый. Очевидно, они коснутся или каких-то стран арабского мира, или Северной Кореи. Но, в конечном счете (и это не моя гипотеза, я имел десятки бесед на данную тему со специалистами, которые планировали и разрабатывали до мельчайших деталей эту войну),

основная цель этой империалистической войны — разрушение империалистического Китая, т. е. ставится задача — сделать с Китаем то, что сделали с Советским Союзом. Но поскольку до конца сделать то, что сделали с Советским Союзом, в Китае не удастся (в чем организаторы и те, кто ведет эту войну, уверены почти на сто процентов), война против Китая в значительной мере будет горячей войной с применением всех видов современного оружия. Это не просто моя гипотеза, это фигурирует в планах современного агрессора.

Встает вопрос, какая судьба уготована нам, России, уже идущей к империалистической войне. Объективный анализ всей ситуации и всех планов, которые существуют на самом деле, показывают, что нашей стране уготована весьма незавидная судьба. Россия уже плетется в фарватере американской стратегии вообще и военной стратегии, в частности. Что бы ни говорили сейчас представители власти нашей страны, все это детский лепет в сравнении с тем, что происходит на самом деле. Вот лишь один пример. Президент России заявил, что война Америки против Ирака есть ошибка. На уровне обывательского мышления это воспринимается так: Боже, какое мужество, смотрите какое противостояние, какая оценка! Но никакой американской ошибки нет. Десятки лет разрабатывались планы, педантичным образом разрабатывались. И теперь они приводятся в исполнение. Если быть объективным, время для военной операции, для этого эпизода мировой империалистической войны, выбрано, с точки зрения интересов Соединенных Штатов, удачно. Когда говорят, что время выбрано неудачно, — все это чепуха, потому что любое откладывание войны в Ираке пошло бы во вред агрессорам. Все труднее им было бы развязывать эту войну. Я думаю, что военные

специалисты, специалисты по военным проблемам понимают эту ситуацию лучше меня.

По этому поводу Алексей Пушкин иронизировал в своей программе «Постскриптум». Я только не знаю, действительно ли он иронизировал или так получилось непроизвольно. Ошибка — что же имеется в виду? Что война пойдет во вред Соединенным Штатам? Выглядит так, что мы, русские, о вас, американцах, очень заботимся, мы хотим, чтобы вам было хорошо, но вот тут-то это причинит вам зло. В этом смысле ошибка? Другого смысла в президентском выражении я не вижу. Фактически эта позиция — а руководство выражает позицию страны — означает присоединение к агрессору.

Насколько я понимаю ту систему, которая у нас сложилась: чтобы наши правители без ведома и без разрешения свыше позволили себе осуждать так резко — этого не может быть. Они действовали в рамках дозволенного. Их протесты ни в какой мере остановить агрессию не могли и не могут, — то прекрасно понимают агрессоры. Никакой ошибки тут нет. Когда говорят об ошибке — это завуалированная форма скрыть то, что мы фактически предали и продолжаем предавать всех тех, кто в свое время был на нашей стороне, смотрел на нас с надеждой. Если конфликт между Западной Европой и Америкой будет обостряться — я думаю, что гораздо больший протест против американизации имеет место в западноевропейских странах, — в этом конфликте Россия окажется на стороне Соединенных Штатов. Она уже оказалась на этой стороне.

Я бы сказал, что если не конечной, то главной установкой новой ведущейся империалистической войны является война против Китая. Это будет основное событие XXI века. Сколько десятков лет это займет — трудно сказать. Специалисты по геополитике и

международным проблемам поймут мою идею сразу, и никаких доказательств не требуется. Я только приведу вам один разговор, который я имел незадолго перед возвращением в Россию с одним из ведущих идеологов Соединенных Штатов. Мы с ним давно знакомы. Я на одной небольшой конференции выступал и говорил о том, что в войне Соединенных Штатов и их союзников против Китая Россия будет использована как средство и орудие против Китая, и, что поразительно, как *антикоммунистический бастион*. Именно, как антикоммунистический бастион. Она будет участвовать, предоставляя свою территорию и, думаю, вооруженные силы. Наши власти так рвутся вступить в НАТО, что они наверняка влезут и в ВТО, и в НАТО, чего бы это ни стоило. Американский советолог был моим оппонентом. Он критиковал мою позицию, но в этом пункте он сказал: «Я согласен с Зиновьевым, по всей вероятности, нам, американцам, война против Китая обойдется в 30 или 50 миллионов русских». Какова научная ценность этого высказывания — это другой вопрос. Но суть дела выражена достаточно точно.

Позвольте мне на этом закончить выступление.

Сейчас позвольте предоставить слово Леониду Ивановичу Шершневу, президенту Фонда национальной и международной безопасности, главному редактору журнала «Безопасность», эксперту Государственной Думы и Совета Федерации по безопасности, генерал-майору запаса.

Л. И. ШЕРШНЕВ

Уважаемые коллеги, друзья! Я хочу сказать, откликаясь на выступление Александра Александровича, что действительно сегодня еще рано отказываться от определения понятия «империализм». Но, как и в отношении любого другого понятия,

есть масса порой определений взаимоисключающих. Мы в данном случае имеем дело с гармонией противоположностей. Новая эпоха проявляет какие-то новые признаки в этом империализме. Здесь было упомянуто одно ленинское определение. К нашей эпохе я бы отнес, пожалуй, другое его определение: империализм означает отныне сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему. Вот такое несколько загадочное определение, которое выявляет проблему понимания взаимозависимости мира. Вы помните, у Каутского был «сверхимпериализм», ультраимпериализм и т. д. Все искали какое-то определение данной эпохи. Дать его однозначно мы не можем.

Если говорить о войне, то я бы все-таки подчеркнул: очень спорно, тем более сегодня, определять мировую войну по одному признаку как империалистическую. Ленин, кстати, тоже говорил, что империалистическая эпоха, когда он жил, объединяет в себе сумму войн типичных и нетипичных, больших и малых. Над этим следует поразмыслить.

Вторая мировая война, прежде всего, была войной европейской, войной с англо-саксонской цивилизацией Европы, которая пыталась утвердить свое мировое господство. Но в той войне участвовали и империалисты, и социалисты. Когда на одном поле пасутся и коровы, и лошади, то очень сложно дать одно какое-то определение этому явлению. Я тоже считаю, что мировая война сегодня идет, но я ее называю «четвертая мировая война», потому что третья нами уже проиграна. Она прошла как «холодная война», но факт-то свершился. Вот почему эту войну я бы определял как четвертую мировую войну. Я еще раз говорю, что не ограничился бы только ее признаками как войны империалистической, поскольку этого сегодня крайне недостаточно. Речь идет даже не о

противостоянии бедных и богатых, о классовых войнах, как раньше, а о противопоставлении цивилизаций, противопоставлении культур. Мы сегодня, в частности, видим, что англо-саксонская цивилизация в этой последней войне выступает против исламской цивилизации.

Мне вначале было не понятно, почему Путин, Иванов заявили, что они якобы против этой войны. Это была самая большая загадка: без позволения, без разрешения занять такую позицию подобные заявления были бы невозможными (я здесь согласен с Александром Александровичем Зиновьевым). Значит, мы должны искать какую-то третью силу, которая стоит и над Америкой, и над нами. Видимо, в этой третьей силе произошел какой-то раскол. Может быть, сегодня Америку сознательно втянули в этот конфликт, потому что я не думаю, что сегодня эта война в Ираке стала для нее победоносной. Мне представляется, что сегодня Ирак уже в этой войне победил самым фактом того, что он втянул в войну вот эту страну. Я думаю, что чем дольше, тем с каждым днем эта победа Ирака становится все более существенной.

Америка предполагает воевать и с Китаем. Но я думаю, что и война с Китаем будет все-таки не военной, не прямой, не горячей. Скорее всего, американцы используют опыт, который великолепно проработали на примере Советского Союза. Видимо, не случайно Сталин в свое время назвал вторую мировую войну истребительной, потому что уже в той войне ставилась задача истребления народов, истребления цивилизаций. Но тогда эта задача ставилась военным путем, прямой военной силой. Мы сегодня убедились, что даже сверхточные, умные ракеты порой не могут противостоять человеку с ружьем. Этот пиаровский ход, когда из винтовки сбивают вертолет (а вчера сообщили: женщина из гранатомета подбила танк), как раз как нечто другое символизирует, как новое понимание войны и роли

в ней морального фактора, цивилизационного фактора, культурного фактора.

Опыт уже этой войны показывает, что без предательства России (ее высших кругов), мировые войны сегодня не выигрываются. Мы это четко видели в Югославии, сегодня — в какой-то мере на Ближнем Востоке. Поэтому смысл и сдерживания войн, и их предотвращения состоит, возможно, в каких-то новых построениях, в том числе цивилизационных.

Мне хотелось бы информировать вас, что в этом плане делается Фондом национальной и международной безопасности и что — в рамках Русского интеллектуального клуба. Я имею в виду идею союза цивилизаций России, Индии, Китая и Ирана, которая звучала на прошлом заседании нашего клуба и с которой мы работаем уже два года. Не случайно совпадение аббревиатур — РИК и РИКИ. То есть Русский интеллектуальный клуб, с одной стороны, и Россия, Индия, Китай и Иран, с другой. Мне бы очень хотелось, чтобы эта идея стала основополагающей для нашего клуба. Почему? Потому что именно в этой идее мне, во-первых, видится то, что мы можем противопоставить теории столкновения цивилизаций; во-вторых, это то, что мы можем противопоставить созданию нового мирового порядка: то, что мы можем создать новый полюс, который уравновешивал бы англо-саксонский полюс или западный полюс в целом. (Я не сторонник многополюсного мира. Я считаю, что мир более прочен, если он на двух полюсах, двухполярный, как все у нас в природе). Создание такого союза цивилизаций — Россия, Индия, Китай, Иран, который бы в себя включал потенциалы и цивилизационные, и интеллектуальные, и экономические, и военные, — несомненно послужило бы гарантией нового мироустройства.

Наш двухлетний опыт показывает, что эта идея имеет реальные шансы на воплощение. С этой идеей мы официально вышли около года назад на дипломатов стран Индии, Китая, Ирана, и они ответили весьма позитивно на эту идею. Мы были приглашены в китайское посольство, и у нас четыре часа шла беседа с послом по данному вопросу. В Иране в конце января на конференции по безопасности Центральной Азии я выступал с этой идеей. Она нашла позитивный отклик. Позже наш коллега по Фонду снова выступал с этой идеей. Опять был позитивный отклик. На недавнем выступлении министра иностранных дел Индии в Дипломатической академии, я задал ему вопрос об отношении к союзу цивилизаций России, Индии, Китая и Ирана. Его ответ был позитивным. Более того, он порекомендовал послу Индии официально помогать нам в разработке этой идеи.

Самое слабое звено здесь, как ни странно, Россия, российское руководство. Поэтому задача сегодня состоит в инициировании общественностью этой идеи. У идеи РИКИ есть все шансы быть продвинутой.

У меня есть два предложения нашему Русскому интеллектуальному клубу. Мне бы хотелось, чтобы в рамках нашего клуба была библиотека. Каждый в клубе самодостаточен, начиная с Александра Александровича. У каждого есть труды. В этой библиотеке можно было бы формировать и предложенную идею РИКИ.

Второе. Я думаю, что у нашего Клуба есть и другая возможность реально включаться в решение международных проблем. Я вам показал на примере РИКИ, что может сделать небольшая общественная организация, почти не обладающая какими-то крупными материальными ресурсами. Здесь у нас есть

вуз, большая масса студенчества. Когда сегодня идет война, война реальная. Почему бы не направить наших студентов там, где мы можем на них влиять, на осмысление происходящей войны, на написание листовок и т. д.? Американцы называют: «шок и трепет», а мы назовем, допустим, «звон и лепет». Пусть студенты вокруг этого подискутируют. Если мы сумеем создать хотя бы несколько студенческих кружков и конкретно поработать на идею РИКИ, это тоже будет вкладом в решение международных проблем. Я за то, чтобы мы реально работали, реально воевали в рамках этой войны, войны уже цивилизационной.

Спасибо за внимание.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Игорь Алексеевич Михайлов, вице-президент РИК, политический обозреватель «Голоса России», политолог и публицист.

И. А. МИХАЙЛОВ

Экспансионизм США: прошлое и настоящее — так бы я обозначил тему своего выступления.

За более чем два столетия США превратились в классическую экспансионистскую страну. Это одно из немногих государств мира, которое за сравнительно короткий исторический срок смогло увеличить свою территорию в четыре раза. Причем с самого образования Соединенных Штатов, как отмечают сами же американские авторы, у политических лидеров молодого тогда государства было нечто большее, чем просто стремление к экспансии. Еще первый президент США Джордж Вашингтон назвал новое государство «поднимающейся империей». В США ввели в

практический обиход понятие «сферы исключительных жизненных интересов». В том же 1823 году президент Джеймс Монро выдвинул лозунг «Америка для американцев» и провозгласил свою доктрину, которая вошла в международные отношения как доктрина «Монро». Эта доктрина, как известно, явилась обоснованием особых прав Вашингтона на американский континент. Результаты такой политики не заставили себя ждать. Уже к середине XXI века победа в войне с Мексикой дала возможность США присоединить к своей территории Техас, Аризону, Калифорнию, Оклахому, Новую Мексику...

Со времен отцов-основателей американской республики военная сила считается основным средством урегулирования спорных внешнеполитических проблем, арбитром в последней инстанции. Осуществляя свои экспансионистские и империалистические планы, американские политики, как правило, прикрывали их идеологическими постулатами о мессианской роли американцев и Америки в мире. Причем из поколения в поколение в мышление американцев внедрялись убеждения, что именно они носители великих, а значит, американских идеалов. Известный американский писатель XIX века Герман Мелвилл писал: «Мы, американцы, особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени; мы несем ковчег свободы миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих душах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас... Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. Но он пришел в нас».

Динамично развиваясь, США уже в конце XIX века обогнали весь мир по темпам развития производства. С этого периода и в

мировой экономике, и в международных отношениях Америка входит в число лидеров. В первую мировую войну Вашингтон активно вмешался в европейский конфликт. Во время второй мировой войны США из страны-должника превратились в государство-кредитора, что способствовало значительному росту его экономического и политического влияния на международной арене. Еще не раз в американской истории XX века будет создаваться ситуация, когда война для Америки становилась синонимом процветания.

Соединенные Штаты Америки стали первой страной, которая применила атомное оружие в 1945 году. С появления атомного, а затем и ядерного оружия, Америка практически при каждой конфликтной ситуации (включая нынешнюю), которые, порой, и сама провоцировала, планировала применение атомного и ядерного оружия. Первым таким конфликтом стала война на Корейском полуострове в 1950–1953 годах. Сумев различными способами интернационализировать этот конфликт, втянув в него ООН, Вашингтон подготовил секретный план: по которому были намечены цели, на которые должны быть сброшены атомные бомбы. Причем это был тот самый период, когда американцы уже начали рассматривать вариант атомного нападения на Китай, который сыграл в этом конфликте одну из основных ролей.

Во время войны во Вьетнаме, где США потеряли свыше 50 тысяч человек, Пентагон был также готов к нанесению ядерного удара по Северному Вьетнаму и Китаю. Милитаризованное мышление, которое сформировалось у многих представителей американской политической элиты, все чаще толкает Вашингтон к применению силы, к стремлению «играть мускулами».

Известный американский политический деятель 1970–1980-х

годов У. Фулбрайт, который после войны во Вьетнаме предупреждал политическую элиту США об опасности «самонадеянности силы» в одной из своих статей писал: «Мы создали общество, главным занятием которого является насилие. Самую серьезную угрозу нашему государству представляет вовсе не какая-то внешняя сила, а наш внутренний милитаризм. Создается удручающее впечатление, что мы в Америке явно привыкли к войнам. На протяжении вот уже многих лет мы или воюем, или немедленно готовы начать войну в любом районе мира. Война и военные стали неотъемлемой частью нашего быта, а насилие — самым важным продуктом в нашей стране». Это сказано значительно лучше, чем многие наши пропагандисты говорили тогда об Америке.

Последние 15 лет каждый американский президент отдавал приказы о начале военных операций. При Билле Клинтоне военная операция НАТО в 1999 году, под руководством США, привела к распаду Югославии, принесла немало страданий многим сотням тысяч жителей этого региона. Мне и моим коллегам своими глазами довелось видеть, что такое современные бомбардировки США. На наших глазах бомбили Белград. Мы в то время собрали за Круглый стол политологов и аналитиков в Белграде и видели, что такое современный европейский город под бомбами НАТО. Под так называемыми высокоточными ударами крылатых ракет на наших глазах оказалось и сербское телевидение, и китайское посольство, и памятники культуры. Тысячи мирных людей погибли и пострадали от этих варварских бомбардировок по всей Югославии.

Анализ югославской трагедии показал, что США и ряд их союзников по НАТО умышленно в канун начала военной операции стремились не допустить политического варианта разрешения

балканского кризиса. Особенно это проявилось, когда на Парижских переговорах Мадлен Олбрайт сделала все, чтобы конструктивный диалог между делегацией Сербии и албанской делегацией из Косово не состоялся. Прямая и закулисная помощь косовским сепаратистам, которую оказали США (в том числе и через ЦРУ, глава которого Дж. Теннет — этнический албанец), и информационная агрессия Америки по обработке мирового общественного мнения позволили без особых проблем привести в Белграде к власти тех политических деятелей, которые бы устраивали, в первую очередь, Вашингтон. Единственная страна на Балканах, которая выступала против планов Белого дома по расширению НАТО, страна, где подвергались критике многие политические акции США, перестала существовать. Война против Югославии при наличии мандата ООН, чему способствовала и Россия, стала еще одним примером откровенного навязывания воли Вашингтона мировому сообществу.

На мой взгляд, война НАТО против Югославии и стала началом той самой четвертой мировой войны. США продемонстрировали, как Вашингтон намерен устанавливать «мировой порядок» в будущем.

Трагические события 11 сентября 2001 года, атака террористов по Вашингтону и Нью-Йорку привели мир к осознанию новых опасностей, террористической угрозы миру. То был период, когда мировое сообщество консолидировалось вокруг США. Администрация Дж. Буша решила воспользоваться и этим предлогом для окончательного установления господства, на этот раз — на Ближнем Востоке, который, между прочим, еще в 1980-е годы Америка объявила зоной национальных интересов США.

Этот регион войны и конфликты сотрясают уже более полувека, начиная с 1948 года, когда Израиль начал вести

постоянные войны со своими арабскими соседями. Экспансионизм Израиля поддерживают, главным образом, США, предъявляя претензии к Багдаду, и в том, что у Ирака якобы имеется оружие массового поражения. Вашингтон тем самым демонстрирует двойные стандарты. Именно Израиль имеет в этом регионе и первым получил в свое распоряжение оружие массового поражения, что напрямую противоречит резолюции 698 Совета Безопасности ООН. В соответствии с этой резолюцией ни одно государство Ближнего Востока не вправе обладать этим видом оружия. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН 12 сентября 2002 года, Дж. Буш указал четыре основные причины для начала войны против Ирака:

- 1) Багдад не выполнил 16 резолюций Совета Безопасности ООН;
- 2) правящий режим в Багдаде обладает оружием массового поражения;
- 3) иракский режим нарушает права человека;
- 4) правящий режим Ирака поддерживает отношения с сетью Аль-Кайды, а также другими террористическими организациями.

За исключением пункта о правах человека, который на Западе любят использовать для оправдания силовых акций против неудобных стран и режимов, все остальные претензии американского президента несостоятельны. Что и доказали события последнего времени, в том числе и работа инспекторов ООН.

20 марта 2003 года Дж. Буш отдал приказ о начале военной операции против Ирака. А накануне он заявил, что Соединенные Штаты собираются установить демократическое правление в Ираке для того, чтобы распространить этот политический режим на все страны Ближнего Востока. В Америке, видимо, забыли, что именно США способствовали установлению жестких диктатур в регионе. В

той же Саудовской Аравии, чьи подданные, кстати, имеют прямое отношение к террористическим акциям 11-го сентября.

Почти неделю длится война против Ирака. Война за новый передел на Ближнем Востоке, война, которая эволюционирует в «войну цивилизаций» (по Хантингтону). Удар по Ираку — это и сокрушительный удар по всей системе безопасности в мире, это удар и по ООН. Многие аналитики на Западе уже заговорили, что в случае победоносной войны США произойдет развал двух международных организаций: ОПЕК и ООН. Завоевав нефтяные богатства Ирака, Вашингтон сделает все, чтобы цены на нефть не устанавливались Организацией экспортеров нефти. Что же касается ООН, то показательна статья Ричарда Перла в британском журнале «Спектэйтор». Ричард Перл сейчас председатель Совета по оборонной политике, консультационного органа при Пентагоне. Он озаглавил статью «Прощай, ООН». И он доказывает недееспособность этой организации. Более дипломатично, но в том же стиле высказался посол США в Москве Вершбоу, заявив, что необходимы реформы в ООН. Надо понимать, в их интерпретации реформировать ООН — значит сделать эту организацию максимально послушной Вашингтону. Года четыре назад я опубликовал в «Литературной газете» статью, где анализировал ситуацию в Югославии. Статья называлась «Могут ли США заменить ООН». Но тогда и в страшном сне не привиделось, что такое вполне возможно. Оказалось такие планы разрабатываются.

И в заключение. Начавшаяся война — это серьезный момент истины для многих государств. Лакейская услужливость лидеров ряда стран СНГ: Украины, направившей своих военнослужащих для поддержки США в Катар, Грузия (кстати, вчера там работали военные эксперты США на предмет анализа, какие аэродромы

можно использовать для бомбежек Ирака), Азербайджана, Узбекистана — это серьезный и, надо признать, прогнозируемый звонок для Кремля. Но, судя по всему, тот мировой порядок, та тактика и стратегия, которые используются сегодня США, а также пренебрежение международным правом, большинством стран мира не поддерживаются.

Эта война заставит многие государства пересмотреть свои приоритеты. В том числе и Россию. Хотя, как показывает практика, мы на чужих примерах не учимся. К сожалению, эта война вызовет новый виток гонки вооружений, в том числе и ядерных, что не сделает мир безопасней. Но она явится и началом конца политической карьеры многих политиков в мире. Кстати, и для Буша, и для Путина идущая война — это часть предвыборных баталий. Об этом тоже не стоит забывать.

Что же касается Ирака, даже если пушки перестанут стрелять завтра, это не гарантия того, что народ смирится с агрессией и оккупацией. Победить армию страны разоруженной, которая находится более 10 лет в экономической блокаде, конечно, возможно. Но победить народ, поставить его на колени — это будет проблематично. Как известно, войны начинают, когда хотят, а кончают их, когда могут.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Юрий Юрьевич Болдырев.

Ю. Ю. БОЛДЫРЕВ

Уважаемые коллеги, нам, наверное, сейчас не стоит друг друга убеждать в том, что это война за долгосрочные стратегические интересы США. Я хотел бы обратить внимание на два аспекта

проблемы.

Первый аспект. Когда 7–8 лет в нашей стране интенсивно навязывался режим соглашения о разделе продукции как специальный режим, не просто позволяющий иностранным компаниям добывать наши природные ресурсы, а создающий возможность полностью взять под стратегический контроль зарубежных компаний, транснациональных корпораций, за большинством из которых стоят, прежде всего, США, на многие десятилетия наши краны с нефтью и самим регулировать поставки нашего сырья на внешний рынок, люди, которые противостояли этому (и тогда не безуспешно, в том числе и ваш покорный слуга), воспринимались как непродвинутые, не понимающие современных тенденций развития мировой экономики. Еще год назад многое из того, что нам, к счастью, удалось отстоять, воспринималось с большим сомнением. Сегодня даже для самых либерально настроенных, в том числе и экономистов, совершенно очевидно, что режим концессии РСП, навязываемый России, — это не вопрос сиюминутных прибылей, это не вопрос коммерции. Это вопрос геополитики, вопрос долгосрочной стратегии.

Второй аспект. Мы не будем говорить, что такое хорошо, что такое плохо, что угрожает сегодня западной цивилизации, что угрожает США в ближайшие 10–20 лет, если они не будут ничего предпринимать. Здесь упоминалось о том, что в XIX веке США победили Мексику. Победили. Отвоевали у них часть территории. Но совсем недавно было признано, что так называемых латинос в США уже больше, чем черных. А в Калифорнии их уже значительно больше, чем белых. Что самое главное: этот так называемый, этнический котел, не переваривает ни мусульман, ни латинос, не обращает их в западную христианскую культуру (или, точнее, в

протестантскую культуру). Католики-латинос — это все-таки люди с совершенно иной деловой этикой, с иным образом жизни, иной системой ценностей. Начиная с 1990 года, когда у меня появилась возможность общаться с представителями тех или иных интеллектуальных кругов США, я постоянно натыкался на категорический отказ обсуждать эту проблему. «Котел все переварит». «Наша система ценностей, универсальные западные ценности» и т. д. Ничего не переварит. Если представьте себе, ничего не делать в условиях, когда мусульманское население размножается со скоростью в несколько раз большей, чем западное христианское, если ничего радикально не менять в самой структуре и системе ценностей и в образе жизни, то через сколько-то десятков лет эта культура перестанет быть господствующей на североамериканском континенте. Какой же естественный способ выживания? Дегуманизация системы, отказ от равенства, единства прав и свобод и т. д., попытка тем или иным способом, если невозможно переварить, то впитать в себя мусульманское и латиноамериканское население. Я предвижу возврат — в той или иной степени, в той или иной форме — к какому-то новому варианту апартеида. Будет это или не будет — я не знаю. Но мне кажется, что все идет к этому.

Возможно ли это в случае сохранения нынешнего мирового порядка, когда, хоть и есть одна великая сверхдержава, но все-таки она не держит еще в руках абсолютно полностью весь мир, и налицо опасности усиления и, может быть, какой-то большей консолидации исламского мира, растущий Китай, или Россия хоть и взятая под контроль, но все-таки еще с неизвестными перспективами, если смотреть на 10, 20, 50 лет вперед. Возможно ли это? Затруднительно. Представьте себе при нынешнем состоянии дел,

если бы США попытались ввести какие-то, условно скажем, ограничения на права мусульманского и латиноамериканского населения. Сил пока не достаточно. Возможно ли это будет через 20–30 лет, а может, и раньше в случае, если весь мир будет взят под более жесткий контроль тем путем, по которому пошли сейчас США — войной в Югославии, войной в Ираке и в соответствии с дальнейшими планами, о которых нам сегодня говорили? Я хочу подчеркнуть, что внешняя агрессия в значительной степени, с моей точки зрения, является не только следствием стремления взять под контроль мировые ключевые ресурсы и все правила игры на всех рынках, подчинить себе все эти рынки, но еще и следствием внутренней проблемы западного мира, внутренней проблемы США, столкнувшихся с тем, что та цивилизация, которую они создали к настоящему моменту, проигрывает просто в воле к жизни, в размножении, в человеческом потенциале. Даже в таком простом вопросе: вам есть за что умирать или не за что? Мусульманскому населению есть за что умирать. Я убежден, что и китайцам будет за что умирать, если начнется война, как я понимаю Китай, хоть я и не китаист. Японцы, несмотря на то, что они не религиозны (две религии одновременно), тем не менее интегрированность каждой личности в сообщество, как у пчел в рое, очень велика. Во время второй мировой войны и в предыдущие века японцы демонстрировали способность умирать за общее дело. Правы или не правы — другой вопрос. А западные современные цивилизации? Солдату или офицеру наемной армии, воюющему в Ираке или где бы то ни было еще, есть за что умирать? Ответ совершенно однозначный. В структуре ценностей западного мира цена одной, в том числе *моей лично* жизни, такова, что при прямом столкновении нет ничего, ради чего я могу умирать. Только если мою жену, моих

детей непосредственно поразит враг. Но это — не применительно к войне с Ираком, это не тот случай.

Никакого решения этой проблемы, предложенного кем бы то ни было, реалистичного, иного, нежели тот путь, по которому пошли США сейчас, мне просто не известно. Если кто-то знает — скажите.

По воле судьбы я оказался членом двух совершенно разнонаправленных по своим идеологическим, политическим установкам клубов. Один — это тот, в котором я сейчас нахожусь, а другой — это известная организация по внешнеоборонной политике, которая провела свое выездное заседание только что (21–23 марта). Вы имеете представление о составе этой организации, о ключевых спикерах, которые выступают на всех каналах у нас, о ключевых глашатаях идей. Так вот, несмотря на то, что на протяжении многих лет эта организация умудрялась, в конечном счете, на всех дискуссиях принимать доклады явно прозападной, проамериканской ориентации, что не позволяло мне подписывать ни один из этих докладов. На этот раз случилось нечто совершенно неожиданное. Мне пришлось вести вторую часть заседания, посвященного внешней политике. Возник «бунт на корабле». В состав совета входит много людей, которые относятся к интеллектуальной элите, занимающей высокие должности в органах власти, ведающей нашей обороной и внешней политикой. Целый ряд участников Совета высказал возмущение против того, чтобы в докладе сохранилась запись о том, что главным вызовом для России является южная исламская фундаменталистская и прочая угроза. Внесли альтернативное предложение, что главным вызовом является... Там дальше начались формулировки: неэффективное лидерство, еще что-то, в конечном счете, доминировали США. Мне пришлось использовать права председателя, чтобы осуществить неслыханное в

этой организации — повести голосование. Рейтинговое голосование — кто из присутствующих какую позицию занимает. Интересно, что голоса разбились ровно пополам. Из присутствующих 19 человек считали, что нужно записать, что главная угроза для России исходит с юга (фундаментализм и т. д.). И столько же — ровно 19, — что все-таки главная угроза исходит от США (в той или иной формулировке, доминируемый монополизм, неэффективное лидерство и т. д.). Это серьезный знак: даже в той элите, которая всегда традиционно была проамериканской, зреют изменения в настроении. В докладе впервые появятся две альтернативные формулировки, свидетельствующие, что наше общество, наша элита, как и западное европейское общество, расколоты сегодня по этому вопросу.

На что еще хотел бы обратить внимание. Мы как-то привычно спорим, выбирая между двумя формами государства. Условно говоря, демократия а-ля — нынешняя Россия и диктатура а-ля — нынешняя Белоруссия, или Ирак, или еще что-то. Вопрос ведь очень простой. Одна задача: содействовать тому, чтобы наше общество осознало, где мы находимся, и что, независимо от того, насколько нам близки или не близки западные ценности, образ жизни, посудомоечные машины и пр., тем не менее, как бы нам не нравился монополист «Майкрософт», если мы хотим выжить, против него как против монополиста мы должны бороться. Точно так же как бы нам не нравилось многое во внутренней организации жизни США: эффективная организация их экономики, эффективная борьба с монополизмом внутри с их корпорациями и т. д. в интересах США и американцев, — тем не менее, если мы хотим выжить, нам, как не находящимся внутри этой монополии, — необходимо с ними в той или иной степени бороться. Не потому, что нам иранские, китайские

или индийские ценности ближе, а потому что и эти народы, эти государства столь же заинтересованы в борьбе с монополизмом, как и мы. Мне кажется очень важным этот акцент проблемы, потому что дискуссии, которые я слышал по телевидению на эту тему, всегда сводятся к тому, как же мы будем иметь дело с этими, отсталыми, гнилыми и еще какими-то нехорошими, когда весь мир вон куда идет. Мне кажется, очень важно внедрять в сознание нашего общества идею антимонопольного (кстати говоря, цивилизационно американского) подхода к общемировым проблемам. На уровне государства стоит вторая задача и ее тоже можно сформулировать предельно четко. Нас не устроит такое аккуратненькое, чистенькое и красивое государство, как Литва, Польша и т. д., работающее очень эффективно, малокорруптировано, как орган местного самоуправления в заокеанском отделении великой державы. У нас есть совершенно четкая задача, связанная с тем, что мы – первая в мире кладовая природных ресурсов, мы – носитель ядерных вооружений, технологий, мы – крупнейшая в мире, спокойная, к тому же с вечной мерзлотой территория для сбрасывания мусора. У нас есть абсолютно четкая задача: мы должны научиться строить государство, по возможности, максимально гуманное, максимально обеспечивающее вертикальную мобильность самым способным, независимо от их происхождения, имущественного положения и т. д. и в то же время очень и очень защищенным от внешнего воздействия, прежде всего финансового с учетом нынешней концентрации финансовых и иных ресурсов в одной в мире сверхдержаве. Мне кажется, такая постановка вопроса является сегодня весьма актуальной.

Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Андрей Ильич Фурсов.

А. И. ФУРСОВ

Уважаемые коллеги, я останавлиюсь на трех вопросах: на том вопросе, который заявлен («Империализм и мировая война»), и хочу откликнуться на те темы, которые здесь прозвучали, — побочные, но очень важные. Это возможности русско-восточного блока против Запада и проблема столкновения цивилизаций.

В отличие от некоторых здесь выступавших я полагаю, что термин «империализм» и «империалистическая война», империализм как состояние общества и империалистическая война, если к этому термину подходить в соответствии с принципами историзма и системности, термины, в общем-то, неадекватные. Термин «империалистическая война», на мой взгляд, не удачен тем, что он скрывает реальную суть всех тех явлений, которые вот так чохом загоняются в империалистическую войну и не позволяют понять, помимо прочего, особенности того, что происходит с 1998 года с Югославией. Кроме того, надо развести проблему империй и проблему империализма. Тема империй становится фантастически модной, сейчас в мире на нее уделяется масса денег, грантов и т. д. Это связано, с одной стороны, с ослаблением национального государства, а с другой — с пониманием того, что вся история современности — это не столько история национальных государств, сколько история двенадцати великих империй. Тем не менее, империализм и империю вообще следует развести, потому что империализм имеет отношение только к колониальным империям. Не случайно термин «империализм» появляется, как это фиксируется в Оксфордском словаре, в 1880 году и связан с

определенной политикой. В. И. Ленин в 1916 году, когда написал свой реферат «Империализм как высшая стадия» (это был на самом деле очень толково сделанный реферат), использовал термин «империализм» для того, чтобы показать, что капитализм вступает, как Ленин написал в дореволюционном издании, в позднейшую стадию. Затем, после Октябрьской революции, «позднейшую» заменили на «высшую», а высшая, значит — последняя: дальше уже крыша.

В этом смысле, если говорить об империалистических войнах, то практически все войны, связанные с расширением территорий, с захватом чужих территорий, получаются империалистическими. Тогда войны англичан в первой половине XIX века в Индии будут империалистическими и т. д. Я думаю, совершенно правильно, что в мировой науке устоялся все-таки другой термин — «мировые войны». Мировые войны — это войны за гегемонию в капиталистической системе. Так сложилось, что это войны между морскими державами и державами сухопутными. Это тридцатилетняя война. Там было много участников. Речь шла о двух проектах мироустройства: голландском и испанском. Это две войны между Англией и Францией: война 1756–1763 годов и война сначала республиканской Франции, а затем Наполеона (1792–1815 годы), что опять в сумме дает 30 лет. Наконец, две последние войны. Это войны США и Германии (1914–1918 и 1939–1945 годы). Это войны за гегемонию внутри капиталистической системы. Правда, последняя война (США и Германия) не является стопроцентно мировой войной, потому что был очень важный компонент. Помимо внутрикапиталистической борьбы, в этой борьбе участвовала антикапиталистическая (т. е. коммунистическая) держава СССР, которая решала свои проблемы. Но, тем не менее, нужно

подчеркнуть очень важную вещь. Во второй мировой войне, притом что СССР — это коммунистическая, антикапиталистическая держава, она полностью подчинилась не только логике внутрикапиталистической борьбы, что вполне было естественно (скажем, США давали 50 процентов валового мирового продукта), но и долгосрочной трехсотлетней логике развития борьбы в мировой системе. Дело в том, что Россия во всех мировых войнах всегда участвовала на стороне морской державы против сухопутной. Сталин только в 1939–1945 годах фактически участвовал на стороне Германии, т. е. сухопутной державы против морской, а потом логика заработала прежняя. То есть логика эта очень мощная.

С 1944 года, с открытия второго фронта, на мой взгляд, начинается совершенно другая война. Войну эту можно по-настоящему назвать глобальной, которая заканчивается в 1994 году выводом наших войск из Германии. Это уже не борьба за гегемонию внутри капиталистической системы. Это борьба двух планетарных проектов: какой будет вся планета. СССР в этой войне проиграл. Но проиграл, сначала капитулировав, потому что СССР сначала вышел из «холодной войны» (я думаю, это очень важное уточнение). В 1989 году на Мальте СССР выходит из «холодной войны», а потом проигрывает. То есть не произошло так: мы проиграли, а потом вышли из «холодной войны».

Наконец, о том, что происходит сейчас. Я не склонен к игре с терминами, но нужно как-то фиксировать принципиальное отличие этих войн. Ту войну, которая происходит сейчас, я бы и назвал всемирной или точечной, пуантилистской. Она идет по всему миру. Но она идет очень ограниченно, точечно. Дело в том, что в постиндустриальную эпоху, в отличие от эпох индустриальной и аграрной, чтобы контролировать мир, не надо контролировать всю

планету, не надо контролировать огромные пространства. Надо контролировать сети коммуникаций и точки информации и ресурсов. Этих точек 200–250 на весь мир. Достаточно контролировать Сингапур — и вы будете контролировать огромную часть Юго-Восточной Азии. То же самое с Индией. Достаточно контролировать 5-6 точек в Индии — все остальное придет само.

Мировая политика становится не всемирной шахматной игрой, как ее обозвал Бжезинский, а это всемирная *го*. Есть такая японская стратегическая игра *го*, где выкладываются черные и белые камушки. Не имеет значения, сколько у тебя камней. Кладешь один камень в важную точку — и выигрываешь всю игру. Та война, которая началась в Югославии, которая сейчас продолжается в Ираке, — это новая всемирная точечная война — война за точки ресурсов и информации.

Что впереди? Я думаю, что мы можем прогнозировать только на ближайшие 20 лет, потому что мир настолько меняется, что говорить о XXI–XXII веке не стоит. В XXII веке, может, никаких США и России и много другого не будет. Я склонен думать, что США, начиная войну в Ираке, вступили на тот путь, который их приведет к тому же, к чему привело вступление Британской империи, морской державы, в сухопутную войну в Европе. Другое дело, конечно, Британию подтолкнули в 1914 году, чтобы она начала сухопутные действия в Европе. На этом Британия закончилась. При том, что всякая аналогия поверхностна, но тем не менее мне нынешняя ситуация США очень напоминает ситуацию Римской империи между Трояном и Адрианом: растянулись на весь мир, а больше возможности защищать нет.

Я здесь согласен с Юрием Юрьевичем Болдыревым, который совершенно правильно говорит о том (да и многие об этом говорят),

что США решают не только внешнюю проблему, но и проблему внутреннюю. Действительно, США начинают превращаться в то, что называется в социологии «post western society» — постзападное общество. Австралия и Новая Зеландия уже превратились в постзападное общество. Но Австралия и Новая Зеландия — это мелочевка, при всем уважении к этим замечательным странам. Новая Зеландия вообще прекрасная страна, как показывает фильм «Властелин колец», который там снимали. Тем не менее, Австралия и Новая Зеландия — не США. Превращение США в постзападное общество, по-видимому, без крови не обойдется. В свое время я очень скептически отнесся к тому, что мне И. Валлерстайн сказал в 1990 году. Он сказал: «У нас будет в 2015–2025 годах своя перестройка, только в отличие от вашей она будет кровавая, на расовой основе». Я тогда внутренне над ним посмеялся, подумал, что это левое прошлое Валерстайна в нем говорит. Но сейчас становится совершенно понятно, что Валерстайн был прав.

Теперь два замечания по поводу надежд на русско-иранско-индийско-китайский блок против Запада. Я не только занимаюсь русской историей. 25 лет я сижу на информации по Востоку и 15 лет руковожу журналом востоковедения и африканизма за рубежом, китаеведения за рубежом. Как романтическая идея — это замечательно. Это идея барона Унгерна: собирать Тибет, Монголию, Китай — все здоровые силы — и гнилому Западу (и в лице коммунистов в том числе) врезать так, что мало не покажется. Это идея понятная. Она очень красивая. Но в основе этой красивой идеи лежит непонимание, во-первых, того, что такое Китай. Я не буду распространяться на эту тему. Всем рекомендую прочесть книгу Андрея Девятова «Красный дракон». Этот человек двадцать лет работал по Китаю.

Что касается Индии, то она настолько плотно интегрирована в западную капиталистическую систему, что весь ее интерес — чисто тактически использовать нас против исламского фактора, против Запада и т. д.

Очень аккуратно нужно пользоваться термином «цивилизация». С легкой руки Хантингтона, с его «Столкновения цивилизаций», заговорили об этом — о столкновениях цивилизаций. Но цивилизации не сталкиваются. Концепция Хантингтона скрывает очень важные вещи. Много пишут о столкновениях цивилизаций, но вы где-нибудь видели книги или исследования о мировом господствующем классе? Нет таких исследований. Ведь миром управляет не цивилизация, а некий мировой господствующий класс и транснациональный, и национальный, но гранты для исследований на эту тему не выделяются. Исследований по тому, как реально функционирует мир, практически нет. Политология и социология, которые нам показывают, как люди голосуют, как создаются политические системы, — они, на самом деле, скрывают эту проблематику. Об арабском мире мы, например, говорим: есть государство Тунис, есть государство Ирак, государство Иордания. Но не государство управляет арабским миром, а некий трансарабский институт, который называется «девония», который, на самом деле, реализует интересы неких кланов. Скажем, когда Абу Нидаля убили в Ираке — это проблема правящего клана Сирии и Саддама Хусейна. Это клановая политика, клановый и наднациональный уровень. Мы же фиксируем только национальный уровень. И в этом смысле сами себе морочим голову. Я думаю, что тактических союзников можно искать где угодно, не надо нам искать союзников ни в Иране, ни в Китае. Я думаю, что Китай и Запад — это как раз те два миллиарда, которые станут биться за то,

кто из них будет золотым. Причем в любом случае у России здесь есть свои интересы. Ей не надо быть ни на стороне Запада, ни на стороне Китая. Не надо искать долгосрочных союзников ни в Иране, ни в Китае. Думаю, Александр II (и повторивший эту фразу Александр III), был прав, что у России друзей нет, а есть только армия и флот. Еще надо бы добавить: поскольку XXI век — то спецслужбы. Армия, флот и спецслужбы. Больше друзей нет. Нужно исходить из этого.

Самое главное — не морочить себе голову по поводу цивилизаций. Западная цивилизация превращается в постзападное общество и в ценностном плане, и в демографическом. Через 25 лет будет совершенно другая ситуация. Кстати, она и в России такая. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Владлен Терентьевич Логинов, доктор исторических наук, профессор, руководитель проекта «Горбачев-Фонда».

В. Т. ЛОГИНОВ

Андрей Ильич Фурсов значительно облегчил мне задачу, так же как и выступление Ю. Ю. Болдырева. Мне кажется, что в самой формулировке «Третья империалистическая война» есть свои плюсы. Это дает возможность каких-то сравнений. Но более важным является другое. Это учет специфики. Не случайно, каждый раз, говоря о второй мировой войне, мы должны произнести кучу слов, чтобы понять, чем она отличается от первой.

Что же происходит? Маркс когда-то говорил, что современникам трудно понять происходящее у них на глазах по той

простой причине, что человек всегда, встречая нечто новое, пользуется старым инструментарием, пытается наложить имеющийся опыт человечества на явления, которые уже в принципе являются новыми, к которым не применимы старые понятия, категории, старые инструментари. Вот поэтому третья империалистическая война, мне кажется, немного уводит в сторону. А в чем суть дела? Когда в 1922 году Ленин пытался обобщить, что является самым главным в первой четверти XX века, он сказал, что самое главное — это выход на историческую арену стран и народов многомиллионных, многомиллиардных, которые находились где-то за пределами так называемого цивилизованного мира. Вот самое главное. Отсюда уже гигантское ускорение темпа исторических событий и т. д.

Если попытаться по началу XXI века сформулировать, что же является самым главным, то на XXI век, где-то и на XXII, хватит проблемы, которую искусственно называют проблемой «Север-Юг». Дело даже не в цивилизациях. Дело все-таки в очень серьезных социально-экономических проблемах. Недавно в октябре прошлого года «Новая газета» опубликовала сведения о распределении доходов от добычи нефти в нашей стране. Там очень знающие эксперты сказали, что сегодня государство в форме налога с прибыли получает 20 процентов всего гигантского дохода, который идет от нефти. Но тут же делается оговорка, что сегодня половина нефтедобычи вообще уходит от каналов налогообложения, и государство, таким, образом, получает только 10 процентов, т. е. меньше тех 13-ти, которыми так гордится наше начальство. Ясно совершенно, что не может быть стабильно общество, не может существовать порядок, при котором на долю многомиллионной страны остается 10 процентов, а на долю небольшой кучки

олигархов, которых мы знаем поименно, — 90 процентов прибыли. Это просто теоретически невозможно. Здесь ни национальные, ни цивилизационные, никакие другие категории уже не работают. Это в принципе не имеет право на существование как несправедливый порядок и не может существовать как некое стабильное устройство.

Точно то же самое происходит и с миром. Ведь проблема «Север-Юг» — это красиво, когда сводят к проблеме цивилизаций. Но на самом деле ведь существует не это. Мы знаем, сколько потребляют всемирного продукта США. Что остается на долю других. Конечно, страны Юга — это разные страны. Но все-таки их объединяет чудовищное выкачивание всех соков Земли, в пользу тех, кто называет себя «золотым миллиардом».

Проблема XXI века — это выяснение отношений между одним миллиардом и пятью, а теперь уже и шестью миллиардами. Имеет ли она какие-то аналоги? Да, Андрей Ильич правильно привел пример. Если вы сегодня читаете литературу о конце Римской империи, вы встретите массу аналогов, до смешного похожих каких-то ситуаций. Я где-то в конце 1980-х годов по просьбе руководства турецкой компартии поехал в Германию, от Гамбурга до самого юга, там выступал. Я увидел, что такое турецкое население в Германии. Это хорошо организованное, достаточно сплоченное население, с солидарными отношениями. Все, кто наблюдают мусульманский мир, заметили этот важный процесс, но он был не всегда. Еще лет 20–30 тому назад любой азербайджанец в Москве старался быть москвичом. Он старался ассимилироваться в эту среду. Любой индус в Лондоне старался стать лондонцем. Он не обособлялся. Сегодня, поскольку в эмиграцию пошел другой слой населения, менее культурный, менее грамотный, менее образованный и т. д., стали складываться анклав. Почитайте теперь, что происходило в

Древнем Риме. В центре живут патриции и плебеи, дальше живут вольноотпущенники, бывшие торговцы, а дальше — целые кварталы, как в Париже сегодня, заселены черными варварами, белыми варварами и т. д. Европа это сегодня начинает понимать. Когда руководители Франции и Германии смотрят на карту, они видят под Европой миллиард арабов. Миллиард арабов при самом современном оружии — это проблема, которую силой не решишь. Вы видите, когда Люпен выступал, какие он конкретные вещи говорил. Почему в Голландии это появляется? Эта проблема висит в воздухе. Это, повторяю, не проблема цивилизации. Голландии удалось в какой-то мере решить проблему с суринамцами, с индонезийцами и т. д.: они равноправные граждане, они входят в состав правительства. Во Франции, Германии и других странах это остается проблемой. И чем дальше, тем большей будет проблемой.

Какие выходы из этой ситуации? Римская империя попыталась противостоять силой. Сегодня это бессмысленно. Один миллиард, причем миллиард разобщенный, разделенный своими клановыми, кастовыми противоречиями, не может противостоять 5–6 миллиардам. Даже если вы поставите пулемет на ту дорогу, по которой идут варвары, все равно в промежутке между двумя пулями их пройдет 5–10 человек. Поэтому противостояние силой на платформе национализма, на платформе цивилизационной, бессмысленно. Латинскую Америку удастся держать в руках только благодаря ее расчлененности, хотя и идет мощная колонизация. 20 лет тому назад, когда я приезжал в Бостон в составе студенческой группы, было 6 американцев, англосаксов, один японец, один китаец и 3 латинос. Когда в последний раз я был в том же университете, то там в группе из 10 человек — 5 латиноамериканцев, 2 англосакса и остальные китайцы и японцы. Вот какой идет мощный процесс.

Изменить его силой невозможно.

40 процентов россиян поддерживают американцев в этой войне — вот что самое страшное. Степень деморализации. Может, это ложная цифра. Воронеж в этом смысле меня потрясает. Важно сегодня сеять то доброе, мудрое, вечное, которое поможет людям понять, что та конфронтация, что предлагает США на примере Палестины, Ирака, как и раньше вьетнамская конфронтация (сейчас почему-то забыли войну во Вьетнаме), — это тупик. Когда-то мы с Н. Н. Моисеевым пытались погадать, чем это может кончиться. Он говорил, что это может кончиться тем, чем кончилась революция неолита, когда погибло 90 процентов человечества, осталось только 10. Кто выжил? Вот что важно, интересно. Выжили не те воины с бицепсами, трицепсами, охотники за мамонтами, носорогами и т. д. Они первыми погибли. Остались презираемые всеми собиратели корешков, эти слабые, хилые люди, которые дали начало земледелию, скотоводству и т. д.

Кто сегодня в этой страшной ситуации более приспособлен к вызовам времени? Жители Нью-Йорка, Вашингтона или Чикаго, для которых трагедией является, если лифт не работает? Или житель Индии? Мы должны по-иному посмотреть на эпоху средневековья: это был гигантский отрыв. В чем была трагедия Рима? В том, что они со своей литературой, архитектурой, поэзией, драматургией — это уже конец цивилизации, а вот эти волосатые, вонючие варвары и есть будущее человечества. Вот о чем идет речь сегодня — о будущем человечества. «Иванов сказал», «Путин сказал» — об этом никто не вспомнит, как мы не можем вспомнить, кто был тот вождь германского племени, который вошел в Рим, просто разрушил этот никем не защищаемый город. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Одно маленькое замечание. Чтобы не тратить зря силы по поводу самого названия «Третья империалистическая». Я пытался объяснить, но это как-то прошло мимо. Те проблемы — третья мировая война, четвертая — у нас было заседание клуба. Мы подробнейшим образом эти проблемы рассмотрели. Когда мы с Игорем Михайловичем решали, как назвать сегодняшнее заседание, чтобы отличить и в той публикации, которая предстоит, мы сочли, что это название подходит, чтобы ориентировать внимание на то, что сейчас происходит. Никакого глубокого социологического смысла сюда не вкладывайте так, как и мы не вкладывали.

Слово имеет Вадим Михайлович Межуев.

В. М. МЕЖУЕВ

Прежде всего хочу сказать, что я не политолог, не историк. В качестве рядового политологически не обученного я присоединяюсь ко всем негативным оценкам американской агрессивной политики вообще и в современном конфликте, в частности. Вполне разделяю чувства многих людей, которые негодуют, возмущаются и т. д. Но, по чисто философской привычке, эта проблема интересна для меня не только своими возможными последствиями, но и в каком-то глобальном историческом и именно цивилизационном контексте. Я понимаю, что сегодня в мире управляют всякие субъекты: государственные, правовые, международные. Все-таки цивилизации имеют логику своего развития, существования. Они приходят, уходят, и с ними вообще что-то происходит часто вопреки всяким пожеланиям, желаниям и пр.

Начну с вопроса, который хочу задать всем присутствующим. Пусть каждый себе ответит на него, может тогда можно найти

отправную точку. Представьте себе, что с завтрашнего дня западная цивилизация исчезает с лица Земли. Уходит цивилизация, как очень многие цивилизации, погружаясь в историческое небытие, как ушла когда-то Византия. Если себе это представить: исчезает не просто какая-то страна, а цивилизация со всеми своими ценностями, нормами. Кто бы из вас согласился жить в том мире? Думаю, пяти дней не прожили бы. Если поехать по миру, вы бы поняли, что вы очень европейский человек и вся ваша культура, и образование, и ум воспитаны там. Это очень важно понять. Я думаю, что в какой-то степени то, что сегодня происходит — это ощущение закатной части истории западноевропейской, более широко западной истории. Я вижу проблему не в том, чтобы спасти Восток от Америки. Для меня не так эта проблема стоит, чтобы спасти Ирак или еще кого-то от американского владычества. Для меня проблема сегодня в том, чтобы спасти Запад от Америки.

Я эту проблему понимаю так. Когда Германия начала вторую мировую войну (она начала две войны), ее поражение не означало крушение Запада. Страна проиграла, пережила фашизм и т. д. Но поражение любой другой европейской страны (ну, уйдет в никуда Франция, Англия, Испания) не будет означать сегодня конца Запада. А поражение Америки — будет означать. Поэтому проблему спасти Запад от Америки я бы поставил так: спасти Америку от Америки.

Почему я считаю, что то, что переживает Запад — это какая-то его заключительная стадия, завершающая стадия? Это было предсказано. Это видно на примере многих цивилизаций. Та же римская цивилизация (а история Европы, история Запада — это, конечно, продолжение истории Рима). Рим, кстати, погиб не от варваров. Нашествие варваров было следствием. Рим погиб от язычества, на мой взгляд, от собственного варварства. Рим победило

христианство, а не варвары. В какой-то степени именно они смогли транслировать ценности Римской империи дальше.

Я не буду описывать политику Америки. Я абсолютно согласен с теми оценками, которые здесь давали. Мне важно понять, что же это такое. Я понимаю, что республиканская партия, какая-то группа людей добралась к власти, определяет сегодня политику, не считаясь с мировым общественным мнением. В действительности это следствие каких-то более глубоких проблем, процессов, которые происходят в составе западноевропейской, западноамериканской цивилизации. Идет какое-то новое варварство. В философской, социологической литературе об этом много писалось, начиная с XIX века. Предсказывали конец, предсказывали победу какой-то мертвой, бездушной, обезличенной цивилизации, очень империалистической (я с этим термином даже соглашусь), очень воинственной, очень brutальной в основе своей. Как ни странно, могущество механическое, могущество техническое есть показатель слабости, а не силы. Слабости духовной, слабости ценностной. Когда накачиваются огромные мускулы — истощаются мозги. Это показатель слабости цивилизации. Она может закидать бомбами полмира, но это совсем не свидетельство того, что она сильна. Повышенная воинственность (как у Германии) никогда не была признаком подлинной цивилизационной устойчивости и выживаемости. Как правило, нет.

Какова здесь должна быть стратегия поведения? Мне кажется, эта политика у нас проводится разумно. Как выстраивать отношения? Я не вижу сегодня возможности противостоять американскому натиску чисто военными и экономическими средствами. Я даже не буду говорить о том, что военная мощь Америки — это прямое следствие ее экономической мощности. А

экономическая мощь построена на определенных принципах экономического хозяйствования, которые, на мой взгляд, сами изживают себя. В конечном счете, стало ясно, что тут нет ничего, кроме роста силы. Не роста благосостояния народа, свободного развития, роста культуры — этот экономический рост не приводит к этому. Он приводит к наращиванию огромной военной мощи, которая сама по себе еще не является свидетельством духовного, нравственного или исторического здоровья.

Что же противопоставить? В ситуации всеобщей опасности надо вооружаться. Хотя, спрашивается, откуда взять деньги на вооружение? Не знаю. Может быть, для этого надо что-то сэкономить, чтобы деньги нашлись, но это не главный выход. Ответить силой на силу, наверное, можно. Но я не вижу в этом решения исторической проблемы. Надо найти альтернативу идейную, моральную, духовную и привлекательную не только для русских, но и для любого европейца, потому что мы видим, кто прогибается перед Америкой. Перед Америкой прогибаются, прежде всего, правительства, но не народы, не большая часть европейских людей. Найти для них привлекательную программу. Я повторяю, Рим победило христианство. Он от язычества погиб.

Найти альтернативу! И я думаю, что сегодня выиграет тот в глобальном мире, кто возьмет для себя защиту традиционных ценностей европейской западной цивилизации. Прежде всего, ценностей правовых, от которых отказываются, где много силы, и ценностей моральных. Это прежде всего. Тот, кто может предложить такую защиту, тот и выживет. Тот, кто пойдет по пути ответа на силу силой, — я не очень уверен, что сможет противостоять. Победить сегодня можно внутри этого мира, а не извне его. Найти ему другую альтернативу в *этом* мире.

Самой роковой для нас была ошибка, когда мы отказались от социалистической альтернативы. Вот тут начался проигрыш. Ее, эту альтернативу, надо было переосмыслить, каким-то образом осовременить, если хотите. Сегодня мы проигрываем не потому, что у нас нет армии, равной американской. У нас нет *другой идеи*. Идеи, которая была бы столь же привлекательна не для африканца, может быть, а для того европейского мира, который, конечно, нам надо сохранить. Может быть, Россия вкупе с какими-то другими странами, народами Европы и должна взять на себя миссию защиты западной цивилизации от того, что ее сегодня умертвляют и убивают. Вот моя точка зрения. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Вадим Леонидович Цымбурский.

В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ

Я могу применительно к нынешней ситуации резюмировать содержание целой серии моих статей, написанных с 1996 по 2000 годы и, по-моему, достаточно характеризующих ситуацию, к которой мы сегодня пришли.

Во-первых, я исхожу из того, что сегодняшняя империалистическая ситуация, как она есть, это результат развития европейской конфликтной системы на протяжении как минимум 600 последних лет. Причем это развитие я вижу несколько не так, как предложил это Андрей Ильич. Я исхожу в данном случае из того, что так называемая Западная Европа в отличие от других цивилизаций (исламских стран Ближнего Востока или Китая) в силу благоприятных географических обстоятельств (окаймленная с трех сторон морями, а с четвертой, отделенная от глубины материка

поясом народов, не принадлежащих к этой Европе) имела возможность развиваться сообразно с собственными ритмами длительное время не подверженная внешним вторжениям. Как результат — оформилась фундаментальная биполярность континентальной Европы, которая могла эволюционировать на собственной основе, приобретая все новые и новые воплощения.

Первое воплощение биполярности Европы — это где-то с XIV по XVII век. Это противостояние Франции и Священной Римской империи. Интересно, что в это противостояние не входят морские народы: Венеция, Португалия, Голландия, народы, распространяющие европейскую цивилизацию за пределами континента. Тридцатилетняя война показала, что ни одна из этих сил не может добиться господства в Европе.

На следующем этапе французы возвращают альтернативу Священной Римской империи — Австрию, Пруссию. В свою очередь, Австрия привлекает в эту игру Россию. Далее в игру как общий балансер вписывается Англия, формирующая коалицию противостоящих сил и переходящая из одной коалиции в другую.

После игр XVIII века в XIX-ом система переходит в новое состояние. Австрия рушится. Франция показывает свою недееспособность. Формируется биполярная англо-германская Европа, и Россия как претендент в борьбе за австрийское наследство, конкурирующая с Германией, естественно становится сподвижницей и союзницей Англии в этом раскладе. Обратите внимание, что происходит. Впервые позиции склеиваются в лице Англии — одного из силовых центров Европы, и внешней морской силы.

Следующий тур игр состоялся в XX веке: в битвах мировых войн рушится Германия, показывает свою недееспособность Англия,

и в борьбу втягивается великая морская держава, до того времени занимавшая чисто изоляционистскую позицию, строившая свои владения за пределами Европы, — втягивается США.

Итак. Первое противостояние — внутри старой Европы Карла Великого. Второе противостояние — противостояние держав, сформировавшихся на периферии Европы, вне Европы Карла Великого: Англия и Германия. И, наконец, третий тур. Что он принес? Чем была так называемая ялтинская система? Ялтинскую систему можно было бы оценить как противостояние сил, существовавших вообще вне Европы. На самом деле все это было совсем не так. На самом деле вся Европа — классическая романо-германская Европа, кроме крохотного германского кусочка, — была собрана под американским зонтиком, а на долю России остались маргинальные, периферийные народы Европы, не входящие в ее ядро.

Таким образом, европейская биполярная система в ее развитии пришла к новой форме биполярности: West and the Rest. Впервые сложилось противостояние Запад и остальное. Я вообще рассматриваю перерастание Европы, европейской системы в глобальную не как следствие великой колониальной политики, а, прежде всего, как результат разрастания милитаристской биполярности с постепенным вовлечением в нее народов, лежащих вне, по ту сторону Европы, пока не сложилась в действительности, система West and the Rest. Вот что мы получили.

Но любопытно вот что: для мира это была биполярность, а для самой Европы — квазиуниполярная система. Почему? Потому, что система НАТО стала формой подминания Германии, Франции, потенциальных сил Западной Европы, способных бросить вызов американской гегемонии. Это был способ держать Россию вне

Европы, и, в то же время, держать европейцев под ногами США. Одних держать out, других — down. И вдруг Советский Союз как представитель другого — the Rest — рушится. Он перестает играть роль the Rest в мировом раскладе.

Что будет дальше с этой квазиуниполярной Европой? Единственная форма поддержания ее в консолидированном состоянии, а дать ей распасться лидеры ее ни в коем случае не позволят (они слишком помнят, чем это было чревато в прежние века), единственный способ — это конструировать искусственный в данном случае образ врага за пределами Запада, формировать систему, как некий Кеплеров эллипс, где один из фокусов пустой. Конструировать этот образ врага за пределами Запада и держать Запад на этой основе консолидированным и связанным.

Так кто же будет врагом? Пока врага нет. Мы оказываемся в мире, который Хантингтон назвал *unipolar world*, который на русский язык перевели как полуторополярный. Нет единого противостоителя, но есть масса локальных региональных противостоителей, которые могут в пределах своих регионов причинить определенный ущерб мировому гегемону. Значит, задача состоит в том, чтобы, постоянно перемещая этот *квази*, этот луч внимания, каждую минуту формировать в лице какого-то из этих силовых центров на периферии образ врага и использовать консолидированные силы Запада на сокрушение этих центров, держа Запад мобилизованным и сплоченным и постепенно строя и расширяя свою империю.

Как же идет это расширение? На какие структуры оно опирается? Одна структура прозрачна — это приморская кайма. Это государства, лежащие у приморской каймы Евразии, то, что называется Римленд в классической геополитике. Значит, задача

состоит в том, чтобы подавить деловые центры, лежащие в Римленде, и установить над ним полный контроль, заперши эти деловые центры в глубине континента.

Есть и вторая структура. Это структура отнюдь не тот Хатленд, о котором говорит классическая геополитика, отнюдь не та пресловутая глубинка. После распада СССР и сворачивания России Хатленда нет. Он распался. Остался массив острова Россия, запертый на севере. Образовалась совершенно новая структура. Образовался пояс народов, которые лежат между деловыми центрами и не принадлежат по-настоящему ни к одной из больших цивилизаций, связанных с этими силовыми центрами. Это то, что называют *Великий Лимитроф* — пояс междцивилизационных народов, включающих Прибалтику, Восточную Европу, Крым, Кавказ, Центральную Азию (эту новую Центральную Азию). Продолжением Великого Лимитрофа оказывается старая Центральная Азия — Тибето-Монгольская, проходящая по северу Китая, и на океанском выходе Великого Лимитрофа лежит Корея.

Мы видим, что США действуют весьма изощренно и разумно. Они действуют не так глупо, как советовал Бжезинский. Идея Бжезинского была проста: поднимать и будоражить все народы Римленда, заставляя их разворачивать и строить свои империи вглубь, отрывать куски от советского наследия, чтобы Америка выступала как гарант этого наступления. На самом деле американцы действуют совсем иначе. Сначала могло казаться фантастической глупостью то, что они стали формировать свои базы в новой Центральной Азии. Тем самым они ставят под свой контроль Индию со стороны Кашмира, они ставят под свой контроль Китай со стороны Синьцзяна, они ставят под свой контроль Иран со стороны его тюркских провинций. Это полное крушение планов

Бжезинского. Это вызывает глубочайшее беспокойство и недоверие у всех народов Римленда: силовые центры Римленда оказываются сдавленными с двух сторон со стороны моря и со стороны Великого Лимитрофа. Все строительство в Восточной Европе, перекидывающееся на Кавказ, на Грузию и Азербайджан, бросок в новую Центральную Азию, — превращают Великий Лимитроф в целостную систему, завязанную на евроатлантические структуры и развернутую против всех силовых центров, принадлежащих другим цивилизациям. Вот о чем, собственно, идет речь: Великий Лимитроф как сила, развернутая против других цивилизаций, против соседних цивилизаций. Межцивилизационный пояс как сила, завязанная на Евроатлантику и работающая на нее против цивилизационных центров и вместе с ними — силовых. Евразия.

Вот об этом сейчас идет речь. Что нас ждет дальше? Если мы будем рассматривать нынешнюю войну: наступление на Ирак — это, несомненно, наступление, идущее в Римленде. Это продолжение операции в Югославии. Балканы консолидированы полностью. Наступление на Ирак создает, действительно, в Римленде — в случае успешного окончания — сильнейшую американскую базу. Что дальше? Будут ли они *работать* с Сирией или с Саудовской Аравией? Если они пойдут на эти страны, они обеспечат себе мощную гегемонию в западной части Римленда. Но этого мало. Возникает проблема, пойдут ли они на Иран? Вот здесь самый интересный вопрос. Если бы им удалось дестабилизировать Иран, если бы им удалось создать иранское пространство под своим контролем — это бы означало прямое связующее звено между Римлендом и уже контролируемыми областями Великого Лимитрофа, т. е. они обеспечили бы себе прямую стыковку своей морской гегемонии с базами в Центральной Азии. Вот это

великолепный заход!

Далее. Развернутая сейчас война показала очень важную вещь: Европа, наконец, начала что-то такое *вякать*. Тут же обнаружилось, что против старой ядровой Европы, романо-германской, континентальной, пытающейся что-то *вякать*, поднимается так называемая новая Европа. Что такое новая Европа? Это клиентура, сформированная в восточно-европейской части Великого Лимитрофа. Тем самым классическая ядровая Европа оказывается просто зажата со стороны Лимитрофа. Развивающиеся сейчас проекты вывода американского командования из Германии и перевода его в Польшу с постановкой под контроль с одной стороны той же Германии, а с другой — нависание над Белоруссией — это развитие того же самого проекта. Великий Лимитроф как сила, работающая на Евроатлантику — вот о чем сейчас по-настоящему идет речь.

Когда говорят сейчас о Корее... Это очень любопытное место. Корея — это место, где встречаются, прежде всего, Россия и Китай. Стало быть, если нападать сейчас формально, никто не даст Ким Чен Иру создавать ядерное оружие, прежде всего китайцы не дадут. Они не позволят, чтобы у них возникла такая клиентела. Но американцам здесь высаживаться — это вызывать сразу ярость со стороны китайцев. Стало быть, просто так бить Северную Корею пока они не приступают к китайскому проекту, совершенно абсурдно. За Северную Корею возьмутся только тогда, когда возникнет задача дестабилизации всей китайской части Великого Лимитрофа, всей части, контролируемой им. То есть, в конечном счете, вторжение в Корею мыслимо в связи с постановкой под американский патронаж Монголии, с дестабилизацией Синьцзяна, соединением Монголии и Синьцзяна в единый пояс, с дестабилизацией Тибета и с установкой

большого связующего пояса между японскими базами и южнокорейскими и базами, находящимися в новой Центральной Азии, — узбекскими, киргизскими и т. д. Вот, собственно говоря, момент, когда возьмутся за Корею, когда решат, что уже пора ломать Китай.

Здесь говорилось насчет невозможности цивилизационного союза России, Китая и Ирана (Индию я пока держу в стороне). Да, стратегический союз невозможен. Это слишком разные цивилизации. Подобный союз был бы геокультурно холодным союзом. Но возможен тактический союз сил, выходящих на Великий Лимитроф и стремящихся, чтобы он остался, в конечном счете, поясом, разделяющим и связующим соседствующие с ним центры силы, и перестал быть действительно агентурным пространством, работающим против них. Вот на это действительно могло бы опираться сотрудничество России, Китая и Ирана — на определенный проект Великого Лимитрофа. Я не исключаю, что в какой-то момент на этой основе у нас могла бы возникнуть солидарность и с Европой, даже старой ядровой Европой (конечно, не Европой брюссельской, а Европой парижско-берлинской). Вот с этой Европой у нас могла бы возникнуть солидарность именно на основе нашего общего выхода на Великий Лимитроф и на нашей заинтересованности в благоприятном для обеих сторон порядке в Великом Лимитрофе. Сейчас нам надо учитывать именно эти две структуры новой империи: Римленд и Великий Лимитроф. Исходя из политики на этих пространствах, прогнозировать свое будущее. На самом деле, если поглядеть по Шпенглеру, у нас ведь внутриимперский порядок — античный. Я как-то посчитал: мы примерно соответствуем, по Шпенглеру, 200 году до н. э. То есть можно сколько угодно говорить, что империи хрупкие, слабые,

вялые, но если исходить из шпенглеровского прогноза, этой твари еще 600 лет простоять. Будем повторять, что она хрупкая, вялая и т. д., когда этой животине еще 600 лет. Да она на наших костях спляшет! Вопрос в том, удастся ли найти союзников, которые были бы заинтересованы в другом порядке для Лимитрофа. Нам нужны были бы союзники в Римленде для обеспечения благоприятного порядка на Лимитрофе. Именно так.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Валентин Иванович Толстых.

В. И. ТОЛСТЫХ

Когда я узнал, какая тема будет поставлена на Клубе, честно говоря, я задумался о том, что мы, собственно, будем обсуждать. То, что война идет, думаю, что она идет не в связи с вторжением американцев в Ирак, а гораздо раньше все началось, даже раньше, чем американцы начали бомбить Косово и Югославию. Что здесь обсуждать? Она действительно идет. Мы можем ее как угодно называть: империалистической — в каком-то смысле она действительно империалистическая, можно назвать ее всемирноточечной, мировой, можно назвать ее глобальной. Много названий можно придумать. А в чем смысл самой проблемы? Что мы будем обсуждать?

Совершенно ясно, что сейчас ситуация в мире создалась предельно кризисная. Такого всплеска протестных движений давно уже не было в мире, они объединили, не сговариваясь, разные континенты, страны, цивилизации. Значит, все почувствовали, что происходит нечто важное, существенное.

Что происходит? Ответ (здесь все по-разному говорили) тоже

на поверхности: американцы, США фактически открыто заявили теперь, прикрываясь информационными оговорками и объяснениями, признались в своих амбициях на всевластие, на гегемонию в мире. Фактически явочным порядком проводят ту самую давно уже приватизированную Западом идею глобализации, о которой много написано, создана огромная литература из тысяч названий по глобалистике, но в которой, как мне кажется, не уловлена какая-то важная ловушка, которая в ней содержится.

Что получилось в глобалистике? Я немного занимался этим. Я не политолог, не философ-геополитик, а просто человек, который, помимо всего прочего, интересуется и такими проблемами с социально-философской точки зрения. Я обратил внимание на ловушку, которую подсунули нам под термином глобализации, который чем дальше, тем все более становится расплывчатым, туманным и, я бы сказал, бессодержательным. Но даже в этом бессодержательном и туманном виде все-таки чувствуется какая-то плоть, какая-то вещественность. Она выражается в том, что эту идею взяли на вооружение те, кто назывались «семеркой», — кланы, которые обслуживают «золотой миллиард». И явочным, как я уже сказал, порядком пытаются это реализовать. Америка действительно стала сегодня сверхдержавой, ощущает всю свою мощь, экономическую, военную, а значит, и как будто бы и другую. Я абсолютно убежден, что Саддам Хусейн, диктаторский режим, нашли или не нашли оружие массового уничтожения — не важны. Но была нужна война, она была как бы запланирована. Она нужна для того, чтобы оживить американскую экономику, путем милитаризации экономики как-то вырваться из ситуации кризиса. Это все на поверхности. Но главная задача — продемонстрировать, между прочим, не только миру, но и себе, но и нации, которая после 11

сентября все-таки, при всей несамокритичности американского общества... Я не имею в виду верхние слои, где есть интеллектуалы, которые способны самокритично посмотреть на свою страну, а именно американское общество абсолютно несамокритичное. Более несамокритичного общества не существовало вообще, настолько они самодовольны. Я был в Америке много раз и был поражен именно этим. Это страна, это общество, где искренне, без какой-либо идеологической подготовки, хотя она и велась разными способами, люди абсолютно убеждены, что все, что по-американски или американское лучше, — превыше и т. д. всего и всех. Это, кстати, самая большая «ахиллесова пята» и слабость этой страны, имея в виду ее претензии на гегемонию, потому что она настолько безразлична, настолько не интересуется другими укладами жизни, образами жизни, ценностными системами, что, встретившись лицом к лицу с тем же Ираком, Ираном или (далее берите любое), — они обескуражены. Даже при той скудости информации, которая дается, ты видишь, что они ошеломлены не только тем, что блицкриг не удался, а морально. Короче говоря, это не тот лидер и претендент на монополию, который в любых условиях морально, ценностно и идеологически подготовлен реализовать эту роль в жизни. Поэтому это не такой уж сильный противник. Я бы сказал, даже не самый сильный.

Но ситуация, которая сейчас создана в мире, особенно в связи с крахом коммунизма и коммунистического проекта и исчезновением СССР, конечно, очевидна. Вспоминаю интересную беседу. Шесть лет назад я был в Омане, в Иордании. Арабское, мусульманское, но светское государство, подчеркнуто светское. На конференции, где стоял вопрос о глобализации, присутствовал весь истеблишмент — страна небольшая и город небольшой. В огромном

зале вся профессура, военные, генералы, королевская семья. Принцесса Нури вела это заседание от имени короля. Все это было настолько высоко... Шла речь о глобализации. Там впервые я и все, кто там был, были потрясены абсолютно единодушным, открытым (это был 1997 год) противостоянием самой идее глобализации. Я даже помню, как профессор Барханов заявил, что это чисто западная идея, уловка, которая придумана для того, чтобы заново колонизировать весь мир. Под бурные аплодисменты каждый последующий оратор повторял эту мысль по-своему. Там это все понимают, все это осознают. В беседах с нами, они прямо говорили: как было хорошо, когда был двухполюсный мир, вот если вы были бы сейчас! Не идите вы в эту Америку. У нас больше денег. Денег мы вам дадим, что вы у них побираетесь? Встаньте во главе нас! Так прямо и говорили.

Сейчас ситуация сложилась таким образом, что этому так называемому агрессору или лидеру свободного мира, который взял на себя такую роль, противостоять фактически некому. Но один сигнал (об этом никто не говорил, а для меня он очень важный) уже прозвучал. Я думаю, что американцы, и не только американцы, даже наши интеллектуалы, проамерикански настроенные (а их достаточно много, и они все известны), не ожидали, что в мире возникнет то, что раньше можно было бы назвать всемирным движением за мир. Сейчас ситуация такая, что, если бы нашлась влиятельная организация, какой-то лидер, и он бы в новых условиях провозгласил во имя спасения мира создать всемирное движение и т. д., я вас уверяю, это движение быстро бы набрало силу.

Я, честно говоря, сначала, не разобравшись, к антиглобалистам относился резко отрицательно. Когда я немножко вник в эту проблему, кое-что почитал, то узнал: они провозгласили

тезис, что *мир может быть иным*. Посмотрите, как корректно политически, мировоззренчески, цивилизационно сформулирован главный тезис: мир может быть иным. Нет никакой декларации, какой-то особой идеи. Это движение, говорят, имеет свое какое-то интеллектуальное обеспечение, и вот-вот появятся манифесты, серьезные разработки. А у нас «Макдональдс», «Мерседесы» и мордобой. Это новая форма, и она набирает силу. Она связана с антиглобализмом не так уж напрямую, потому что дело не в глобализме, а в том мире, миропорядке, который существует и проявляет себя таким образом, последним эпизодом которого является война в Ираке.

В этом положении, конечно же, России, с моей точки зрения, не надо идти ни на какую прямую конфронтацию с Америкой, и не потому, что мы слабые. Когда имеешь боеголовки — это все-таки кое-что значит. Это действует. Но не по этой причине. Здесь тема, которая абсолютно не разработана и не учитывается нашими теоретиками, а политиками тем более. Соотношение между политикой и экономикой давно изменилось. Весь XX век — это век, который был веком политики, несмотря на экономические прорывные идеи и несмотря на научно-техническую революцию. Он был веком политики. Мировые войны — первая, вторая, третья («холодная») — имеют чисто политическую заправку. Поэтому, когда я слышу выступления: там нефть — да, и нефть. Говорят, что там хотят кого-то вздрючить, имея в виду Саддама Хусейна. Да, и это. Насадить демократию. Да, и это. Но это не имеет значения. Это чистая политика. А в политике, независимо от того, насколько ты экономически силен или слаб (так уж устроен этот мир), Россия может занимать гораздо более самостоятельную позицию. В экономике надо лавировать. Ей надо встраиваться, надо подкупать,

даже прохиндейничать, но в политике она должна говорить так, как будто за спиной у нее не 40 миллиардов бюджета, а гораздо больше. Что вы думаете? Будут слушать. Почему? Потому что в мире давно уже, и не только в мусульманском, а как выясняется и в других, есть потребность в субъекте, в политике, есть потребность в политической силе, которая могла бы заявить себя как защитница таких-то и таких-то ценностей, в том числе тех, о которых говорил правильно Вадим Михайлович. Потому что надо спасать именно мир западных ценностей. Там и российские — не надо их разрывать. Надо спасать от этого нового варвара.

Вот так бы я поставил проблему войны, чтобы не сводить ее к одному обличительству. Сейчас в России ситуация такая: абсолютно все знают, что произошло, кто виноват, кого судить, расстреливать и т. д. Все всё знают. Вы не найдете человека, который бы не понимал. Сегодня не знают только одного: что делать? Этого никто не знает. Не знают СПС, «Яблоко», КПРФ, новые центристы. Никто не знает. Делают вид, что знают. Вот над этим интеллектуалы и должны размышлять, думать, что возможно в этих условиях. Я попытался протолкнуть эту идею. Ее одобрил когда-то Н. Н. Моисеев. Это было в Фонде в 1993 году. Почему говорят о глобальном кризисе? Парадигмальный кризис. Кризис всех цивилизационных устройств и кризис техногенный — больше западный, чем даже традиционалистский, как бы отсталый. Само деление на отсталые, развитые, передовые, прогрессивные народы сегодня потеряло смысл. Когда задавали вопрос: захотите ли вы жить в Нью-Йорке с лифтом и т. д. — я, проживший долго в Баку с азербайджанцами, армянами, хохлами, а потом в Одессе с евреями, должен вам сказать, что там мне было жить гораздо лучше и интереснее. Это очень интересные этносы и нации. Вот на это многообразие покушается

сегодняшняя Америка. И надо ей дать по рукам. По рукам дать — это не значит призывать к боеголовкам, к ракетам. Но надо быть хорошо вооруженным.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Игорь Михайлович Ильинский.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Я попробую поразмышлять по поводу вопросов, которые здесь были подняты предыдущими выступающими. Два главных раздела: что впереди и что делать.

Рядом со мной сейчас сидел мой зять. Он работает во Франции, живет за границей, в американской крупной транснациональной корпорации. Бесконечно колесит по миру из страны в страну в течение недели. Он умный, образованный человек. Он слушал, о чем мы говорим, и сказал то же самое, что я не раз от него слышал. Сказал, что мы вроде бы все правильно говорим, но а с кем жить-то? Если не с Америкой, то значит со всем остальным миром, который на два-три порядка хуже. Кто должен править миром? Вот эти, которые ничего у себя не могут, или Америка? Пусть лучше тогда Америка. Мы много с ним на эту тему спорим. Надо сказать, что это весьма распространенная точка зрения, среди молодежи особенно.

Вчера здесь перед студентами и преподавателями выступал посол Германии в России. Его спросили: как Вы смотрите, не является ли война в Ираке прологом третьей мировой войны, установлением нового мирового порядка. Как всякий дипломат — а он опытный дипломат, был 5 лет послом Германии в НАТО, послом в Великобритании, советником в США и т. д. — он ушел от прямого

ответа, спрятавшись за то, что вопрос очень сложный. Но, в принципе, надо было понимать — да.

Если посмотреть, что будет впереди — впереди, видимо, будет то, что сейчас происходит. На ближайшее какое-то будущее. Америка будет править миром. Мир будет пищать, но прогибаться.

Второе. Мир будет сопротивляться. Когда насилие в более грубой форме коснется других стран, в частности России, то ответом на этот общий террор (можно говорить «агрессор» в категориях войны, а можно говорить «террорист», страна, которая терроризирует мир), будет мировой терроризм, а в принципе партизанская война. Потому прямой возможности противостоять отдельно взятому государству этой могучей стране сегодня не имеет никто. Тогда будут одиночные личности, организации. Совсем не обязательно исламские. Будут русские, белорусские, украинские и т. д. Это если смотреть на будущее на каком-то довольно продолжительном отрезке времени.

Третье, что будет происходить, — это гонка вооружения. Сколько бы мы ни говорили, но первая мысль, которая возникает: если завтра на нас нападут, то надо как-то накачивать мускулы. Из последних сил (могут, не могут, кто больше, кто меньше), но страны будут вооружаться. Люди, общества будут давить на свои правительства, свою власть в сторону усиления вооружения.

Четвертое. На самом деле, мне кажется, что Запад, Западная Европа будут все больше противостоять Америке. Я недавно был в Париже. Западное телевидение беспрестанно, круглосуточно показывает войну в Ираке. Круглосуточно. Австралия, Германия, Великобритания, Италия, Испания — все страны показывают, что происходит в Багдаде, Бейруте, Каире. Сидят какие-то эксперты, все время толкуют, оценивают, комментируют и т. д. Звоню в Москву,

спрашиваю: расскажите. А мне говорят: у нас все спокойно, нормально. Россия спит, дремлет. Кое-что сообщают.

Я хочу перейти к вопросу, что делать с точки зрения не каких-то заоблачных идей, не стратегии (хотя это вопросы и стратегические и тактические одновременно). На самом деле нарождается движение, по-старому — за мир, массовое движение. То, что я видел на экране: там сотысячная демонстрация. В Москве мы такого не видели со времен Первомайских и Ноябрьских демонстраций. Бесконечное море голов, плакаты один к одному! В том числе и в Америке. Другой вопрос, как это сегодня должно называться и кто это организует.

Около 10 лет назад ЮНЕСКО выдвинуло идею «культуры мира». Вы находитесь на территории «культуры мира», единственной на планете. Мы провозгласили территорию Академии «территорией культуры мира». Декларацию об этом подписали Фредерико Майор, бывший Генеральный директор ЮНЕСКО, и Ю. М. Лужков. У нас действует единственный в России Институт ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократии». Я директор этого института. Хочу сказать, что тяга к миру и неприятие войны очень укоренились в сознании молодежи. Молодежь — другая. Мы здесь с вами в основном мыслили категориями войны. Даже рассуждая о мире, мы говорили, как ему *победить*. Терминология, философия вся: думаем о мире, а говорим о войне. Это как тот завод, где какие бы запчасти ни вынесли, все равно получался автомат Калашникова. О чем бы ни говорили, а говорим о войне. Мы просто не знаем, как рассуждать о мире. Не умеем.

Мы только что провели опрос студентов 5 вузов по поводу отношения к войне в Ираке. 625 респондентов. Это МГУ, Государственный университет управления, наша Академия, еще два

вуза. От 91 до 94 процентов — против войны в Ираке. Можно много цифр приводить. Это социология, статистика. У меня есть маленький документ, факт из жизни. Вчера у меня в приемной сидят две девочки-студентки. Говорят: мы хотим организовать акцию протеста против войны. Примерно полторы странички текста, план проведения акции «Молодежь против насилия и войны в Ираке». Они написали стихи. Просят: помогите нам организовать — место, время. Это из разряда: что делать. Надо бы нам (конечно, это требует времени, денег, людей) объединять такие силы.

Вот эта книга — еще один пункт из разряда «что делать». «Образовательная революция», которую я вам сейчас подарил. Это мой ответ на вопрос — что делать. Идея старая: поворот мозгов нужен. Другое содержание в сознании должно быть. Потому что мы транслируем из поколения в поколение нашу военную лексику, наш образ мышления по поводу того, как нам преобразовывать этот мир. Эта книга находит отклик в душе молодежи. Появились первые рецензии, но самую трогательную рецензию мне принесли вчера. Вышла в «Студенческом меридиане». Не заказная, аспирантка написала. Она таким языком написала по поводу этой толстенной книги, что я умилился. Хочу ее найти, поблагодарить. Она пишет: «Это не утопия, за это надо бороться, это должно произойти».

Второй путь — это преобразование нашего образования. Не позволить сделать с ним то, что уже сделано в той же Америке, а результатом являются буши, клинтоны и солдаты, которые сегодня стреляют в Ираке. Это плод образования. Надо использовать Интернет. Интернет, позволяющий разговаривать со всем миром из любой точки мира, дает возможность затеять какой-то диалог на тему, как жить. Я говорю о маленьких делах.

Я не отношусь к идее второго полюса как к утопии. Мы можем

с вами путешествовать во времени, из тысячелетия в тысячелетие, находить аналоги и прочее. Но всякие сравнения хромают, и исторические тоже. Нынешний мир ведь в самом деле другой. Вы правильно говорите: «Дай Бог, на 20 лет смотреть вперед». И китайцы другие, и индийцы другие. Поколения другие. Просто жизнь другая, которая заставляет по-другому мыслить, а если даже еще и не мыслят, то должны мыслить по-другому. К этому надо побуждать. Менять надо сознание людей и уровень понимания. Возможное живет в невозможности. Мне говорят — невозможно, а я говорю — возможно. Политика есть искусство невозможного. Я с некоторых пор к утопиям отношусь благожелательно. Нам не хватает утопий. В данный момент нам бы — хорошую утопию, которая вдохновила бы людей, объединила и повела вперед на какой-то отрезок времени.

И, как ни парадоксально, я закончу разговор из разряда «что делать» утверждением — иметь сильную армию. Сколько бы я ни рассуждал о движении за мир, конечно, если говорить о России, мы должны делать все, чтобы у власти, во главе государства находились люди, которые понимали, что вот эта наемная армия, профессиональная, несколько тысяч человек, вооруженных оружием, — это чушь на самом деле. Должен жить дух патриотизма в сознании населения. Дух патриотизма должен опираться (иначе и быть не может) на понимание того, что у нас есть то, что нужно для защиты Отечества и нашего благополучия. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Борис Федорович Славин.

Б. Ф. СЛАВИН

Я буду говорить в русле «автомата Калашникова». Потому что считаю, что хотя мир и меняется и вступает в новую информационную эпоху, имеется Интернет, к сожалению, законы существующего мира на сегодняшний день — это законы соотношения сил в мире. Был такой известный философ Клаузевиц, которого неоднократно цитировал Ленин и неоднократно цитировали все президенты США. Он говорил, что война есть продолжение политики иными насильственными средствами. В то время как мы фактически отказались от этой формулы, США ее прекрасно использовали. Нынешняя война тому прямое доказательство.

Что происходит в мире? Здесь сидит один из авторов любопытной книги, которая, к сожалению, не получила резонанса у нас в общественном мнении. Называется она «Глобальный человек». Там был сделан прогноз о будущем нашего общества. Этот прогноз, мне кажется, полностью подтверждается сегодняшними социальными процессами. В будущем обществе будет моноцентрическая система во главе с самой крупной страной, обладающей мощью — технологической, военной, интеллектуальной. И будет периферия, которая будет работать на эту центральную державу. Параллельно, примерно в это же время, Бжезинский написал свою великую «Шахматную доску», книгу, которая более или менее известна у нас в отличие от «Глобального человека». Надо вам сказать, что Бжезинский пришел с противоположных позиций примерно к такому же выводу. Суть его размышлений достаточно проста. В истории человечества было много империй, они рухнули. Теперь осталась одна империя — это США. И эта империя по всем законам империалистического мира должна господствовать в мире.

Какие аргументы приводит Бжезинский? Это очень любопытно: мне кажется, что Буш и его команда полностью реализуют эти аргументы. США должны господствовать в мире, потому что это самая крупная технологическая держава, которая на несколько поколений обогнала все остальные. Это самая мощная экономическая держава. Это самая мощная интеллектуальная держава, потому что интеллекты всего мира концентрируются в США. И, наконец, как это ни парадоксально, он считает, что это и самая крупная культурная держава. Здесь он, правда, оговаривается: многие критикуют США за масскультуру, но, тем не менее, молодежь (о которой сегодня много говорилось, что она уникальна и прекрасна) прекрасно воспринимает эту масскультуру и предпочитает ее всем остальным видам культур. Значит, и здесь США впереди планеты всей. Поэтому они должны господствовать.

Такова была теория. Две теории. Парадоксально, что их не сравнивают, не ставят на одну доску. Это теория «глобального человека», которую развивает А. А. Зиновьев (позиция Зиновьева — позиция критики такого будущего), и апологетическая позиция Бжезинского, который говорит о доминанте США. Может быть, эти книги остались бы просто книгами, если бы не началась эта война с Ираком, которая фактически реализует все те же вещи. Война идет под лозунгом демократии и защиты свободы и демократических реформ против якобы носителя зла в лице Хусейна, которого США создавали многие десятилетия. Но, тем не менее, эта идеология сегодня правит миром.

Второй тезис. К сожалению, отказ от понимания политики как соотношения сил в мире привел к совершенной безжизненности российской позиции. Я хочу напомнить вчерашний телеклуб, очень любопытный, который вела Сорокина. Там были две позиции,

которые сегодня характерны для нашего общественного сознания. Одна позиция, которую наиболее рельефно высказали Киселев, Рыжков и редактор «Эхо Москвы». Она звучит достаточно цинично и откровенно. Что вы хотите? США — самая крупная держава в мире, она господствует в этом мире. Нужно быть неразумными, чтобы входить в конфронтацию с этой державой. Нужно приспособливаться к существующей действительности. И тот антиамериканизм, который показывали данные опроса сидящих в аудитории, — где-то примерно то, что вы, Игорь Михайлович, демонстрировали: где-то 90 и 10 процентов, 95 и 5 процентов. Киселев говорит: «Скоро сторонники антиамериканских настроений будут разочарованы после победы США в Ираке». Вот позиция, совершенно откровенная. Я эту позицию слышал 12 лет назад, примерно в 1991 году, когда мне ее высказал один студент. Он говорил: «Но есть же законы мирового развития — сильный господствует над слабым, и поэтому мы проиграли историю. Мы сошли с арены истории. Мы стали страной импотентной системы, мы должны подчиниться более совершенной и более крупной системе». Так было сказано 12–13 лет тому назад простым студентом. Киселев это же повторил вчера.

Вот эта позиция, которая существует у нас (мне кажется, война делит все человечество на две части), существует и в мире, и в лице стран, а не только отдельных индивидов. Достаточно посмотреть на нашу Украину, которая без просьбы со стороны США посылает в Ирак непонятно какие войска противохимической защиты, делает то, что от нее даже никто не требует. Это примерно то, что французы сказали о Болгарии. Им лучше всего было бы промолчать, но они, тем не менее, выступают и говорят опять, что мы должны склониться вперегиб.

Такова сегодня объективная ситуация. Отсюда следует вывод: мы будем двигаться в русле этих стратегических линий к моноцентрической сверхдержаве и так называемой «железной пяте» будущего. Джек Лондон здесь оказался пророком. Только он говорил о «железной пяте» внутри страны, а мы сегодня можем говорить о «железной пяте», которая существует применительно ко всему миру. Мы идем к миру, где господствовать будет «железная пята», но при одном условии: если мир будет разделять точку зрения Киселева, наших украинцев, болгар и т. д.

Я когда-то задавал Зиновьеву вопрос — это еще было в «Правде», когда он ее посещал: что делать? Он развивал пессимистическую концепцию, примерно ту же, что в «Глобальном человеичнике», и при этом высказал любопытную вещь. Он сказал, что есть один возможный вариант развития: когда во время Великой Отечественной войны нас уже окружили и обложили со всех сторон, тогда кто-то поднимается, и начинается прорыв. Мне кажется, что прорыв — это единственный выход мировой цивилизации против стратегии «железной пяты». Этот прорыв могут осуществлять не только отдельные люди, но и целые страны. Я вижу, что этот прорыв могут осуществить только те страны, которые понимают существо вопроса, понимают современную ситуацию, которая сегодня имеет место в мире, т. е. полная бесконтрольность США. Те, кто это понимает, они должны объединиться. В каком формате они объединятся: треугольник Россия-Индия-Китай или в каком-то ином формате — это уже другой вопрос.

Последний тезис. Сейчас я рассуждал в геополитическом ключе, пытался осмыслить действительность. Но на самом деле есть более глубинный пласт понимания действительности. Мне кажется, что мы освободимся от однополярного мира и перейдем к

многополярности, биполярности, которая давала равновесие истории, только в том случае, если произойдут мощные социальные сдвиги в странах антиамериканской коалиции. Эти сдвиги могут произойти.

В конце XIX века известный классик говорил о перемещении революционного центра в Россию. Мне кажется, что сегодня в России обратная картина. Это самый контрреволюционный и поппулистский центр в мире, который ведет очень странную политику умиротворения, напоминающую о Европе конца 1930-х годов. Я думаю, что изменения этой позиции, как и позиции других стран, возможны только тогда, когда произойдут парадигмальные изменения внутри данных стран. А для этого есть ростки. Об этом можно судить, если мы посмотрим на современное антиглобалистское движение (я его не преувеличиваю, не абсолютизирую) с его тезисом «Иной мир возможен». Сегодня США нам говорят: никакой иной мир невозможен, кроме того, который мы предлагаем. Если концепция и стратегия *иного мира* дополнятся реальными социальными сдвигами в этих странах, тогда на самом деле мы получим более или менее оптимистический взгляд на нашу будущую историю. Если этого не произойдет, то мы получим «глобальный человек» или торжество «железной пяты» в мире, и нас в перспективе ждут очень печальные результаты. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Борис Федорович, книга «Глобальный человек» была фактически запрещена на Западе. У меня было более 10 договоров на издание этой книги во всех западноевропейских странах, по всем получил аванс и прожил его. Но там существует цензура, не такого вида как в Советском Союзе, но существует — закрытые рецензии.

Эти рецензии писали люди, известные писатели, с которыми я дружил, которые в восторге были от книги. Но все в один голос, включая даже Дюрренматта, который был мне близким другом, написали: «Это клевета на западное общество». Прямо в этой терминологии, все очень просто. Также запрещена была книга «Запад». Тут же после этого наступил бойкот, прямо как будто был дан сигнал по всему Западу. В этой книге, кстати, была предсказана сегодняшняя война в Ираке. Только там Ирак назван наоборот: Кари, вместо «Хусейн» — «Нйесух». Тип войны описан. Я этим не горжусь, потому что считаю, что такое прогнозирование — дело довольно банальное. Я вообще считаю, что предсказывать будущее гораздо легче, чем высказывать правильные суждения о прошлом. Прошлое сфальсифицировано настолько прочно, что его почти невозможно открыть.

Что касается идеи прорыва — я к этому вернусь потом.

Б. Ф. СЛАВИН

У нас издали Вашу книгу, но ее никто не читал.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Ее издали малым тиражом. А какая разница: хотя у меня что-то выходит, но фактически я в России нахожусь в состоянии бойкота. Мне десятки людей говорили, что они писали рецензии, они у меня лежат. Прекрасные рецензии. Ни одна газета не взялась их печатать.

Б. Ф. СЛАВИН

Вчера Вас тоже у Третьякова представили как маргинала.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Что такое Третьяков — вы знаете. Если уж говорить о маргиналах, то большего маргинала трудно себе вообразить.

Приступим к обсуждению того, что было. Я предлагаю на высказывание своих замечаний и реплик от 3 до 5 минут.

Слово имеет Леонид Иванович Шершнев.

Л. И. ШЕРШНЕВ

Здесь прозвучал интересный призыв спасти Америку. Хочу сказать, что когда я был в Тегеране на конференции, с этим лозунгом выступал Харази, министр иностранных дел Ирана. Что он сказал? Представьте себе, что Америка проиграет: что будет? Давайте поможем Америке красиво выйти из этой ситуации. Это было еще до войны. Его логика была такова: после Афганистана рухнул СССР, потом рухнула Югославия (после Балканской войны), сейчас рухнет Америка. Если рухнет Америка, мир может много потерять. Давайте подумаем, как помочь. Вот так он выступил. На этой конференции плохо выступал грузинский представитель. Он жаловался на то, что мы отнимаем базы. Несколько нехорошо и в том же ключе выступал представитель Армении.

Здесь говорилось о том, как живут цивилизации, скажу вам откровенно, я 9 дней был в Тегеране и чувствовал себя лучше, чем в Москве. Ночью совершенно спокойно ходил. Там на два порядка меньше преступность, больше человечности друг к другу.

В этом году исполняется 60 лет Тегеранской встречи, которая тогда по существу обозначала послевоенный миропорядок. Мы предложили, чтобы сейчас Тегеран собрал конференцию из 4 стран, уже не приглашая Америку и Англию. Мы обосновали, почему и как

надо это делать.

Несомненно, нужны конкретные акции. В данном случае можно опереться на слова Серафима Саровского. Его девиз: «Спасись сам — и тысячи вокруг тебя спасутся». В какой-то мере для нас это формула действия: каждому осознать ситуацию и включиться в ее спасение. Но показателем отношения к Саровскому и вообще к спасению является то, что председателем комиссии по празднованию столетия Серафима Саровского совсем недавно назначили Киреенко, этого саентолога. Издевательство и над Россией, и над православием. Вот куда идет Россия.

Есть поговорка на Востоке: «Нет пушки — молчи». Это понятно, что без армии мы многого не решим. Но армия в условиях этого режима не нужна. Не решим мы проблему власти — естественно, проблема армии решена не будет. А вот как решить проблему власти — это, конечно, другой вопрос.

Образование. (Я к Вашей книге, Игорь Михайлович, хорошо отношусь. Я не раз ее в Министерстве образования цитировал, белорусам, украинцам показывал.) Нет более важной задачи, чем наша национальная безопасность. В этом ключ. В образовании эту линию надо все-таки провести через ОБЖ — обеспечение безопасности жизнедеятельности. Сейчас Днепров, Шадриков ополчились, они замышляют контрреволюционный переворот в области образования. Первый удар они наносят на основы безопасности жизнедеятельности в школе и в вузе.

Последнее, Борис Федорович, в какой-то мере ваше выступление меня сегодня удивило. Вы представляете «Горбачев-Фонд». Маленький вопрос к Вам. Осознает ли сам Горбачев, что он является виновником той войны, которая сегодня *там*? Я согласен с Вами, что надо говорить с позиции «автомата Калашникова», но

ведь разоружил-то нас в какой-то мере именно Горбачев.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Игорь Алексеевич Михайлов.

И. А. МИХАЙЛОВ

У меня несколько коротких реплик.

Во-первых, мне до сих пор неясно насколько едино американское общественное мнение. Насколько общественность США выступает за то, что происходит. Да, говорится, что 70 процентов американцев поддерживают. Но в данном случае мне интересно знать не о 70 процентах населения, а о позиции тех, кого называют «decision makers», — кто принимает решения в США. Насколько они едины? Например, такой парадоксальный вопрос: а могла ли быть нынешняя ситуация на Ближнем Востоке и начаться эта война, если бы на президентских выборах победил Гор? Я думаю, что нет. Укравший свои голоса Буш находится сегодня в достаточно серьезной оппозиции к тому американскому истеблишменту, который существует.

Что касается процессов в мире. Я думаю, что на основе антиамериканизма начнется консолидация многих сил в мире. Она практически сегодня началась. Посмотрите, какой примечательный факт сегодня сообщило наше телевидение: премьер-министр Австралии не полетел в Америку. А почему вдруг не полетел? Какая сложилась экстремальная ситуация — народ вышел на улицы! Этого уже достаточно — это серьезный момент.

Что касается молодого поколения. Для нас чрезвычайно важно, что наше молодое поколение увидело, что такое США. Для нас еще очень важно: молодое поколение видело, что происходило в

Югославии. Два разных сценария, но они находятся в одной схеме мировой войны.

Что касается Вадима Леонидовича. Он очень красиво сказал, что в Европе на сегодняшний день Старая Европа сама по себе, а новая Европа пошла в сторону Америки. Я Вадиму Леонидовичу задаю вопрос, кто оказался со Старой Европой? А со Старой Европой оказался Китай, страны Ближнего Востока, оказалась Россия — евразийская держава и т. д. Это, конечно, красивая схема, но тут надо посмотреть.

К разговору об экономике и политике — то, о чем говорил Валентин Иванович. Для меня, например, это достаточно спорно, потому что если страна экономически отсталая, она не сможет сегодня быть политически сильной. Киселев для НТВ запускал американский спутник трансляции. НТВ называли во время югославской операции «Новое натовское телевидение». Сегодня те агенты влияния, о которых мы спорили в конце 1980-х годов, есть, существуют и они себя очень красиво проявили.

Что будет происходить далее? Здесь возникает много вопросов. Я в своем выступлении сказал, что это война *избирательная*, это война, которая решит судьбу политических лидеров Запада. Я почти не сомневаюсь, что эти политические лидеры уйдут с международной авансены. Во всяком случае, для меня очевидно, что Блэра не будет, Оснара не будет. Здесь встает очень серьезный вопрос по поводу господина Буша, вокруг которого идут большие споры и в американском обществе. Хотя я абсолютно согласен в данном случае с Валентином Ивановичем, потому что Америка (где я много раз бывал) феноменальная страна: самосознание и самоуверенность американцев не знают границ. Но их эгоизм (я бы даже сказал, эгоцентризм), Вы совершенно верно

заметили, — это их «ахиллесова пята».

Последнее. В свое время, лет пять назад в «Независимой газете» вышла моя статья «Выгодно ли Западу расширение НАТО на Восток?». Выгодно ли Западу, если Запад — Америка? Здесь знак равенства между Западом и Америкой, Америкой и Западом. Выгодно ли сегодня Америке то, что происходит сегодня в мире? Да, сегодня в мире 395 американских военных баз, которые существуют. Да, проникновение в Среднюю Азию — это чрезвычайно опасно для российских интересов (и не только для российских). Но мы здесь очень схоластично представляем, на мой взгляд, то, что происходит в реальной политике.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Юрий Иванович Журавлев.

Ю. И. ЖУРАВЛЕВ

Уважаемые коллеги, я не специалист в высокой политике, поэтому я буду говорить, может быть, приземленно. Я поделюсь личными впечатлениями. Мне пришлось довольно долго работать в разных американских университетах, иметь многочисленные контакты, бывать на разных крупных съездах, конференциях и т. д. Мне хотелось бы по этому поводу заметить: если эти соображения вам покажутся тривиальными, то сделайте снисхождение к технарю-математику.

Первый раз оказался в Америке очень давно, в 1965 году. Я был еще совсем молодым человеком, и так сложились обстоятельства, что я попал в один из лучших американских вузов — Массачусетский технологический университет. Знаменитый вуз, который дает процентов 40 современной американской

полунаучной, полуполитической элиты (у них все это близко). Что поражало сразу — тот уровень (называйте это эгоизмом или эгоцентризмом, можно считать по-разному), который жители нашей страны даже себе не могут вообразить. Это нечто несравнимое ни с чем.

Я могу вам сказать, что я туда приехал, когда уже был доктором наук, Лауреатом Ленинской премии и т. д. Для начала меня экзаменовали на предмет взятия простеньких интегралов, которые мы даем студентам на первом курсе. Если человек эти интегральчики не берет, то дальше он уже не учится — его просто выгоняют. Где-то недели две меня таким образом экзаменовали. Они знали все мои регалии и т. д. Но потом я перехватил инициативу, предложил им порешать задачки. На этом все кончилось.

Тем не менее — это уровень. И так буквально во всем. Все, что у нас, — это идеально! Как же идеально, когда у вас по улицам ходить нельзя? Это очень хорошо, это конкуренция и т. д. Все, что у них есть, — то блестяще, все, что не у них, — плохо по определению. Это никак не оспаривается. Это вбивается в головы. Мне приходилось бывать, потом жить в университетских кампусах, я видел, как происходит «промывка мозгов». Должен вам сказать, что весь наш политпрос со всеми его агитпропами — это, конечно, бледная тень. Там блестяще продуманная система «промывания мозгов». Уж действительно: шаг влево, шаг вправо — вас не расстреляют, но вас лишат всего, и вы просто станете нищим.

Что поразило еще тогда. У нас был всемирный конгресс по обработке информации. Я, пользуясь значком действительного участника, обзорного докладчика, ходил везде. Пытались не пустить, но я все-таки прошел. Несколько приправительственных фирм (это 1965 год) подробно излагали сценарий моделирования третьей

мировой войны. Третью мировую войну моделировали не только США, но и другие люди. Это вполне естественно, но там меня совершенно поразила тщательность и подробность проработки. Я в святая святых российской военной мысли не допущен, и все же должен сказать, что тщательность проработки и учет нюансов там были фантастические. Именно на стратегическом уровне. Тактически делаются ошибки, мы сейчас это видим в Ираке, они бывали многократно и раньше. Но к планированию привлекаются лучшие умы нации. Причем, эти лучшие умы нации, к тому же еще и оплачиваются. Нам нельзя столько платить — у нас денег нет. Но в мире все относительно. Я только что пришел с заседания Минпромнауки, где утверждались гранты по ведущим научным школам. Заседание началось в 9 утра, оно еще продолжается. Там идет жарчайшая дискуссия, кто есть ведущая научная школа, а кто нет, кого финансировать, а кого нет. Максимальное финансирование ведущей научной школы, если в ней не менее 40 заявленных участников, — это в год 15 тысяч долларов. И вот до сих пор идет дискуссия, кому давать, кому не давать.

До тех пор пока мы не поймем, что к планированию нужно привлекать ведущие умы из самых разных областей, пока мы не будем делать тщательную проработку, мы все время будем попадать в странные ситуации.

Что касается третьей мировой. С моей точки зрения (считайте меня экстремистом, хотя меня таким никто не считает), «холодная война» ни на день не прерывалась. Она как шла, так и идет. Наши потенциальные противники великолепно отслеживают все, что происходит, и очень гибко меняют формы воздействия. Были одни формы в догорбачевский период, другие — в горбачевский, третьи — в ельцинский. Я не буду приводить многочисленные примеры,

они тривиальны, вы их все знаете. Я приведу лишь два, уж совсем очевидных.

Чем кончилась Афганская операция? Она кончилась тем, что в несколько раз увеличился ввоз наркотиков в страны СНГ. Вы думаете, это не спланированная акция? Я убежден, что спланированная. Массовое внедрение наркомании в территории, где ее раньше не было, — не бывает это просто так.

Второе. Здесь упоминалась школьная реформа. Вы знаете, что основные прошибалы, извините за грубость, этой реформы, они ведь не у нас — они за рубежом. Поощряют это все Всемирный банк, Международный валютный фонд. Причем, могу вас заверить, что это поощрение — не 15 тысяч на ведущую научную школу. Смею вас заверить, что это совершенно другие деньги. Находятся агенты влияния. Сколько не воюют наш ректорский корпус, ведущие ученые, журналисты, понимающие, в чем дело, а ведь реформа-то тишком делается. Все, что мы делаем, — мы пишем, все пишут, идут дискуссии и т. д. Но воз и ныне там, а «Васька слушает да ест». Пока что никаких существенных изменений в школьную реформу не внесено. А как только мы введем эту знаменитую тестовую систему, так считайте (сейчас мы хорошо конкурируем на рынке кадров, наши кадры сейчас выигрывают в среднем), так они перестанут выигрывать, потому что пойдет поток посредственности. На самом деле это выявление натасканности, и не более того. Это знают все, это известно всем. Что нужно сделать? Нужно сбить конкуренцию на кадровом рынке.

Обратите внимание, с какой огромной страстью и ненавистью выступают, so cold, реформаторы против фундаментальной науки. Фундаментальная наука непосредственно не создает материальных ценностей. Материальные ценности создаются опосредованно,

иногда через два-три поколения. Есть одна вещь, которую великолепно понимают наши потенциальные противники и, к сожалению, совершенно не понимает большинство из тех, кто сегодня более или менее причастен к власти. Когда-то американцы начали атомную программу с огромным опережением. Мы начали ее позже. На первом этапе мы довольно сильно отставали. Потом, когда в некий момент времени стало понятно, что ее надо срочно форсировать, в течение двух месяцев нашлись кадры и была сформирована команда, которая великолепно выполнила программу. Это, если хотите, страховочный резерв на любой крупный проект. Точно так же на ракетный проект. Я привел два самых больших проекта, а их были десятки и сотни.

Как только вы лишаетесь потенциального хранилища людей, из которых можно сформировать срочно коллектив на любую программу, дальше можно ни о чем не беспокоиться. Воспитать каждого такого человека — это десятилетия, это огромный вклад. Это должны быть соответствующие научные школы, соответствующие менталитеты. Как только вы разрушили фундаментальную науку — можете дальше не беспокоиться, ничего этого страна уже не сделает. И это прекрасно понимается, поэтому у нас ведущая научная школа и делит 15 тысяч долларов. Ведущие научные школы в основном приспособились и выживают не на этих 15 тысячах, а совершенно по-другому. Но, тем не менее, это факт довольно показательный.

Мне кажется, что как бы мы ни считали себя сильными и мощными, Россия сейчас, конечно, в кризисе, слабая. Надо это ясно признать и поэтому ни в коем случае нельзя поддаваться панике. Но, может быть, имеет смысл вспомнить, как в свое время в Великой Отечественной войне перечислялись наши вдохновители —

Александр Невский, Дмитрий Донской и т. д. Я бы хотел напомнить, что Александр Невский, помимо того, что он разбил шведов и немцев, был великолепным дипломатом. Он в свое время точно сообразил, против кого воевать, а с кем дружить, хотя это было совершенно не очевидно. Видимо, об этом имеет смысл все время помнить и как-то по мере сил подсказывать нашим политикам, чтобы они чаще обращали внимание на этот опыт.

Большое спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет член-корреспондент РАН, доктор философских наук, заместитель директора Института философии РАН Абдусалам Абдулкаримович Гусейнов.

А. А. ГУСЕЙНОВ

Мне кажется, что обсуждение вопроса об агрессии США против Ирака и теоретические размышления вокруг этого — все это в пользу самого агрессора. Я смотрю телевизионные передачи, разного рода шоу и вижу, что они по сути дела имеют какой-то подтекст, который как бы включает то, что случилось, в какое-то нормальное пространство, которое подлежит разумному осмыслению и разумному обсуждению. А между тем, с нормальной точки зрения такое действие должно не только вызывать какое-то отрицательное отношение. Отрицательное отношение должно быть зафиксировано как отрицательное действие. То есть это вещь, по поводу которой не строят теории и рассуждения, это вещь, с которой надо бороться и против которой надо восставать. Мне кажется, такая исходная установка должна быть при обсуждении этой темы.

Если взглянуть на этот предмет с определенной точки зрения,

с точки зрения социологической теории А. А. Зиновьева, который является президентом Русского интеллектуального клуба, то я вижу ситуацию таким образом. Действия США, как бы их ни квалифицировать, являются как бы пиком и предельным выражением тех законов социальности, которые управляют человеческим обществом. Я не знаю, как их обобщенно именовать. Зиновьев называет это законами дистанциального эгоизма, законами, в силу которых как бы существует тенденция одних доминировать над другими, стремление к господству. Эта общая тенденция в действиях США получила свое предельное выражение. Если помыслить эту тенденцию, каковой она обнаруживалась в истории и как она проявляется в человеческих взаимоотношениях, то мы дальше, чем та ситуация, которую мы имеем сегодня, когда одна страна как бы господствует и может диктовать свою волю всему миру и имеет для этого достаточные материальные ресурсы и, как говорил коллега, вполне достаточные примитивные духовные ресурсы, и это — последняя точка. На этой точке выявляется заложенная в самой этой тенденции разрушительная сила. Когда это достигло предельного выражения, то стало видно, что сама эта тенденция, сами законы социальности являются для человеческого общества разрушительными. Во всяком случае, это те законы, которые ничуть не вывели нас за пределы законов дарвиновских. Это первое соображение и первый тезис, который я хотел бы высказать.

Второе. В рамках той же социологической теории А. А. Зиновьева законам социальности противостоит культура, прежде всего — нормы морали, права. Они не являются выражением, продолжением законов социальности. Они, наоборот, являются их отрицанием, своего рода противовесом, который все-таки позволяет

каким-то образом блокировать отрицательные следствия законов социальности и существовать человеческому обществу. Мне кажется, что сейчас, когда законы социальности достигли, как я говорю, своего предельного выражения, их враждебность нормам морали и права становится совершенно очевидной и явной. Одно несовместимо с другим. Как раз самую большую опасность и фальшь всей современной ситуации я вижу в том, что не только сам Буш и его прямые сообщники, но и ряд интеллектуалов пытаются каким-то образом оправдать и как бы вписать эти действия в правовую и моральную лексику. Это очевидно, начиная с того, что Буш говорит от имени Бога, от имени добра, от имени человечества, от имени иракского народа. Короче говоря, демагогия достигла таких вершин, каких вряд ли достигала когда-либо еще.

Сейчас выявляется такая ситуация, когда не существует адекватных средств морального и правового противостояния США и их агрессивной политике. Я бы и по-другому сказал: если вообще мораль и право были всегда противовесом, который каким-то образом удерживал ситуацию человеческого существования в нормальных рамках и позволял блокировать разрушительные следствия законов социальности, то на нынешнем этапе нет таких форм моральной и правовой жизни, которые бы могли сколь-нибудь эффективно выполнять такую функцию. В этом заключена очень большая опасность, и над этим, мне кажется, нужно думать. Ясно, что люди в своем подавляющем большинстве, поскольку они вообще способны разумно размышлять, — против этой войны. Но как такое настроение и такое мнение воплотить в адекватные формы морального, правового и прочего протеста? Как это сделать? Конечно, есть обычные, традиционные формы, которые сейчас практикуются. И это делает честь европейским странам, делает честь

американцам. И позор нам, россиянам, которые все-таки не практикуют такие формы массового возмущения — демонстрации, митинги, плакаты и все прочее. Но являются ли эти формы, тем не менее, адекватными и достаточными? Почему-то мне кажется — нет. Во всяком случае, в том, что касается моральных оценок ситуации, нужны какие-то новые слова, нужны новые перспективы.

Я думаю, что как бы конкретно ни оценивать с практических, военных и прочих точек зрения события, которые происходят, рассмотренные в широком философско-этическом плане, они позволяют сделать такой вывод. В принципе у человечества нет будущего, если оно решительно на уровне высочайших моральных императивов не откажется вообще от насилия как средства решения человеческих конфликтов между людьми, между государствами, между народами. Другое дело, каким образом это может произойти. По-видимому, был шанс, чтобы это могло произойти более или менее приемлемым образом. Это именно тогда, когда два лагеря противостояли друг другу сопоставимыми угрозами на уничтожение. Там был шанс, что можно было бы как-то договориться и постепенно встать на путь отказа от насилия. Мы, к большому сожалению, этот шанс утратили, и сейчас перспектива, которая открывается, представляется намного более трагичной и чудовищной. Нельзя исключать такую ситуацию, когда человечество в результате насилия и законного противодействия в форме терроризма или в любых других доступных формах просто придет на грань взаимного уничтожения, т. е. оно просто придет к состоянию варварства. И вот тогда-то, когда уже, кажется, будет совершенно безвыходная ситуация, вот тогда-то и нужно будет найти новые перспективы, новые основания жизни. Тогда, может быть, и будет осознано, что, только приняв в качестве безусловного,

категорического императива, в качестве абсолютного категорического условия запрет на насилие, можно дальше существовать людям. Иначе говоря, обозначить это как заколдованный круг, внутри которого и можно существовать, а за пределы нельзя выходить. Мне кажется, что эта граница должна быть по-новому обозначена. Здесь может показаться смешным, что в ситуации такого всплеска, буйства агрессии произносится слово «ненасилие», но мне кажется, что именно эта ситуация и показывает, что нет других средств, и апелляция к ненасилию призвана не то чтобы смягчить, а показать всю глубину и неопишемую опасность, которая сопряжена с этой ситуацией.

Спасибо большое.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Продолжим дискуссию. Андрей Ильич Фурсов.

А. И. ФУРСОВ

У меня короткие реплики по выступлениям моих коллег.

Юрий Иванович, я Вам хочу сказать по поводу выбора Александра Невского. Приведен очень неудачный пример. Дело в том, что Александр Невский лег под самого сильного противника — Орду. Если нам сейчас следовать по Александру Невскому, то надо ложиться под Америку. Это выбор Киселева.

Что касается тестовой системы, то я с Вами абсолютно согласен, что главная опасность тестовой системы — это натасканность. Но главное не в этом. Тестовая система отучает ставить проблемы. Она учит не просто отвечать на вопрос, но выбирать из того, что тебе уже дали. Как мне объясняли мои коллеги-социологи в Америке, когда я там работал, эта система была

активно введена после событий 1968–1969 годов. Тогда же начали изгонять теорию из общих курсов, чтобы не было цельной картины мира.

Борис Федорович, Вы совершенно правы, что Россия сейчас в известном смысле страна контрреволюционная. Но дело в том, что переходы от контрреволюции к революциям совершаются очень быстро, особенно в России. Как точное значение китайского иероглифа, который означает Россию: страна внезапных замедлений и ускорений. Это очень хорошо изложено в книге Девятова «Красный дракон».

Валентин Иванович, хочу Вам сказать по поводу того, что XX век стал веком политики. Я думаю, что XX век кажется веком политики потому, что в этом веке главные экономические силы научились хорошо себя прятать. Подобное описал Станислав Лемм в романе «Эдем», посвященном некой планете, где господствующие группы так себя спрятали, что они не видны. В XX веке доминирующие экономические силы научились так себя прятать, что их даже и не видно.

Владимир Михайлович, по поводу западных ценностей. Мне кажется, не надо путать западные ценности с европейскими и христианскими. Дело в том, что западные ценности — это то, что в Европе оформилось где-то в середине XVIII века. До этого были европейские ценности. То есть западные ценности — это нынешние протестантские. Были католические ценности. Есть еще более широкое понятие: христианские ценности. А куда православные мы денем? То есть западные ценности — это часть некоего более широкого целого. Можно было бы порассуждать об этом, но нет времени. Почему интеллигенция во всех странах так любит рассуждать на темы цивилизации? Дело в том, что вообще, на мой

взгляд, — я не хочу никого обидеть — цивилизационная тематика позволяет гуманитарной интеллигенции вести не то чтобы бездоказательный и безответственный, но такой легкий разговор, не задевая ничьих интересов. Кроме того, про цивилизации «красивше». Про капитализм — это некрасиво, а вот про цивилизации — это значительно красивее. Я не говорю про убедительность, я говорю: красиво — некрасиво. Мы говорим сейчас о ценностях западной цивилизации. Кто, начиная с 1970-х годов, и в чьих интересах демонтирует основные институты и ценности западного общества? Это логика развития позднего капитализма. Мы ничего не поймем в современной западной цивилизации, если не перейдем на язык логики развития капиталистической системы.

Последнее, о чем я хочу сказать, — это то, о чем говорил Игорь Михайлович по поводу образования. Я сейчас заканчиваю книгу, которая называется «Англосаксонский проект». Я ее начинал писать как политико-экономическую и геополитическую, а заканчиваю как образовательную, психологическую. Обратите внимание, почему англосаксы смогли «сделать» всех: испанцев, французов, немцев и русских в XX веке. Помимо всего прочего, они создали социальную науку с очень четким дисциплинарным делением, которая отражает социальное разделение западного, прежде всего, англосаксонского общества: экономика, политика, социальная сфера. Отсюда экономика, социология, политология. Вот эта матрица задана всем. А как быть тем обществам, в которых власть и общество не расчленились? Они начинают корежить себя, объясняя себе самих себя на чужом языке. Как только ты принял язык противника — ты уже проиграл. Как говорил Тацит: «Проигрывает тот, кто опустил глаза». Поэтому первая задача

образования — это создавать свой язык.

Кстати, этим путем методологически шла великая русская литература. Однажды Льва Толстого спросили: что в жанровом плане представляет собой «Война и мир». Он сказал: «Это не эпос и не роман, это то, что хотел сказать автор в той форме, в которой сказал». И он продолжил: «Капитанская дочка» — это что такое? Дальше Толстой сказал, что русская литература постоянно разрушает европейские жанровые формы. Действительно, посмотрите на «Мертвые души», «Былое и думы» и т. д.

Одна из научно-образовательных задач — создать адекватный понятийный аппарат для изучения российского общества и других, не повторяя англосаксонскую терминологию.

Спасибо.

Ю. И. ЖУРАВЛЕВ

Разрешите, я отвечу. Я когда приводил пример Александра Невского, я не имел в виду самого сильного противника. Я имел в виду баланс в сторону Евразии.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Пожалуйста, Вадим Михайлович.

В. М. МЕЖУЕВ

В конечном счете, у нас в разговоре все свелось к одному вопросу. По многим вещам мы согласны. Что Россия сегодня может противопоставить Америке? Точно, что в ближайшее время, не только в нашей жизни, но и, может быть, следующего поколения, богаче не станем. Это уж точно. Следовательно, сильнее и в военном смысле не станем.

Как еще противостоять? И самое главное: на пути такого желания противостоять стоит еще одно препятствие — наши собственные американцы. Ладно — там, а тут у нас свои появились. Сегодня, если смотреть на официальную Россию, Россия самая проамериканская страна в мире. На телевидении и т. д. — что с ними делать? Они же насквозь долларизированы. Люди живут на гранты или не знаю на что, но это идет сплошная долларизация.

Я согласен, и здесь многие подтвердили, я сегодня вижу реально только идейное противостояние. И никакого другого я сегодня не вижу. Конечно, надо вооружаться, надо укреплять армию, надо укреплять всю оборону, технику, с наукой что-то делать. Хотя я не верю, что те, кто сегодня правят страной, пойдут на это. Единственное, что можно сегодня, более того, это спасение от агрессивных настроений, которые господствуют в Америке, я абсолютно уверен, придет из самой Америки, из самого Запада, из самой Европы. Я очень верю в то, что после окончания Иракской войны хотя бы администрация Буша потеряет весь моральный авторитет в мире. Хотя бы это произойдет. Хотя бы, может быть, на какое-то время эти оголтелые американские республиканцы утратят такое влияние в политике, которую они сегодня ведут. Хотя бы это. Потому что обнаружилась простая вещь на Западе: власть при всей западной демократии не контролируется никаким народом. Сегодня мы живем в массовом обществе. Власть давно утратила какую-либо обратную связь с обществом. Это очевидная вещь.

Я здесь согласен, что единственное, что мы можем сделать, — Америку мы можем победить американскими ценностями, правами человека, правовыми принципами. Мы сегодня должны быть первыми защитниками права в мире. Вот это наша база. Первыми надо защищать ООН. Может быть, ее реформировать. Надо

защищать принципы морали, совершенно верно. Правда, я немного не согласен с принципами ненасилия. Насилие победить невозможно. Его можно легитимизировать каким-то образом, чтобы были санкции. Я уверен, что мы привлечем всех более или менее здраво мыслящих людей Запада.

А. А. ГУСЕЙНОВ

В мире не было ни одной войны, которая была бы столь легитимна, как та, которую сейчас ведет Америка.

В. М. МЕЖУЕВ

Ты считаешь, она легитимная? Она не легитимная.

А. А. ГУСЕЙНОВ

Но столь легитимной, как эта, не было ни одной другой войны.

В. М. МЕЖУЕВ

Об этом можно поспорить.

Я заканчиваю. Я вижу две проблемы. Первая: что делать с собственными американцами? И вторая проблема: откликаться позитивно на все то позитивное, что сегодня рождается на Западе. Я абсолютно уверен, что сейчас рождается внутренний глубокий протест. Его надо поддержать. Вот моя точка зрения.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Юрий Юрьевич, прошу.

Ю. Ю. БОЛДЫРЕВ

Уважаемые коллеги, у меня точка зрения более

оптимистическая при том, что я на протяжении многих лет являюсь в значительной степени пропагандистом того, что есть лучшее в западных американских ценностях, и, не уставая, прилагаю усилия к тому, чтобы доказывать, что все, что делается у нас под лозунгами о том, что это западное, на самом деле является извращенным и не имеющим отношения к тому, что они делают у себя. Но даже при этом своем подходе, при своем стремлении четко отделять либерализм от вульгарного либерализма, тем не менее, я снова еще раз вернусь к тезису о том, что все происходящее является еще и следствием слабости западной цивилизации с точки зрения просто ее физиологического выживания, продолжения рода. Слишком медленно размножаются по сравнению с мусульманами, латинос и т. д. Еще раз возвращаюсь к тому, что, если даже ничего не делать, если все так будет продолжаться, эта цивилизация обречена, потому что увеличивающиеся чисто количественно мусульмане и представители других культур (я здесь должен не согласиться с теми, кто говорил о чисто социальных различиях), даже поднявшись на самые верхние ступеньки общества, в том числе и западного, остаются привержены своей культуре, своему образу жизни. Здесь говорилось, что делать прогнозы — это дело более легкое, чем объективно оценить то, что было раньше. Тем не менее, рискну сделать несколько весьма пессимистических прогнозов, но хотелось бы, чтобы они были самыми не сбывающимися.

Грядет установление жесткого стратегического контроля над ключевыми природными ресурсами, прежде всего энергоресурсами. Я предвижу через какое-то время, если этому не противостоять, просто прекращение существования мирового рынка энергоносителей. Будет дозированная подача одним и, соответственно, подача себе. Это будет одним из методов

ограничения скорости развития альтернативных центров развития сил, прежде всего, Китая, который, как вы знаете, уже лет пять назад перестал быть экспортером нефти, а стал ее импортером. Ограничение подачи энергоносителей будет одним из методов торможения развития.

Естественно, на энергоресурсах не остановятся. Дальше все то, что было всегда. Контроль проливов, контроль транспортных коммуникаций. Это будет выглядеть иначе. Какие-то слабые признаки мы видели лет десять назад. С крушением СССР мой, к сожалению, погибший друг, который контролировал одно из наших пароходств, столкнулся с тем, что какие-то вшивенькие, извините, профсоюзы в слабых странах тормозят наши пароходы, арестовывают их, а Правительство не вмешивается. Это совершенно очевидный метод нелиберальной конкуренции, силовой конкуренции с противником, которого надо подавить. Надо предвидеть, что транспортные коммуникации теми или иными способами, самыми разнообразными, будут браться под контроль.

Далее. Под контроль будут браться информационные каналы, в том числе и спутниковые. Если только одна страна в мире будет контролировать не небо, а то, что над небом, т. е. околоземное пространство, то теми или иными способами, в том числе методами, связанными с развитием радиоэлектроники и ракетно-космической техники, все информационно-коммуникационные каналы, в конце концов, будут взяты под контроль.

Далее. Под контроль будут браться продукты питания совершенно не теми способами, которые можно было предполагать 100 или 50 лет назад, а совершенно другими. Как в компьютерах распространяются вирусы и антивирусные программы, точно так же с развитием генно-инженерной техники можно предположить, что

это окажется одним из рычагов воздействия на те народы, которые стремительно размножаются. Перечень можно продолжать и дальше. Но, к сожалению, время ограничено.

Происходящее вызовет к жизни партизанщину и терроризм в небывалых масштабах, о чем здесь говорилось. Это явится одним из легитимизирующих оснований для дегуманизации всего мирового порядка и внутреннего порядка на Западе и в США. Нас ждет жесточайшая дегуманизация этих центров гуманизма.

Далее. Защита нами либеральных ценностей. Ничего не выйдет. Не надо иллюзий. Мы не можем это делать в силу абсолютно вульгарной трактовки западных ценностей у нас. Два ключевых фактора. Первое. Вульгарное исполнение всего, что у нас связано с западными ценностями, дискредитировало эти ценности в глазах огромного большинства населения. Второе. Внешняя политика Запада (в том числе и по отношению к нам, помощь в проведении реформ) тоже жесточайше дискредитировала западные ценности в глазах населения. Возродить в глазах нашего населения большую часть представлений о либеральных ценностях как о высочайших ценностях современной цивилизации будет очень и очень сложно.

Война — это не только пушки и танки. Это развертывание оборонного и экономического потенциала — ключевая задача нашей страны. Все разговоры о том, что мы не должны использовать и иметь на вооружении ракеты с разделяющимися боеголовками, — это все вчерашний день. К этому всему надо возвращаться, как бы этому не противодействовали.

Структура госуправления. Мы не самая западная страна. Мы одна из самых незащищенных стран с точки зрения внешнего, чисто финансового воздействия на общество, элиту общества и,

соответственно, политику государства.

Международное право. У нас в Конституции записано, что международное право выше национального. Есть основание подумать и внести изменения в Конституцию или поставить вопрос перед мировым сообществом о том, что Россия, заявляя о том, что международное право может соблюдаться только постольку, поскольку это право соблюдают партнеры и только по отношению к тем партнерам, которые его безусловно соблюдают. Это очень важный тезис.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Вадим Леонидович, пожалуйста.

В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ

Три замечания. Первое. Насчет того, что если бы была администрация демократов, то у нас бы сейчас был другой миропорядок. Достаточно сказать, что мы живем сейчас в мире после Косово и все, что произошло, стало возможным после Косово.

Второе. Администрация демократов нанесла второй удар по Ираку в конце 1998 года, обеспечив связующее звено между 1991 и 2003 годами. Так что рассуждать о том, что демократы создали бы сейчас другую ситуацию, — это выглядит несколько утопично.

Третье. Когда говорят, что в этих условиях надо мобилизовывать лучшее, что накопила западная цивилизация, мне не очень понравилось высказывание А. А. Гусейнова, что мир, доведенный до катастрофы, увидит необходимость другого пути. А что если делать ставку на то, чтобы довести его до этой грани? В этой связи мне нравится соображение на Западе Будельяра, а у нас Деягина о том, что в условиях, когда Америка присвоила право

говорить от имени добра, силы, противостоящие ей, должны быть готовы говорить от имени зла. Грубо говоря, мы способны уничтожить цивилизацию, и ты с нами ничего не сделаешь.

Для того чтобы иметь сильный военный потенциал, нужно иметь крепкую и сильную экономику. Дело в том, что когда я развивал концепцию военных циклов, я отметил, что перестройка западной системы опирается на длинные волны, где чередуются соотношения возможности мобилизации и возможности уничтожения. Сейчас мы живем в фазе, когда уничтожение абсолютно господствует. Можно ли представить вообще такую военную тактику, при которой взяла бы верх мобилизация? Против Орды типа чингисхановской, когда в тылу пустыня, а Орда непосредственно наступает на Европу, атомное оружие было бы бесполезно. Кого им бомбить? Бомбить собственные города, на которые напоздает Орда? Бессмысленно. Бомбить по тылам? Тоже бессмысленно: там пустота. Таким образом, на мой взгляд, развитие ядерного, а за ним сверхточного оружия, объективно в перспективе ста или двухсот лет будет толкать к развитию таких видов войны, когда будет просто непосредственный захват территории противника и оседание на ней с оставлением собственных территорий на произвол судьбы. Вот это, на мой взгляд, очень любопытное явление. При таких условиях экономику нужно развивать ровно настолько, чтобы подготовить наступление и натиск. После этого экономику можно было бы бросить на произвол судьбы: кормить будет экономика завоеванных территорий. Это довольно любопытный момент, меняющий отношение между экономикой и военным делом.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Валентин Иванович, пожалуйста.

В. И. ТОЛСТЫХ

Первое. Справка. Пять лет назад на юбилее журнала «Таймс» выступал демократ Клинтон и заявил: XX век был веком Америки, XXI век, с Божьей помощью, будет американским. То есть никаких иллюзий питать насчет того, что ковбой Буш пришел и поэтому... и т. д., не надо. Это четкая установка. Все остальные аспекты и проблемы, связанные с сегодняшним поведением Америки, т. е. перераспределение ресурсов, нефть, насаждение демократии (я настаиваю на своем тезисе, который я здесь излагал) — это все сопутствующие товары. Это все дополнительные элементы к той главной цели, которая ставилась и ставится.

Второе — это наше поведение. Нам надо, действительно, сосредоточиться на себе и решать свои собственные проблемы и перестать при этом обезьянничать и все время уродски заимствовать что-либо взятое на Западе. В связи с этим вспоминаю свой разговор с А. А. Зиновьевым, когда он меня немножко вывел из себя тем, что он настаивал на том, что Запад очень активно относится к тому, что делается у нас, выполняя какие-то планы. Он мне сказал вещь, которая сегодня очень убедительна. Он сказал, что можно довести внутреннюю политику нашего государства до такой степени, что сам российский народ попросит американцев прийти и навести здесь порядок. И этот вариант исключать не надо. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Пожалуйста, Владлен Терентьевич.

В. Т. ЛОГИНОВ

Бог с нею, с Америкой, пусть американцы сами спасают свои души, потому что, если будут реализованы те задачи, о которых говорил Ю. Ю. Болдырев, то перед Россией встанет проблема ее латинизации, ибо крушение бюджета, в частности социальных и прочих программ, вызовет резкое усиление центробежных стремлений, и это неизбежно.

Что меня смущает, так это то, к кому мы, собственно, адресуемся со всеми своими рекомендациями, со всеми своими соображениями. Вот это меня переводит на сто лет назад. Потому что эпохи революций действительно рождают гигантов, а эпохи безвременья, реакции рождают пигмеев. Как учит нас В. М. Межуев: империи создаются гигантами, а разрушаются пигмеями. К кому же мы собираемся адресоваться? Если на смену Рузвельту приходят личности такого масштаба, как нынешние президенты, или на смену такой личности, как Черчилль, приходит Т. Блэр и т. д., в том числе и в России, то давайте все-таки об этом адресате.

Из всех здесь сидящих я один был на парламентских слушаниях по поводу реформы образования. Выступали ведущие ученые страны: математики, физики, ректор МГУ. Ректор МГУ зачитал письмо космонавта Глена президенту США о том, что существующая в Америке система образования — это угроза национальной безопасности, что все то, к чему мы рвемся и стремимся, — это себя полностью дискредитировало. Вы бы видели лица административных персон, Филиппова, зампредов и т. д. Они сидели и маялись, маялись, когда кончится все это дело. Представители всех наук высказали свое мнение по поводу этой реформы. Это действительно угроза образованию. «Надо ведь какой-то документ». — «Нет, не надо, мы выслушали ваше мнение и давайте пойдем дальше». По их лицам и глазам было видно, что

ничего из того, что было сказано, ими не было услышано. Значит, единственная надежда на то, о чем я говорил и другие, — на то, что все-таки проснется массовое сознание. Оно может приобрести самые дикие формы. Это неизбежно, потому что некому сегодня канализировать этот протест. Это самая страшная трагедия, которая может ждать Россию. Некому. Была социалистическая идея, была партия, которая в тот момент сумела выскочить вперед так, как надо было. Сегодня это чревато иным.

Я очень люблю философов, а Гусейнова тем более. Я понимаю, что отказ от насилия — это прелестная вещь. Но это даже не утопия. Вы можете себе представить реально, чтобы Абрамович, скажем, или кто другой из этих 18 человек добровольно согласился поделиться своими сверхдоходами?

Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Пожалуйста, Борис Федорович.

Б. Ф. СЛАВИН

Мы иногда путаем времена. Одно дело время, когда был биполярный мир, и мы ставили вопрос о ликвидации насилия, разоружении, ставили вопрос о роспуске двух военных блоков. Это одна была позиция. Сегодня, когда мы начинаем то же самое говорить, хотя нет никаких реальных сил... Я согласен с В. М. Межуевым, что у нас есть одно преимущество — интеллект. Но интеллект без материальных носителей, без той же компьютерной техники, без той же технологии, без вооружений... Я сам сторонник ненасилия, писал диссертацию о невозможности использования ядерной войны как инструмента разрешения политических

вопросов. Но сегодня *ставится* вопрос об использовании ядерных средств для достижения политических целей. Что можно этому противопоставить? Я хочу спросить А. А. Гусейнова: мир-то остается как мир соотношения сил или этого уже нет? Это философский вопрос и политический вопрос одновременно. Или мы абстрагируемся от реального соотношения сил и начинаем развивать свои прекрасные, прекраснодушные идеи о всеобщей гуманизации, идеалы которой я разделяю. Но тогда мы оторвемся от действительности. Или мы опустимся в реальную действительность и тогда посмотрим, что соотношение сил не в нашу пользу еще и потому, что мы сами замораживаем нашу страну.

Что такое повышение тарифов на транспорт? Здесь Ю. Ю. Болдырев говорил: это замораживание всей нашей страны и всей транспортной структуры при учете того громадного пространства, которое мы имеем.

Что такое образовательные реформы? Сегодня об этом много говорили. Я удивляюсь, что мы забываем, что еще до проекта, который мы сегодня обсуждаем, Днепров предложил вместе с экспертами Фонда Сороса реформу нашей образовательной системы, в частности высшей школы, создал несколько комиссий (гуманитарных, физических, математических и т. д.), которые должны были под видом декоммунизации образования курировать все образование. Отсюда мы получили позитивизм как философию нашего общества, отсюда мы получили дикие учебники по истории и т. д. Это все делалось сознательно и не только с помощью Запада, но и с помощью наших чиновников. Вот о чем речь.

Последнее. Мы говорим о *возможности* мировой войны. По-моему, она уже давно идет. Что мы сейчас обсуждаем? Она идет! И в этом случае, как говорят, на войне — так по-военному. Нужно

соответственно принимать меры. Мы должны и в интеллекте обогнать, и в компьютерах, и в танковом деле, и во всех других вопросах, иначе ничего не будет. Иначе мы будем тем, что предсказал А. А. Зиновьев в своем «Глобальном человеичнике»: мы будем той периферией, которая будет таскать каштаны для американцев в любой форме и т. д.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Юрий Иванович, пожалуйста.

Ю. И. ЖУРАВЛЕВ

Еще раз хочу сказать, что когда я говорил о том, что бывают такие умные дипломаты, я как раз не имел в виду, что надо ложиться под сильного. Это, кстати, трудный вопрос. Дело в том, что Александр Невский выбирал союзника не по силе, а по степени влияния на внутреннюю жизнь. Хорошо известно, что Великая Монгольская империя была устроена так: они деньги собирали, а что касается религии, менталитета и прочего — их совершенно это не интересовало. Делайте, что хотите, только платите — а все остальное нас не касается. Западное влияние того времени было совершенно другим: оно стремилось полностью искоренить менталитет. Я в этом смысле имел в виду. Где большая опасность, а не по силе. Сила? Но силы, конечно, меняются.

Что касается образования. У нас немного времени, я бы мог приводить сотни примеров всего кошмара, который с нами сейчас делают в этой системе. Против этого все равно надо бороться. До тех пор пока мы боремся, есть шанс на то, что это не будет сделано в самой страшной форме. Можно, конечно, поднять лапки, но надо все равно воевать. Не услышат сейчас — услышат через год, создастся

общественное мнение. А иначе совсем безнадежно. Надо бороться.

Что касается остальных вещей, мне было очень интересно. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Абдусалам Абдулкаримович, пожалуйста.

А. А. ГУСЕЙНОВ

Конечно, Борис Федорович, ненасилие — это утопия, суперутопия. Но предложите другую перспективу, чтобы у человечества был выход, была какая-то перспектива. Конечно, есть соотношение сил. Никто не говорит, что в рамках отношения сил не надо реагировать адекватными способами. Но Вы, как философ, когда смотрите на ситуацию в мире и на историческое развитие, должны обозначить не то что конечную точку, но хотя бы какое-то конечное основание деятельности. Если Вы предложите, тогда — да. Но я Вас уверяю, что ничего Вы такого не найдете.

Здесь многие говорили, я тоже хочу поддержать, что ситуация, которая сейчас сложилась в связи с действиями США, обязывает нас более ответственно взглянуть на ситуацию внутри нашей страны. Мы видим, что состояние упадка, — не то что в экономике, политике, во всех сферах, которые есть в России, — вот эта ситуация расколотости самой страны, расколотости нации, когда люди просто не верят своему правительству, когда элита ополчилась против народа, им плевать на народ — это, конечно, страшно. Обнаруживается, что мы не приспособлены и не имеем шансов выжить в этом мире. Мне кажется, это очень важный момент, чтобы мы сейчас на себя взглянули и каким-то образом отказались от благодушия, которое все-таки у нас существует.

Б. Ф. СЛАВИН

Вы говорите, нет альтернативы, никто не может предложить альтернативу. Почему? В истории неоднократно эти альтернативы были. Я имею в виду изменение социальной парадигмы развития у нас в стране, в других странах. Те же антиглобалисты дают эту альтернативу. Мы же не можем выдумать из головы эту альтернативу.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Игорь Михайлович, пожалуйста.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Только что был звонок из Франции. Спрашивают: что у вас там про Ирак, про войну? Я говорю — ничего, у нас Русский интеллектуальный клуб идет. Но надо же что-то делать! Вот мы сидим и говорим про войну. Мы думаем о том, что будем делать. А у них, во Франции, как всегда: забит эфир с утра до вечера — говорят про войну в Ираке. Так что там знают все, а мы ничего.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Позвольте мне сказать в заключение пару слов. Я нахожу то, что здесь сейчас говорилось, в высшей степени интересным. Честно говоря, я не ожидал, что так получится. Я ставлю проблему не так: что нужно делать, чтобы спасти мир и т. д. Это все очевидно. Я ставлю проблему так: что можем сделать мы, участники сегодняшнего заседания Клуба, чтобы внести свой вклад в дело, в котором мы все едины. Я не вижу никаких серьезных расхождений между тем, что говорилось. Все говорили, все били в одну точку, но с различных сторон. Я думаю, что надо приложить усилия, чтобы

напечатать это как можно быстрее. Надо приложить усилия, чтобы распространить как можно шире то, что мы здесь говорили. Это и есть дело.

Я полностью согласен с тем, что говорил В. М. Межуев. Действительно то, что мы можем сделать, — это наши мозги, наше соображение. В этом и состоит наше профессиональное дело, на то мы и интеллектуалы, чтобы думать. Нельзя недооценивать интеллектуальный фактор. Я вообще считаю, что главным оружием у нас, у России, у русских, осталось интеллектуальное преимущество перед нашим противником. Интеллектуальный уровень, интеллектуальный потенциал нашего противника очень невысокий. Юрий Иванович здесь говорил, что там используются лучшие умы нации. Я тоже выступал в 20 лучших университетах США много раз. Должен сказать, что на мои лекции ходили студенты старших курсов, молодые аспиранты, преподаватели. Не было ни одного американца. Я имею в виду не коренного американца, а белых. Были корейцы, китайцы, японцы, индусы, меньше было людей из Западной Европы.

Я проводил исследования в Институте социологии в Чикаго, тогда еще был жив Алан Блум. Я только идеи подавал, а исследования делали они сами. Итог такой: если на один год Америка замкнется, прекратится приток интеллекта со стороны — там наступит полная катастрофа.

В дополнение к тому, что вы говорили об образовании. Когда я работал в США, вышла книга ректора Гарвардского университета «Выживет ли Америка?» по американской системе образования. Там прямо говорилось, что если не будет изменена система образования, и если она не будет реформирована по советским образцам, то Америка погибнет. Алан Блум тогда выпустил книгу об

американском образовании с такими же выводами. Я видел своими глазами это образование. Сейчас если уж реализовывать наш интеллектуальный потенциал, то действительно надо начинать буквально с нуля, с самых основ, с системы образования. И отстаивать ее нужно буквально так, как мы отстаивали нашу страну, кидаясь на амбразуру, потому что бьют в самое главное. Бьют в наш интеллект. Еще немного — и его разрушат. Тогда Россия никогда не поднимется.

Хочу вас поблагодарить за участие в этом заседании. На этом закончим.

217

Десятое
заседание

Тема: «Высшее образование для XXI века»

23 июня 2003 года

Московский гуманитарный университет

Десятое заседание

23 июня 2003 года,

Московский гуманитарный университет

Тема: «Высшее образование для XXI века»

Присутствуют:

Члены Русского интеллектуального клуба

Зиновьев Александр Александрович — президент РИК, доктор философских наук, профессор.

Ильинский Игорь Михайлович — вице-президент РИК, доктор философских наук, профессор, ректор Московской гуманитарно-социальной академии.

Алешкин Петр Федорович — писатель, секретарь Правления Союза писателей России.

Болдырев Юрий Юрьевич — государственный деятель.

Данилин Юрий Валерьевич — главный редактор журнала «Сумма технологий».

Журавлев Юрий Иванович — академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАЕН, член Испанской королевской академии, директор Института кибернетики РАН.

Михайлов Игорь Алексеевич — вице-президент РИК, политический обозреватель «Голоса России», политолог и публицист.

Фурсов Андрей Ильич — кандидат исторических наук, директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН.

Шершнев Леонид Иванович — президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации по безопасности, генерал-майор запаса.

Приглашенные эксперты:

Долженко Олег Владимирович — главный редактор журнала «Alma mater: Вестник высшей школы», доктор философских наук, профессор.

Зыков Михаил Борисович — президент Европейской электронной библиотеки, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института семьи и воспитания Российской академии образования, доктор философских наук, профессор.

Луков Валерий Андреевич — заместитель ректора МГСА по научной работе, заведующий кафедрой социологии молодежи Высшей гуманитарной школы (Щецин, Польша), доктор философских наук, профессор.

Межуев Вадим Михайлович — главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры культурологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор.

Пигров Константин Семенович — заведующий кафедрой социальной философии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

Резник Юрий Михайлович — директор Центра социально-гуманитарных исследований и новых образовательных технологий

Московского гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института человека РАН, доктор философских наук, профессор.

Сапронов Владимир Владимирович — директор Института безопасности жизнедеятельности школа/вуз.

Шендрик Анатолий Иванович — заведующий кафедрой культурологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор.

Юдин Борис Григорьевич — директор Института человека РАН, член-корреспондент РАН.

Стенограмма заседания

Председательствует А. А. Зиновьев

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Уважаемые коллеги! Я думаю, что мы можем начать заседание Клуба.

Повестка дня:

1. Обсуждение темы «Высшее образование для XXI века».

Предполагается два предварительных сообщения, вокруг которых будет проходить дискуссия: Игорь Михайлович Ильинский «Образовательная революция»; Константин Семенович Пигров «Высшая философия образования в России: подходы и проблемы».

2. Разное.

Слово для выступления имеет Игорь Михайлович Ильинский.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Уважаемые коллеги, во-первых, я хотел поблагодарить тех, кто принимает участие в нашем заседании, не только членов Русского интеллектуального клуба, но и приглашенных в качестве экспертов. Я сердечно приветствую вас в стенах нашего вуза, сегодня уже Университета. С 11 июня мы — Московский гуманитарный университет.

Теперь по поводу доклада, который поименован довольно амбициозно — «Образовательная революция».

Уважаемые коллеги, в названии темы нашей дискуссии есть два ключевых слова «век» и «образование». Каждое из них безмерно глубоко по своему смыслу. Тем более сложно рассуждать о них во взаимосвязи. Но, на мой взгляд, это абсолютно необходимо, если мы действительно хотим понять сущность происходящего ныне в целом с человечеством и в частности с образованием, которое является непосредственным предметом нашей дискуссии. Мы поставили вопрос так глобально: образование для XXI века. Для *века*. То есть мы хотим не просто описать наши пожелания и представления о том, каким может быть высшее образование в разворачивающемся столетии, но и показать, каким оно *должно стать*.

Но должно стать — для чего? Чтобы обслуживать развитие в том виде, как оно, это развитие, уже обозначилось и проистекает, или же стать средством перемен и избавления от тех пороков и язв, которые накоплены и унаследованы нами в ходе всего предшествующего развития? Но тогда возникает следующий вопрос

— вопрос о том, как мы смотрим на XXI век с точки зрения настоящего и будущего.

Ведущие ученые и мыслители мира, философы, историки, социологи, геополитики, в том числе русские, в частности президенты нашего клуба Н. Н. Моисеев, А. А. Зиновьев, — уже давно утверждают, что в XXI веке человечество вступило в самую опасную пору своего развития. Такой ситуации, как ныне, не было еще никогда. На грани катастрофы находится не отдельная страна или отдельный народ, а все человечество. Я не стану доказывать эту истину — она как бы принята, во всяком случае, в нашем Клубе. Оснований для такого вывода более чем достаточно. Они общеизвестны.

Первая и главная проблема современной футурологии состоит не в том, что будущее крайне трудно прогнозировать, а в том, что будущего может просто не быть. Вообще никакого. Тех, кто придерживается такого взгляда на происходящее, многие, в том числе власть предержащие, с иронией именуют «алармистами», а их сценарии — апокалиптическими или просто страшилками. Так говорят люди, которые не способны мыслить масштабно, видеть и понимать мир не фрагментарно, а во всей его целостности, люди, которые не могут смотреть на происходящее объективно, реалистически, а не с точки зрения экономической выгоды или политических интересов. В свою очередь, мы можем назвать их рыночными фундаменталистами, фанатиками монетаризма, людьми, не способными мыслить государственно, ответственно. Я убежден, что прогноз будущего должен быть направлен на выявление самого худшего, что может произойти, на выявление самых грозных испытаний, которые могут обрушиться на нашу страну и все человечество.

Как же охарактеризовать нынешнее положение дел в мире с точки зрения сущности, т. е. предельно обобщенно и кратко? На заседаниях нашего Клуба мы пришли к заключению, что мир находится в состоянии мировой войны нового типа, рискуя при этом в любой момент сорваться в войну горячую, ядерную. Иначе говоря, мир на грани выживания, на краю физического самоуничтожения. Вот два слова, которые, на мой взгляд, раскрывают ситуацию: выживание и самоуничтожение. Главная проблема XXI века — это выживание. Отсюда и главная задача человечества в XXI веке — остаться живым, выжить. Все остальные цели и задачи, как бы прекрасны и благородны они ни были, отпадают сами собой: чтобы жить, надо быть живым.

Но даже тот, кто согласится с такими умозаключениями, вправе спросить: причем тут образование? Уместнее было бы говорить о политике, экономике. Во всяком случае, так принято, так логичнее и очевиднее. Образование, конечно, играет свою роль, но в ряду других факторов. Дело, однако, в том, что в ряду других факторов образование все же стоит на первом месте, что я попытаюсь показать в своем сообщении. Извините, что я иногда буду касаться некоторых банальных вещей, но присутствующие все-таки в разной степени погружены в проблему.

Давайте, взглянем на образование в самом широком контексте человеческой эволюции, ибо если мы станем рассматривать проблему образования саму по себе только сообразно логике и содержанию образовательного процесса, как проблему чисто педагогическую, то мы не сможем сказать по этому поводу ничего значительного и тем более нового. Глобальный подход к вопросу о природе образования — вот чего я хочу коснуться.

Если исходить из того, что человек есть продукт эволюции живой природы, а не творение Всевышнего, то это значит, что ментальные способности, познание и знания человека, в конечном счете, направляются механизмами органической эволюции. Породив человека как живое существо, стремящееся выжить и продолжиться как вид, природа на протяжении тысячелетий принуждает его находить способы выживать путем приобретения опыта, навыков и знаний. Природа постоянно держит человека в пограничной ситуации — между жизнью и смертью, стихийно и совершенно безальтернативно учит и дает возможность учиться выживать, причем за свой счет. Природа, в том числе, учит человека знать пределы по отношению к себе, в частности знать пределы отношения человека к человеку как к части природы, жестоко карая его, если он переступает эти пределы. Уроки, которые преподносит человечеству окружающая среда, свидетельствуют именно об этом.

Итак, природа — это первый Учитель и главный Университет человека. Несомненно, что способности, самосознание, язык, мораль *Homo Sapiens* теснейшим образом связаны с процессом естественного отбора, с поисками способов выживания и воспроизводства. В этом смысле всю историю можно представить как историю выживания человечества в целом, а не только как историю борьбы отдельных особей и индивидов, групп и народов, в которой побеждали, приспособлялись и развивались те из них, которые обладали необходимыми и достаточными для выживания качествами — физическими, интеллектуальными, моральными, духовными.

Вот еще одно из ключевых слов и понятий, которое мы должны принять во внимание, рассуждая об образовании, — качество человека во всем многообразии значения этого понятия. Но

в данном случае я хочу сделать сильный акцент на том обстоятельстве, что человечество проходило в своем становлении и развитии не только индивидуальный и групповой отбор, в котором поначалу побеждал сильнейший физически, а лучше сказать: это был отбор также на интеллект и моральность. Человечество выживало благодаря тому, что, в конечном счете — несмотря на его кровавую историю — побеждала точка зрения, которая способствовала продолжению жизни, улучшению условий бытия, полноте и качеству жизни. Именно поэтому человечество и прогрессировало, и именно духовные и нравственные императивы, которые мучительно вырабатывались в ходе человеческого развития, были той силой, которая противостояла и обуздывала природные инстинкты и эмоции фанатов силовой борьбы и войны и поощряла миротворцев. Конечно, это просто-напросто срабатывал инстинкт самосохранения. И все же выигрывал тот, кто был умнее, кто думал о будущем и наследниках, кто способствовал воспитанию чувств, позволявших человеку, исходя из общественных моральных установлений и высших духовных ценностей, в той или иной мере контролировать свои способности, потребности, сознательно подчинять личные и групповые интересы интересам других людей и обществ.

Человечество, учившееся поначалу стихийно познавать, накапливать все больше знаний, со временем придумало организованный способ передачи знаний, морали и духа от поколения к поколению — систему образования, которую мы сегодня понимаем, по крайней мере, официально, в большинстве, как единый и целостный процесс воспитания и обучения, целью которого является создание все больших возможностей

преобразования как окружающей среды, в том числе социокультурной, так и самого человека.

Таким образом, человеческая эволюция во всем ее объеме непосредственно, в первую очередь, связана с уровнем познания и образования. Чем выше уровень науки и образования, тем выше темпы освоения природы, изменений окружающей человека среды, в том числе социокультурной. Но если мы соглашаемся с тем, что между прогрессом и образованием существует первостепенная зависимость, то необходимо признать, что такая же связь существует и между регрессом и образованием. То есть если мы сегодня говорим о глубоком и многоаспектном кризисе современной цивилизации, о том, что человечество поставило себя на грань физического самоуничтожения, то это значит, что прежде и задолго до того, как сложилась такая ситуация, до того, как мы поняли и признали этот факт, начался и произошел глубочайший кризис в системе образования ведущих стран мира, приведший к трагическим изменениям в содержании и формах мышления, ценностных ориентациях и морали народов тех стран, которые задают направление развитию всего человечества, то есть направление эволюции. Скорость, масштабы и глубина перемен в условиях жизни и труде ныне столь велики, что ум и сознание человека и общества уже не успевают к ним хотя бы приспособиться, не говоря о том, чтобы в полной мере осознать и управлять ими. Итог — кризис понимания происходящего и как следствие — нарастание хаоса и абсурда во всех сферах жизни и на всех уровнях управления вплоть до глобального. Все более заметны симптомы снижения моральных начал в поведении и деятельности как отдельных людей и групп, так и целых народов и государств. Дикие масштабы принимают насилие, агрессивность, экстремизм, террор и терроризм,

преступность, проституция. Все более явно дают себя знать тенденции псевдокультуры и даже антикультуры, которые уже захватили основную часть молодежи Запада, а теперь и России. Но что означает снижение этической планки и общекультурного уровня широких народных масс? Это означает понижение качеств человечества, которые, как мы говорили выше, необходимы для его выживания. И это происходит в ситуации, когда проблема выживания стала проблемой № 1 и остра как никогда в истории.

О том, что образование в мире, на Западе находится в глубоком кризисе, известно давно. Еще в 1965 году премьер-министр Франции Жорж Помпиду публично заявил, что система образования Франции, — а во Франции, как и в России полагают, что это лучшая система образования — так вот Помпиду заявил, что система образования, особенно среднего, обнаружила неспособность к эволюции и базируется в значительной мере на основах, заложенных иезуитами в XVII веке и лишь несколько измененных в конце прошлого (т. е. XIX) столетия. В 1968 году вышла книга Кумбса «Мировой кризис образования». В 1983 году Национальная комиссия США по проблемам качества образования представила обществу доклад «Нация в опасности» с мрачными выводами и прогнозами, в котором, в частности, говорилось, что США совершили «акт бездумного образовательного разоружения», что существующее качество образования «несет угрозу будущему государства и народа».

Давайте посмотрим, что же в самом общем виде происходит в сфере высшего образования, особенно в новейшее время.

Определяющими тенденциями являются специализация, массовизация, экономизация. Все эти тенденции имеют под собой, безусловно, объективные основания и положительное и большое

значение. Однако сейчас позвольте обратить внимание не на позитивные, а на негативные последствия этих процессов.

Специализация в высшем образовании — это следствие научно-технической революции. Известно, что специализация в технике, экономике и финансах становится все более углубленной, узкой, заставляет организаторов образования изыскивать дополнительные учебные часы за счет сокращения гуманитарных наук — философии, истории, социологии и т. д. По сути дела вузы превращаются в высшие ремесленные школы, особенно технические, которые готовят ремесленников, которым трудно понимать смысл общественно-политических процессов в мире и в собственной стране, разбираться в программах партий и группировок и т. д.

Но что такое по сути своей гуманитарно необразованный человек? Такой человек, в конечном счете, не может занимать самостоятельную и осмысленную гражданскую позицию, проявлять гражданскую активность. Это прекрасный объект для идеологических и политических манипуляций. Это функционер, это слепой исполнитель. Это будет грубо, но можно сказать — это будет специально и хорошо образованный раб. Узкая специализация в условиях НТР по сути дела обернулась дегуманизацией образования, массовизацией. С 1986 по 2000 год, всего за 15 лет, количество студентов в мире выросло с 13 до 86 миллионов человек, т. е. в 6 раз. Итог массовизации — резкое падение качества высшего образования, нарастание функциональной неграмотности, т. е. количества людей, которые закончили вузы, но не способны эффективно выполнять свои как трудовые, так и гражданские обязанности. Дело тут не только в том как — хорошо или плохо — организован в том или ином вузе образовательный процесс, а в

резком снижении качества «исходного материала» — абитуриентов, которые становятся студентами. Например, в 2001–2002 годах в России из 1 миллиона 100 тысяч выпускников в вузы поступили более 90 процентов. И дело опять-таки не в том, как они учились и как их учили в школе, а в том, что многие из них, если не большинство, в силу своих исходных данных не мотивированы и не способны к высокоинтеллектуальной деятельности. Людей с дипломами о высшем образовании, кандидатскими и докторскими степенями, в том числе просто купленными за деньги, людей, повторяю, функционально неграмотных сегодня в мире и в России уже весьма много и становится все больше, в том числе в структурах власти и управления вплоть до высших органов. Отсюда нарастание ошибочных решений, творящих разрушительство, хаос, абсурд.

Экономизацию образования — третью тенденцию — можно понять только в том случае, если согласиться с тем, что образование — это поле идеологической и политической борьбы. Образовательная политика, так или иначе, в большей или меньшей мере диктуется интересами правящего класса. В странах Запада и в сегодняшней России правящий класс — это класс капиталистов. Дело не только в том, что социальная элита создает для себя привилегии в этой сфере: элитарные учебные заведения или отправляет своих детей на учебу в престижные вузы других стран — тут ничего особого нет. Образование — это поле борьбы за овладение умами и сознанием новых поколений. Да, взятый по отдельности каждый капиталист нуждается в квалифицированных и лояльных работниках. Это нормально. Вопрос о том, кого и чему учить, что и сколько знать в этом случае, имеет ключевое значение. Однако первой и главной заботой капиталиста были и остаются заботы о прибыли и сокращении издержек.

Под влиянием этого доминирующего обстоятельства изменялись и изменились взгляды на миссию и само понятие образования, на роль и значение знания, трансляция которых от производителя науки к человеку по нынешним представлениям составляет главную и единственную задачу образования. Взгляд на знание и образование через призму прибыли и денег привел к тому, что предпочтение стали отдавать, так называемым, практически полезным знаниям. Значение гуманитарного человекообразующего знания, с этой точки зрения, упало в цене. Знание все больше обретало и обрело уже во многом значение товара, а образование, утрачивая свою универсальную человекообразующую функцию, все больше становится одной из отраслей экономики, соотносясь с ней как часть с целым и, следовательно, подчиняясь ее целям и задачам, тенденциям и законам ее развития. Сегодня догмой стало положение о том, что экономика первична, а образование вторично. Отсюда тезис: поднимем экономику — возьмемся за образование. Отсюда тенденция на сокращение государственных расходов на образование.

В сумме своей специализация, массовизация и экономизация образования в качестве главного отрицательного следствия ведут к его примитивизации. Образование уже во многом утратило свою человекообразующую функцию, возвышающую и развивающую качества человека и, прежде всего, моральные и духовные, которые необходимы ему для выживания, и продолжает ее утрачивать. Все более примитивное образование образует все более примитивного человека, не способного охватить умом происходящее и направлять эволюцию к выживанию, а не к гибели, как это происходит сейчас. В общем и целом, кризис образования породил кризис понимания. И это приговор существующей системе образования, ибо конечным

результатом, итогом образовательного процесса является не знание само по себе, а понимание, к которому это знание должно вести.

В общем, нет ничего ненормального в том, что мы многое не знаем и не понимаем, особенно в резко ускорившемся и усложнившемся мире. Это нетрудно объяснить и понять. Проблема в том, что массовизация образования породила массовую иллюзию всезнайства и всепонимания. Среднестатистический человек с дипломом о высшем образовании не может допустить даже мысли о том, что он чего-то не понимает, он просто не понимает, что он не понимает. Что уж говорить о тех, кто занимает руководящие посты, имеет дипломы разного рода. Мы с вами являемся свидетелями того, насколько не востребованы знание, наука, образование в высших эшелонах власти.

Во всех странах Запада идут бесконечные реформы образования. На протяжении всей второй половины XX века мы были свидетелями этого. Но эти реформы не приносят ожидаемых результатов. Звучат заявления о том, что школы и вузы абсолютно не реформируемы и, прежде всего, дескать, из-за того, что учителя и преподаватели крайне консервативны. Бывает и такое. Но, на мой взгляд, главное дело не в этом. Дело в том, что абсолютное число реформаторов ищет выход из сложившегося положения в рамках существующей парадигмы развития общества и вытекающей из нее парадигмы образования. И потом: что такое реформа? Это содержательное и формальное изменение системы при сохранении ее прежних качественных оснований. Тем более, ничего нельзя добиться путем модернизации, то есть просто обновления отдельных аспектов старого.

Между тем кризис образования кроется именно в его основах. Бессмысленно говорить о качестве образования, если нет четкого

определения его миссии и конечной цели. В свою очередь невозможно добиться совершенного образования, если порочны сами принципы и основы общественного устройства. В плохом обществе не может быть хорошего образования. Но в то же время нет иного способа построения нового общества иначе как через новую систему образования, конечной целью которого является новый человек с новыми ценностями, новой моралью и новыми качествами характера. Иначе говоря, необходимы фундаментальные, радикальные перемены в основах общественного устройства.

Осознается ли это обстоятельство мировым сообществом? Да. Повестка на XXI век, принятая Международной конференцией ООН «Окружающая среда и развитие» в 1992 году в Рио-де-Жанейро, пожалуй, главное свидетельство этого. Подписи 179 глав государств и правительств под этим документом, в котором говорится, что прежняя парадигма развития человечества исчерпала себя полностью и окончательно, что следовать прежним путем губительно для планеты; что необходима новая парадигма развития, и в качестве таковой была предложена идея, так называемого устойчивого развития. Все эти и другие факты свидетельствуют о том, что катастрофичность ситуации и необходимость радикальных перемен понимается.

Но дело в том, что призыв к коренной ломке существующего мирового порядка обращен к тем, кто этот порядок строил и строит, кому он выгоден и необходим, кто в сущности не откажется от него никогда. Конференция ООН по проблемам устойчивого развития, которая прошла в прошлом году в Йоханнесбурге, отметила, что за прошедшие с 1992 года 10 лет в мире практически ничего не изменилось к лучшему, что все идет по прежней схеме. Хотя, на мой взгляд, это не совсем так. В мире идет коренная ломка, можно

сказать, революция с целью установления нового мирового порядка в интересах группы высокоразвитых стран, возглавляемых США. Мы об этом многократно говорили на наших заседаниях. Руководство этих стран понимает опасности, вызовы и угрозы XXI века; понимает их реальность для жизни человечества. Однако, формула ООН: или выживем все, или не спасется никто — их не устраивает. И потому даже на грани гибели, в крайней ситуации выживания они делают ставку на эволюционный принцип естественного отбора: выживает сильнейший. И мы видим, как эта политика действует: Югославия, Афганистан, Ирак и т. д.

В этом смысле идея устойчивого развития в ее истинном смысле выглядит, конечно, утопичной. Ей противостоят оружие и власть, деньги, неограниченные никакой моралью, — одним словом, грубая сила. Сегодня эта сила торжествует. Но, на мой взгляд, в этом все-таки нет безысходности. В свое время даже такой гениальный силовик, как Наполеон Бонапарт не без досады заметил, что всякий раз, когда встречается ум и сила, то, в конце концов, победа остается на стороне ума. Необходимые радикальные перемены в общественном устройстве и жизни в этой ситуации должны произойти именно со стороны ума, науки и образования. Власти денег и силе власти надо противопоставить силу нового гуманитарного знания, новых социальных идей, перемен массового сознания, понимания людьми смысла и сущности происходящего в мире и в России, да и в самих Соединенных Штатах, которые являются источником этой мировой неустойчивости.

Во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века, принятой ЮНЕСКО в октябре 1998 года в Париже, говорится, что в связи с необходимостью «культурного, социально-экономического и экологического устойчивого развития

человечества, наций и сообществ перед высшим образованием встают грандиозные задачи, требующие его самого радикального преобразования и обновления, подвергать которому его еще никогда не приходилось». Здесь нет самого слова «революция», но сказанное в полной мере отвечает его смыслу. Что такое революция? Революция — это наиболее концентрированное, максимально быстрое, глубокое, т. е. именно радикальное обновление явления, открывающее ему небывалые до этого возможности самоосуществления. Это смена качественной, сущностной, целостной определенности, это скачок, перерыв постепенности в изменениях, преобразование сути; смена оснований и системного характера предмета в целом.

Вопрос не в том, что кому-то хочется преобразовательной революции. Дело в том, что она вызрела, на мой взгляд, что она уже неизбежна. Человечество не только поставило себя на грань гибели, но и загнало в цейтнот. На постепенные, эволюционные перемены уже просто нет времени. Вдумайтесь в такие цифры и факты: за последнюю треть XX века человечество израсходовало треть конечных, невозполняемых богатств Земли. Если не будут предприняты экстренные меры, к середине XXI века будет использована вся наличная пресная вода. Проблема конечных земных ресурсов сегодня заняла первое место в списке приоритетов американского руководства. Перемены в мышлении, в сознании, в моральных и духовных ценностях должны произойти, таким образом, на предельно коротком отрезке исторического времени: за 2–3 десятилетия, революционно.

Главный момент образовательной революции — это смена консервативно-эволюционной образовательной парадигмы на прогрессивно-революционную, базирующуюся на новой парадигме

устойчивого развития. Образовательная парадигма, о которой я говорю в своей книге «Образовательная революция», включает в себя несколько основных идей и подходов. Я назову некоторые из них: это новый взгляд на миссию образования в XXI веке, это новый взгляд на предметы конечной цели образования, это новый взгляд на уровни образования, это новый взгляд на роль социально-гуманитарного знания и это новый взгляд на учебные цели и средства их решения.

Несколько слов в порядке пояснения двух-трех идей из этого перечня. Прежде всего, о новом взгляде на образование и на его миссию в обществе. Они во многом противоположны существующим представлениям. Если ныне действующая парадигма рассматривает образование как непроизводственную отрасль общественной жизни, которая только потребляет созданные в других отраслях материальные и духовно-нравственные ценности, в частности знания, то в новой парадигме образование видится как *самоценность*, провозглашается сферой производства высшей ценности и главного капитала — человека во всей полноте его свойств и качеств как гармонично и всесторонне развитой личности, а не только специалиста. При этом сами школы (общая, высшая) должны все более становиться местом производства духовно-нравственных ценностей, в частности знаний. Традиционная парадигма отводит образованию роль подсобного средства в решении разных и, прежде всего, экономических задач. Отсюда приоритеты, как я уже говорил: поднимем экономику — возьмемся за образование. Отсюда остаточный принцип финансирования, отсюда взгляд на образование как на средство адаптации новых поколений к существующей действительности, средство закрепления сложившейся социальной структуры общества.

Я думаю, что настоящим полем битвы как отдельных стран, так и всего человечества за свое будущее должны являться не географические (по крайней мере, не только и не столько географические) пространства, источники сырья и энергии, а человек, еще не приобретший до конца, но уже утрачивающий те качества, которые способствуют выживанию; человек, прежде всего в его интеллектуальном и духовно-нравственном измерении. Необходимо формировать новую этику, новые духовные ценности, новые потребности, а не просто адаптировать человека к требованиям рынка и жизни, как это происходит сегодня, и в чем абсолютно уверены очень многие из тех, кто учит детей и студентов.

Следующий пункт новой парадигмы — изменения в предмете образования. Традиционно знаменитый ЗУН (знания, умения и навыки), конечно, не устраняются. Без знаний нет образования. Но, как известно, многие знания в эпоху НТР устаревают так быстро, что студент, не успев получить диплом, оказывается в положении малознайки, а то и незнайки. Человечество подошло к такому моменту своего развития, когда оно не успевает осознавать происходящее и адаптироваться к нему. Дело не только и не столько в количестве знаний, которыми владеет человек. Давно известно, что многознание уму не научает. На первый план в высшем образовании, на мой взгляд, вышла проблема понимания. Это значит, что пониманию надо учить. Что значит понимать? Что значит учить и как учить пониманию? Я не говорю сейчас об этом. Это отдельная тема. Мне ясно одно: вуз должен через знание развивать мышление до стадии понимания. В этом и состоит назначение высшей школы. А если мы выпускаем в жизнь людей, наспигованных специальными знаниями, но не способных разобраться в происходящем, — это не высшее образование.

Третий пункт новой парадигмы — новый взгляд на роль социально-гуманитарного знания. Мы так привыкли к аббревиатуре НТР, что не особо задумываемся над ее полным смыслом. Но ведь НТР — это лишь научно-техническая революция, но не научная со всех сторон. Например, не научно-гуманитарная. В этой сфере, в сфере гуманитарного знания, в XX веке никакой революции не было и нет. В отношении себя и общества человек до сих пор все еще поразительно нелюбознателен. Поэтому и в понимании самого себя, в своем развитии, в частности, развитии своих творческих способностей он мало продвинулся. А представим себе, каких грандиозных высот во всех направлениях могло бы достичь человечество, если бы человек сумел использовать хотя бы 30–40, а не 5–10 процентов своего интеллекта, как это происходит сегодня. Но эти самые 5–10 процентов ума были направлены в основном на овладение внешним миром, а не на собственное самопознание и саморазвитие. Между тем, идеи гуманизации и гуманитаризации уже поседели от времени, уже давно идут разговоры о человеческой революции.

Есть еще некоторые идеи, которые можно отнести к разряду революционных для образования, но я не говорю о них из-за недостатка времени.

Уважаемые коллеги, в одной из рецензий, которые выходят сейчас на мою книгу «Образовательная революция», авторы, оценившие эту книгу весьма и весьма доброжелательно, тем не менее заметили, что все-таки, как они пишут, это «чегеварство» и «донкихотство» — говорить об образовательной революции. Но, конечно, это тоже неплохо — значиться, донкихотах, но хотел бы заметить, что я человек далеко не наивный. Конечно, немножко романтик, но и прагматик. Каждый день с утра до ночи в течение вот

уже 10-ти лет я занимаюсь как ректор совершенно конкретными практическими делами. Идея о необходимости образовательной революции пришла в мою голову совсем не от безделья и не от желания поразить кого-то необычным словосочетанием. Я убежден, что необходимость смены парадигмы развития и, следовательно, выработки новой парадигмы образования, влекущей за собой образовательную революцию, давно назрела. Весь вопрос в том, как быстро мы это осознаем. Для этого надо писать, говорить, спорить. Я надеюсь, что некоторые основания для этого я дал и своей книгой, и своим выступлением. Извините за пространность моего выступления.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Я думаю, что сейчас будут краткие вопросы к докладчику и краткие ответы. Обсуждать будем потом. Какие будут вопросы?

В. В. САПРОНОВ

Не могли бы Вы указать некие конкретные шаги по решению тех проблем, которые Вы перед нами обрисовали? Ваши предложения по конкретным практическим шагам.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Видите ли, мы живем в определенной системе отношений. Поэтому, с одной стороны, ты размышляешь о том, как сделать так, как тебе хочется сделать, а, с другой стороны, жизнь заставляет и вынуждает жить по тем правилам, которые существуют. Поэтому существует некоторый разрыв между тем, что мне хочется и может быть.

В практической жизни в нашем вузе мы делаем некоторые шаги в направлении реализации этих идей и, прежде всего, идей

гуманитаризации. Я могу сказать, что мы давно и последовательно занимаемся проблемой качества образования. Но этим сейчас занимаются все и говорят об этом все. В прошлом году, например, мы детально проанализировали, есть ли возможности сделать вузу что-то такое, что не предсказано и не определено государственным образовательным стандартом. При подробном рассмотрении оказалось, что есть. И поле для маневра значительное: по некоторым специальностям мы на 30–70 процентов не регламентированы так жестоко, как предписывает госстандарт. Это дает нам возможность действовать по своему усмотрению. Мы поставили такие задачи. Сейчас по тем специальностям, которых около двадцати в нашем вузе, мы пытаемся насыщать нашу учебную плановую программу такими предметами, дисциплинами, которые помогли бы решению этой проблемы. У нас и так гуманитарный вуз, но по целому ряду дисциплин (по экономике, рекламе и т. д.) много специальных дисциплин. Мы пытаемся дополнить такими, которые расширят сферу гуманитарного знания. Это то, что касается нашего вуза.

Я являюсь президентом Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области. Уже два года я последовательно гну линию к тому, чтобы то же самое делалось в других негосударственных вузах Москвы и Московской области (это около 200 вузов). Я вообще думаю, что наибольшие возможности в решении задач, о которых я говорил, имеют негосударственные образовательные учреждения, ибо у них просто маневр больше, чем у государственных, меньше регламентаций.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Какие еще вопросы? Прошу.

М. Б. ЗЫКОВ

Вы предлагаете образовательную революцию. Обычно в социуме революция в одной сфере так или иначе сопровождается революцией в других, по крайней мере, соседних областях. Для образовательной революции — какие другие сферы общества надо проанализировать, по Вашему мнению, или можно обойтись одной спокойной бархатной революцией внутри образования?

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Да нет, конечно. Я уже об этом говорил. Это не мои убеждения. Здесь мало моего. Я в основном обобщаю и преподношу в обобщенном виде идеи и предложения, которые уже сформулированы в мировом сообществе и в российском тоже. Скажем, идею устойчивого развития. Если ее реализовать последовательно и хотя бы в той полноте, в какой она обозначена и сформулирована, это, в сущности, мировая революция. Нравственный императив, разработка новой этики — это же не мной придуманные вещи. Это говорится в документах Рио-де-Жанейро и Йоханнесбурга, где образование и воспитание стоят на первом месте. Поэтому я полагаю, что эти две главные революции должны произойти, должны произойти радикальные серьезные перемены в общественном устройстве, в понимании, куда идти миру, в каком направлении развиваться. Образование здесь выступает в качестве цели и средства. Так я это понимаю.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Нет больше вопросов?

Слово имеет Константин Семенович Пигров.

К. С. ПИГРОВ

Прежде всего, я бы хотел поблагодарить за приглашение на это высокое собрание. Хотя боюсь, что не вполне оправдаю надежды, потому что то название, которое было мне предложено, у меня преобразилось в совсем иное. Это, скорее, будет философия российского образования или русская философия образования. Конечно, я начну с некоторых общих мест, очень существенных, мне кажется.

Надежда России — не на исключительные природные богатства. А надежда России на духовное богатство — интеллектуальное и эмоциональное.

Что же касается революции в образовании, о которой мы слышали, то я, честно говоря, не придаю ей того исключительного смысла, какой был озвучен в докладе Игоря Михайловича. Конечно, революция в образовании есть. На мой взгляд, суть этой революции в образовании, которая происходит сегодня, заключается в переходе от машинопечатного слова к компьютерному. Вся система образования преобразовывается в том плане. Но это все на поверхности. Помните:

Глубокие воды тихо текут,

Мудрые люди тихо живут.

В глубине дело с образованием в мировом масштабе, да и в России, прекрасно. Потому что, когда я гляжу в глаза первокурсников философского факультета, то я вижу тот духовный огонь, который горит в человечестве уже три тысячи лет. Это тот огонь, который горел в глазах Гераклита, Исаяи и Заратуштры. Но, конечно, он не во всех глазах горел и в прежние времена.

Образование — это не тотальная вещь. Образование — это дело счастья избранных.

Что делать? Таков практический вопрос, который Вы поставили. Что же делать? Вспомните, как В. В. Розанов говорит: если лето, то собирать ягоды и варить варенье, а если зима — пить чай с вареньем. Но что это означает? Это означает: надо просто по возможности хорошо делать свое дело. Мы находимся в могучем космическом потоке образования человечества, и, вообще-то говоря, по большому счету все хорошо, насколько это может быть хорошо. Но это моя реакция, и тут я перехожу к содержанию своего доклада.

Помните, чем отличаются идеалы героев Достоевского от идеалов героев Диккенса? Герои Диккенса стремятся к земному богатству. Герой Диккенса хочет накопить деньги и купить себе коттедж среди зелени, как у вас тут, и чтобы была «куча веселых детей». Вот чего хочет герой Диккенса. А чего хочет герой Достоевского. Он не думает о богатстве и о «куче веселых детей», ему надо «вопрос решить»!

Вот с этой точки зрения надо смотреть на российскую философию образования, а она, мне кажется, в этом направлении и развивается. Будучи тесно связанной с русской историософией, она возводит проблемы образования к фундаментальным вопросам мирового устройства. Это, наверное, отчасти объясняет те аспекты, которые я выбираю. В частности, сюжет русского космизма.

Я хотел бы посмотреть на человеческое образование как на формирование человечества. Как на космическое событие или как на событие макрокосмоса и микрокосмоса. Дальше я попытаюсь проследить экзистенциальный, микрокосмический смысл этой макрокосмической причастности образования.

Итак, «образование» определяется, прежде всего, как «получение систематических знаний». Но есть очень существенный омоним, тоже — якобы омоним. *Образование* Солнечной системы или *образование* биосферы Земли, *образование* человечества (антропо- и социогенез), так же как и *образование* индивидуальности, — все эти процессы по сути едины. Конечно, здесь может быть применен философский прием уточнения, ригористического уточнения понятий — возвращение к буквальному смыслу терминов вполне имеет право на существование. Но я-то напоминаю и о существовании игры с мерцающими смыслами и этимологиями. Образование как становление вообще, как результат этого становления, с одной стороны, и образование как становление человека собственно человеком в процессе знания как понимания. Эта игра, эти мерцающие смыслы, такие же, как и в других языках. Во всяком случае, это можно проследить и в немецком языке на функционировании слова *Bildung*.

Таким образом, на образование можно смотреть, во-первых, в античном плане, как на формирование, как на превращение хаоса в космос, как на внесение *параδείгмы* в хаос. Во-вторых, в библейском плане, образование предстает как радикальное возникновение нового, как генезис чего-то такого, чего никогда еще не было, как на становление *нечто* из *ничто*. Вопрос не только в том, как форма образует материю, но как образуется сама форма (в частности, и под воздействием материи). В этом плане образование — фундаментально темпоральный феномен.

Я попытаюсь рассмотреть образование во втором смысле. Образование это не только и не столько процесс «передачи знаний», уже наличных, присутствующих у Учителя, сколько по своей сути

процесс возникновения нового знания, причем нового знания не только для Ученика, но и для Учителя. Насколько я понимаю, в этой аудитории все преподаватели и все прекрасно знают это замечательное свойство процесса преподавания, потому что только в преподавании ты понимаешь то, *что* ты преподаешь.

Знание как процесс и прогресс знания осуществляется в системе образования. С этой точки зрения система образования (в чем ее великая ценность) — это гарант существования и движения знания в обществе. Я думаю, что в этом отношении ключевую роль играет именно социальный институт образования, а не социальный институт науки, как может показаться нам, жителям новоевропейской цивилизации. Именно образование и есть культура в динамике. Знание, которым владеет Учитель, сталкиваясь в процессе образовательного диалога с Учеником в определенной образовательной среде, с той стихией, которую представляет Ученик в мире, это знание Учителя превращается в некоторое новое знание и для самого Учителя, и для общества в целом. С этой точки зрения система образования представляет креативный институт.

Я по инерции говорил, что образование — это процесс, процесс знания. Но не точнее ли здесь употребить слово «эксцесс»? Образование — это эксцесс, в котором обнаруживаются хтонические стихии, где все время слышатся глухие раскаты ворчания Хроноса. Этот Хронос в данном случае пожирает не своих детей (Учеников), а родителей (т. е. Учителей), он пожирает самоуверенность и самодовольство. Хронос вселяется в Учеников и пожирает Учителей.

Так называемый «процесс трансляции знаний» (помимо воли Учителей и Учеников) есть эксцесс, где возникают новые результаты, которых никто не ждал, которых нельзя было

предвидеть заранее. В конечном счете, получается, что Учитель *транслирует* такие знания, которые *новы* и для него самого. Помните, как говорил К. Маркс: «Дети воспитывают своих родителей».

Анатомия возникновения нового знания в этом эксцессе может быть как-то рационализирована. Во-первых, это лежащий на поверхности процесс обучения как целе-средственный процесс, как уже упомянутое внесение формы в материю. Ставятся цели и подбираются соответствующие (дидактические, например) средства. Во-вторых, это можно назвать процессом осмысления или процессом понимания, когда полученные в процессе обучения знания попадают в реальную социальную среду и обретают дополнительные смыслы, которые не были предусмотрены учебным планом.

Цели образования, поставленные в начале процесса обучения, строго говоря, никогда не достигаются, по крайней мере, не для всех. Результаты образования могут быть «выше» или «ниже», но не те, которые задумывались.

Очевидно, что односторонняя сайентификация образования — тупиковый путь новоевропейской цивилизации. Новоевропейская идея профессии (*Beruf*) исторична и конечна. Образование не может быть сведено только к формированию профессионалов.

Отсюда неизбежный трагизм образования с точки зрения достижения заранее поставленных целей. Это трагизм, который принимает иногда формы скандала. Кстати говоря, педагогические скандалы — это интереснейшая и малоисследованная в философском плане вещь. Помните роль скандала в поэтике Достоевского? Ученики, в которых вселился Хронос, пожирают своих Учителей, для того чтобы потом самим быть пожранными уже

своими собственными Учениками. На экзистенциальном уровне примером такого трагизма образования могут служить «Письма к сыну» графа Честерфилда. Помните, у просветителя XVIII века появляется незаконный ребенок. Общаться с ним он не может. Он может только писать ему письма. Всю свою бесконечную любовь он вкладывает в этого сына, надеясь воспитать из него настоящего просвещенного человека. А что получилось? Получилась из этого мальчика посредственность. Но эти письма, в некотором роде, воспитали, по крайней мере, весь английский XVIII век.

Образование как некая машина вроде бы должна гарантировать (я говорил «гарант») успех в образованности: получил диплом — значит ты образованный человек. Но нет — никаких гарантий! Может быть неудача. Причем это не значит, что были плохие учителя или плохая система. Это означает только то, что образование — это каждый раз индивидуальное дело или каждый раз индивидуальная авантюра, где ответственность на самом Ученике, и, конечно же, удача. В то же время это и утешает. При любой, самой плохой, системе образования возможны потрясающие индивидуальные достижения. И мы знаем тысячи тому примеров.

Образование, таким образом, если посмотреть в целом, предстает как некий растущий во времени агрегат инноваций. Это такой перманентный социогенез и антропогенез, который не естественно закончился, это постоянный эксцесс творения обществом и человечеством самого себя. Мы, цивилизованные люди, пытаемся освоить этот объективный и стихийный эксцесс, мы пытаемся связать концы с концами и добиться хоть какого-то направленного достижения целей. Здесь цивилизация создает совершенно необходимый институт формального образования, институционализированного образования (публичные школы,

университеты и т. д.). Марк Аврелий в свое время благодарил прадеда за то, что тот никогда не отдавал его в публичные школы. Внутреннее репрессивное начало в формальном образовании никуда не ушло, и в этом плане формальное образование (от слова «форма») — это антиобразование. В формальном образовании хоть и выходит на первый план «трансляция знания», трансляция наличного, она, конечно, совершенно необходимый момент, обеспечивающий стабильность общества.

Здесь, с этой точки зрения, принципиальна внутренняя связь формального образования и государства. Формальное образование есть главный рычаг создания социального порядка. Формальное образование конституирует государство, и, я скажу, что информальное образование (или культура как процесс и эксцесс) конституирует гражданское общество.

В цивилизованном обществе формальное образование разворачивается через вечный *полемос* (я бы не сказал *диалог*) интеллигенции и администрации. Полемос творческого и правящего меньшинства, которые всегда вступают между собой в более или менее явно выраженный конфликт.

В целом, конечно, формальное образование всегда присутствует в цивилизации, но это только верхушка айсберга. Основу образования составляет информальное образование. Любопытную пограничную зону составляет то, что обозначается с помощью эвфемизма «дополнительное образование». Это Дома творчества, Дворцы пионеров, всякие кружки по интересам, студии. В этих кружках информальное образование обретает некоторые более или менее устойчивые и легальные формы.

Если образование есть, в конечном счете, агрегат инноваций, то роли Учителя и Ученика в нем существенно различны. Инновация

вообще представляет собой продуцирование нового и значимого результата. В образовательном событии Ученик, даже сам того не сознавая, конечно не желая, «отвечает» за новационность, а Учитель — за значимость новации. Ученик задает «глупые» вопросы, он (неосознанно) пытается расшатать, подвергнуть испытанию существующую систему знаний. Учитель дает умные ответы (т. е. «взвешенные», социально значимые) на глупые вопросы. Он охраняет и сохраняет преемственность и, в конце концов, терпит победоносное поражение или претерпевает победу. В молодых обществах в системе образования господствуют Ученики со своими глупыми вопросами, а в старых обществах господствуют Учителя со своими мудрыми традициями и умными ответами.

Чтобы понять образование в предлагаемом аспекте как постоянный антропо- и социогенез, его следует включить в контекст техно- и ноогенеза. Игорь Михайлович уже частично это сделал. Я бы хотел напомнить, что идея техногенеза была разработана Александром Евгеньевичем Ферсманом, вклад которого вполне сравним с вкладом В. И. Вернадского. Однако судьба его идей менее счастлива, чем судьба идей Вернадского (я думаю, это совершенно не случайно). А. Е. Ферсман рассматривал техногенез как тип минералообразования, связанный с хозяйственной деятельностью человечества. В этом плане развитие техники (как составляющей научно-технической революции, о которой уже говорилось) он рассматривал как процесс, осуществляемый не в целях человека. Человек, в данном случае, выступает в техническом прогрессе всего-навсего как агент общего развития, осуществляющий этот процесс подобно тем моллюскам, которые оставили после себя гигантские меловые отложения. Они ведь вовсе не были последней целью этих

меловых отложений, а были всего лишь этапом в геологической эволюции Земли.

Технический прогресс можно (и, я думаю, следует) рассмотреть в таком плане. Образование тогда есть не сам техногенез, а, так сказать, технэгенез — формирование *технэ*, проинтегрированного по всему человечеству, т. е. формирование навыков, умений, знаний, необходимых для участия в техногенезе. Но, конечно, образование это не только формирование техносферы и ноосферы.

В связи с этим возникает вопрос о выживании. Видите, как Игорь Михайлович поставил вопрос: выживание — это последняя ценность. Я позволю себе как-то усомниться в этом. Неужели, действительно, последняя наша цель состоит в том, чтобы выжить? Мы же знаем, что человечество в процессе своего образования, в конце концов, погибнет. И образование, я думаю, образование как участие в процессе ноосферы формирует не только искусство жить достойно, но и искусство умереть достойно. Причем, если говорить обо всем человечестве в целом, образованное человечество умеет жить в присутствии будущей смерти. Вот это обстоятельство я бы хотел особенно акцентировать. Я помню, в одном американском боевике киллер философствует. Когда на него смотрят с ужасом как на профессионального убийцу, он говорит: мы же все равно умрем. И неразвитая мысль, тем не менее, содержит в себе, по-моему, весьма серьезные философские основания.

Первый макрораздел у меня заканчивается. Я перехожу к микрокосму.

Я напомню, что я исхожу из фундаментальной эквивалентности микро- и макрокосмоса. С этой точки зрения все то, что я говорил раньше, это вопрос о мотивированности образования

индивидуальности. Что заставляет человеческую индивидуальность так неистово стремиться к знанию во все времена: и во времена Заратуштры и сегодня? Я думаю, что дело в неизбывном порыве к образованию, характерному для индивидуальности, этот порыв от имманентного к трансцендентному, это стремление к единству с трансцендентным (с Богом, с Абсолютом, с предельными основаниями бытия, с объективными законами природы, общества и мышления и т. д.). Экзистенциальный смысл образования состоит в том, что только образование дает полноту бытия. Полнота бытия дается образованностью как ликующим знанием. Образованность как ликующее знание — вот тут бы я и поставил, пожалуй, значок Абсолюта. Не стремление к выживанию, а стремление к образованности как к ликующему знанию безотносительно к утилитарной практической пользе. Да, я знаю, что я умру, но я все равно стремлюсь к знанию. Человечество знает, что оно умрет, но оно все равно стремится к знанию — и не только потому, что это позволит протянуть еще лишние 200–300 или 500 лет.

В этом смысле образование всегда раскрывалось как идентификация. Ясное дело, это азбучная истина, что образование есть форма социализации человека. Но я бы сказал, что это не только социализация, но и в некотором роде космизация, понимаемая как мистическое единство с Абсолютом, как достижение тождества сознания и бытия.

Образование как космизация просто и ясно выражено в пушкинском «Пророке»:

И внял я неба содроганье
И горних ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Если таким образом смотреть на персональное образование, т. е. на образование индивидуальности, то становится ясно, что в нем всегда есть по крайней мере три вложенных друг в друга смысла: это эстетический смысл, смысл религиозный и, наконец, смысл философский. Вне этих вложенных друг в друга смыслов образования нет образованных людей, есть «образованцы», у которых сформирован рассудок, но не сформирован разум. Пафос так называемой «гуманитаризации образования» (явно выраженный канцеляризм: «гуманитаризация образования», особенно, когда у нас гуманитарный университет — гуманитаризация гуманитарного университета — хорошо звучит!) заключается, в конечном счете, в том, чтобы формировать не только рассудок, но и разум, т. е. (помните, как у Канта) дать понятие о душе, о мире в целом и о Боге.

Критерием, лакмусовой бумажкой подлинности образования, которое является не образованием только рассудка, но и образованием разума, является *отсутствие скуки*. Слово «скука» должно быть выделено специально. Оно должно быть, что называется, тематизировано. Скука должна быть раскрыта как космологическая и метафизическая категория. Скука — это возмездие, возмездие за пренебрежение целями разума во имя целей рассудка. «Скука бесконечных пространств» (перефразируем Паскаля) возникает тогда, когда мир рассматривается не с точки зрения высших ценностей, а с точки зрения утилитарных потребностей. В сущностном измерении скука царствует «в мире как мастерской», несмотря на внешнюю «занятость» и даже «увеличенность», но скуке нет места «в мире как в храме», хотя современный человек по причине своей недостаточной образованности, по причине своего неумения молиться, скучает именно в храме, а в мастерской он всегда найдет себе развлечение.

Конечно, сказанное выглядит несколько абстрактно, поэтому я бы хотел в заключение коснуться некоторых более конкретных технологий, с помощью которых возможна активизация индивидуальностей в обнаружении ее высшей предназначенности к образованию. Я укажу здесь только на те технологии, которые неоправданно остаются в тени. Слово-то какое — «технология»! Но оно тут употребляется, как вы понимаете, в ироническом смысле.

Итак, первая технология из этих оставшихся в тени. Это технология «интимного дневника». Интимный дневник — это удивительное место, где познание и сознание конкретно превращаются в самопознание и самосознание. С помощью интимного дневника человек превращается в индивидуальность, вступающую в общение с трансцендентным. Поразительно, что наше общество боится дневника. Оно боится дневника, я думаю, в связи со своим тоталитарным наследием, где дневник всегда предстает как донос на самого себя. Когда я делаю доклад о дневнике, в аудитории очень часто находится человек, уважаемый профессор, который говорит: «А я никогда не вел дневников». Его никто не спрашивает, а он сообщает: он не вел дневников. Метафора дневника — мастурбация, самокопание. Это явление, которое остается для психотерапевтов. Разве солидный человек может вести дневник?

Егор Яковлев в начале перестройки, даже еще в поздние советские времена, пытался сконструировать автобиографию Ленина. У него поразительным образом ничего не получилось. Ленин у Яковлева предстал такой фигурой, которая к саморефлексии не склонна. В некотором роде это и есть образец деятельного человека, перевернувшего, безусловно, мир, который совершенно не рефлексировал. Но мне приходит в голову другой человек, который

тоже перевернул мир и тоже в XX веке. Этот человек соединяет в себе Ленина и Петра I для Индии. Речь идет о Махатме Ганди. Я помню, была фотография в «Курьере ЮНЕСКО» «Личные вещи Ганди». Там такие были личные вещи: набедренная повязка, плевательница, сандалии и дневник. И все. Ни одной книги. Личные вещи — вот только это. Конечно, старшее поколение это помнит, а молодежь-то, наверное, и не читала замечательное произведение Ганди «Моя жизнь», которое издано в русском переводе. Рефлексия этого вождя индийской революции оправдывается, может быть, более счастливыми путями, которыми идет индийская революция, нежели русская модернизация.

Другая базовая технология образования — это новомодность. Образование как перемещение в духовном пространстве находит свой существенный эквивалент как непосредственное перемещение в физическом и, в конечном счете, в культурном пространстве. Роль путешествия для образования хорошо понимали в XIX веке, но сегодня путешествие отошло на второй план, оно планируется в социальном институте туризма, а из сферы внимания педагогов по существу выпало. Видение русского космизма особенно подчеркивает смысл образования как путешествия. Это вторая технология.

Третья базовая технология — это эзотерическое измерение образования. Речь идет об обязательном присутствии тайны в образовании, начиная с архаических обрядов инициации и до современных «трудных» научных дисциплин, штудируемых в университетах. Именно тайна конкретизирует тот порыв от имманентного к трансцендентному, который был описан выше. Тайна — это не просто знание о незнании, тайна это императив, который влечет к знанию неизвестного. Мы эмпирически постоянно

используем механизмы тайны в образовании, религии, искусстве, философии, но теоретически еще не осознали в полной мере ее природу. Процесс образования раскрывается как волнующее пребывание в сфере тайны и преодоление ее.

В образовании есть два пути. Есть путь Прометея и путь Гермеса. Вся техническая высшая школа вышла из Прометея. Прометей дает инструкции по использованию огня. А Гермес ведет себя совершенно иначе. Он загадывает загадки, он хитрит, дает туманные ответы, уклоняется от прямых ответов. Я читаю лекцию по Александру Блоку и, как мне кажется, очень интересную. В это время я вижу, что девушка на последнем ряду тоже чем-то очень увлечена, тоже чем-то очень взволнована. Я смотрю, что же она делает. Она, оказывается, у меня на лекции разгадывает кроссворд! И это ей представляется бесконечно интереснее, чем то, что я в духе Прометея ей пытаюсь истолковать.

Вот три эти технологии, которые необходимо разрабатывать, чтобы достойно пребывать в том великом процессе или эксцессе образования, в котором мы пребываем вместе с цивилизованным человечеством уже по крайней мере 10 тысяч лет.

В заключение я позволю себе несколько таких прозаических моментов. Дело в том, что при головном совете по философии Минобразования мы организовали секцию философии образования, куда я вас приглашаю. Нами задумана пятилетняя программа. Мы провели в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге две конференции. Одна называлась «Философия образования», другая «Образование и инновации». Третья, которая будет в декабре 2003 года, будет называться «Образование и насилие». Я приглашаю вас принять в ней участие.

Дальше, в 2004 году, я думаю, будет конференция «Образование и тайна» или «Образование и ложь». И последняя конференция «Образование в экзистенциальной и феноменологической перспективе» — в 2005 году.

Спасибо за внимание.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Пару слов я скажу в качестве президента Клуба.

Константин Семенович поставил вопрос: чего хочет герой Достоевского. Так вот, насколько я помню, он хочет убить старушку. Кстати сказать, за время реформ в России этих старушек убили, зарезали — знаете сколько? Несколько десятков тысяч. И ни один сукин сын не пришел добровольно с повинной до сих пор. Но это между прочим.

Сейчас прошу вопросы к докладчику.

Пожалуйста, Юрий Михайлович.

Ю. М. РЕЗНИК

Уважаемый Константин Семенович, Вы такую благостную картину нарисовали, что у меня сложилось впечатление, что Вы говорили, по крайней мере, не о нашем российском образовании. В чем же все-таки русскость Вашей философии образования? Только ли в космизме, в космизации?

Второй вопрос. Вы много говорили о техногенезе, но я почти ничего не слышал о культурогенезе. Вы связываете образование как становление индивидуальности и культурогенез?

К. С. ПИГРОВ

Второй вопрос легкий. Образование — это и есть культурогенез.

А первый вопрос очень трудный, на который я не могу ответить. В чем русскость? Да не знаю я. Может быть, и нет ее. Может, в языке, единственном, на котором я могу сделать этот доклад, потому что на другом языке, кстати, этот доклад был бы совершенно другой. Есть некая стихия. Вы меня спрашиваете о том стихийном потоке, который меня несет. Это поток русскости. Что я могу сказать? Когда мышку во время наводнения снесло и несет потоком, что она может сказать об этом потоке? Ничего не может сказать.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Еще вопросы?

В. М. МЕЖУЕВ

Вы говорили о русском образовании, а пользовались немецким словом.

К. С. ПИГРОВ

Но это не обидно. Например, «Дазайн» — это может быть, самое русское философское слово сегодня. Оно и не переводится, пишется даже кириллицей.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово просил Михайлов Игорь Алексеевич.

И. А. МИХАЙЛОВ

Я не могу не согласиться с Игорем Михайловичем, что нельзя рассматривать образование в отрыве от проблем общества. Я бы хотел вот на чем остановиться.

Мы находимся в конкретной исторической ситуации в стране, где проходит очередной гигантский социально-экономический эксперимент. В свое время Паскаль отмечал, что достаточно будет уехать тремстам интеллектуалам, и Франция превратится в страну идиотов.

Первой страной, которая стала проводить целенаправленную политику по привлечению иностранных специалистов, политику, как сейчас принято говорить, сманивания чужих «мозгов», была Россия. Именно Петр I осознал необходимость и важность привлечения лучших специалистов для процветания державы. Сегодня Россия стала страной, которая стабильно поставляет своих лучших специалистов на Запад, в первую очередь, в Соединенные Штаты. Этот процесс, известный как «утечка мозгов», активно стал развиваться в Соединенных Штатах, особенно в середине 1960-х годов, что заставило американцев в 1965 году принять специальный миграционный закон, в соответствии с которым они стали сманивать специалистов.

Почему я затрагиваю эту тему? По той причине, что сегодня российское образование готовит своих лучших специалистов в ряде областей в основном для Запада. Мы должны отдавать себе отчет в том, что сейчас происходит и в нашей стране, и на Западе. Россия потеряла за эти годы примерно треть своего научного потенциала. Среди главных причин, которые побуждали людей уезжать, назову резкое снижение затрат на научные исследования. Напомню вам, что в 1980-х годах Советский Союз тратил на науку порядка 3 процентов от ВВП, на сегодняшний день мы и до одного не дотягиваем.

Думаю, что в этой аудитории не надо упоминать, что в среднем заработная плата ученых в России составляет 1500 рублей. Это меньше 50-ти евро. Зарплата западного ученого в 30–40 раз больше.

Таким образом, при нынешней государственной политике наше образование в самое ближайшее время обречено подготавливать лучших специалистов для Запада. Кстати, я вам напомню также и то, что когда первый Президент России пришел к власти, то первый декрет, который он подписал, был указ об образовании. Речь шла о совершенствовании образования. Но ничего, насколько я помню, сделано в этом направлении не было.

Что касается Соединенных Штатов, о которых я уже упоминал, то я много раз бывал в Америке, и для меня одним из самых впечатляющих фактов американской современной истории стал тот, что в Америке каждый четвертый неграмотен. Такая ситуация заставила американцев активнейшим образом сманивать к себе «мозги» со всего мира. 25 процентов американцев не знают элементарных вещей, которые должен сегодня знать современный человек. Тем не менее, это не мешает американцам постоянно получать Нобелевские премии. Например, за последние 25 лет 10 выдающихся медиков США, получивших Нобелевские премии, были из третьего мира. Я не буду здесь вспоминать Заварыкина, который создал в 1933 году телевизор, и Сикорского и многих других россиян, которые живут и работают в Америке. Недавно я был в Сан-Франциско, где узнал, что 100 тысяч населения Сан-Франциско — это русские, начиная от таксистов и кончая людьми, которые благополучно работают в Силиконовой Долине и создают сегодня самый совершенный компьютер.

Но это не только феномен XXI века или XX века. Я хочу вам привести такой пример. Если в 1803 году Наполеон Бонапарт, о

котором сегодня вспоминали, не стал финансировать проект Фута по созданию парового корабля, то американцы это сделали в 1807 году. Он был заявлен и запатентован. А в 1819 году уже из Америки первый пароход приплыл по Атлантике в Европу, в Старый Свет.

К чему все это было сказано? Сегодня, на мой взгляд, образование как явление системное должно рассматриваться в системе со всеми остальными процессами, которые происходят в государстве. То, что сейчас происходит в России (я не буду на этом акцентировать внимание), не может удовлетворить никого. Эмиграция людей, которые, получив здесь хорошее образование, благополучно выучив языки, уезжают за рубеж, признана государственной властью достаточно естественным процессом. Но образование, как верно отметил Игорь Михайлович, это не только процесс, который касается профессионального качества того или иного индивидуума. На мой взгляд, это еще один из моментов, который обеспечивает безопасность государства. Об этом, наверное, стоит сегодня в нашей дискуссии поговорить, потому что от образования общества зависит будущее страны и, в том числе, ее безопасность в XXI веке, о чем говорилось на конференции в Рио-де-Жанейро.

Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Игорь Алексеевич, Вы сказали, что то, что происходит в России не может удовлетворить никого. Это прекрасно удовлетворяет американцев.

И. А. МИХАЙЛОВ

Я сегодня не стал говорить о процессе глобализации. Мы сегодня встраиваемся в глобализацию. Если говорить об образовании, то мы довели образование до такого состояния, которое, в первую очередь, устраивает американцев.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Слово имеет Михаил Борисович Зыков.

М. Б. ЗЫКОВ

Спасибо за приглашение принять участие в заседании этого замечательного Клуба.

Так случилось, что я всю жизнь занимаюсь преподавательской работой, и меня вопрос образования очень волнует. На мой взгляд, употребление слова «образование» в точности соответствует тому смыслу, которое мы вкладываем в слово «образование» при описании образования материков или новых планет. Человек образуется только во время процедуры образования. И образованный человек это тот, операция образования которого (т. е. становление, дело не в сущностном человеческом смысле), завершена.

Я хотел обратить внимание на то, что сегодня у всех работников образования есть совершенно уникальный подарок от нашего г-на президента В. В. Путина. Не так давно он поставил перед страной абсолютно и совершенно невыполнимую задачу удвоить за 7 с небольшим лет объем производства в России. Задача настолько отчаянно невыполнима, настолько велико число отрицательных факторов, которые в ближайшие годы не только не ослабнут, но многократно усилятся, что когда В. В. Путин такую

задачу поставил, он всем нам, работникам образования, сделал огромный и прекрасный подарок. Задача, которую он поставил перед Федеральным собранием, абсолютно невыполнима, если образователи будут пытаться ее выполнять теми инструментами и методами, и учреждениями, которыми они располагали до сих пор. Эта речь Путина — приглашение всем нам применить абсолютно новые, абсолютно до сих пор неведомые для нас в образовании методики. Это вызов каждому интеллектуалу страны. И мы должны за это очень благодарить нашего президента.

Каким же образом можно сделать этот прыжок из царства скучной необходимости, в которой мы сегодня живем, в царство творческой свободы, куда нас приглашает Путин, чтобы выполнить свое распоряжение? А сделать это можно, как мне представляется, при внедрении в наше сознание и педагогическую практику трех главных принципов.

Один принцип можно было бы назвать принципом опережающих технологий. К сожалению, Россия официально встала на путь принципиального *догоняния* передовых стран, напоминая нам станки сталинских времен, ДИП-200, ДИП-300. ДИП расшифровывается: догнать и перегнать. Так думал Иосиф Виссарионович в 1937 году. Так думает сегодня и Владимир Владимирович.

Но нам с вами понятно, что траектория догоняния очень удобна только на лыжных гонках: удастся ехать все время по накатанной лыжне. В сфере экономики, идеологии, философии, культуры этот фокус не проходит, потому что накатанная лыжня в культуре это уже отработанный и никому не нужный продукт.

Мы должны создавать совершенно новое. А реализация этого первого принципа состоит в том, что предлагается разорвать

цепочку, протянутую от фундаментального научного открытия до высокой технологии, которая поступает в виде изделия на мировой рынок. Эта цепочка начинается с фундаментального открытия. Потом идет пробный образец. Потом малые серии. Потом большая серия, маркетинг. Потом идет мировой продукт Филипс. И перед всеми стоит вот эта «игрушка». Это высокая технология. Но у нас наши рабочие никогда не бросят выпивать. Нам очень трудно тиражировать, потому что тиражирование предполагает культурных рабочих. Это чем дальше, тем более трудная задача для нас. Недавно наша страна сделала два информационных шага назад: отказавшись от роли лидера мировой цивилизации, мы решили углубиться в феодальные отношения. Поэтому культура в нашей стране принципиально никому еще долго не будет нужна. Она будет востребована только в других странах. А мы с вами тиражировать еще долго не сможем.

Но что мы сможем? Использовать наш интеллектуальный потенциал. Если рядом с человеком, способным совершать фундаментальные открытия, посадить молодого, талантливого человека, которому будет поручено сделать пробный экземпляр по результатам открытия, то мы убьем сразу двух зайцев. В качестве первого продукта мы получим опережающую технологию, именно опережающую, которую потом продадим западным странам, Америке, у которых четверть необразованных, но которые прекрасно тиражируют. Мы будем их эксплуатировать для того, чтобы тиражировать наши мысли и идеи, как они сегодня эксплуатируют нас, чтобы тиражировать дешевые энергопродукты.

Второй продукт получит тот молодой человек, который присутствует в момент рождения фундаментального открытия. Завтра он станет сам фундаментальным открывателем. Такова

история всех Нобелевских премий. Нобелевскую премию получают не старательные ученики, получившие зачет или «тройку» или «пятерку» на экзамене, а те люди, которые смотрели глаза в глаза всем людям, совершавшим принципиальные фундаментальные открытия. Это нам по карману.

Второй важный принцип — принцип самосовершенствования. Состоит он вот в чем. Вся наша русская педагогика, особенно советского времени (она достигла апогея в учении А. С. Макаренко), это так называемая управляемая демократия, когда мы с вами создаем атмосферу в коллективе, а коллектив неведомыми путями урабатывает, уделывает, утрясает личность до нужных кондиций. Вот это замечательная, гениальная модель, которая сегодня широко используется. В нашем обществе царит управляемая демократия, но она-то и должна быть взорвана. Нам надо вспомнить о словах из Библии: создал Бог человека по своему образу и подобию. Образ и подобие не физическое, не социальное, а способность принципиального творчества. Вот эта принципиальная, прирожденная способность каждого человека к творчеству, причем фундаментальному, коренится в каждом ребенке. И счастлив тот ребенок, которого не обработали в массовой публичной школе или в массовом публичном высшем учебном заведении, тогда его прирожденные, божественные творческие начала имеют шанс проявиться в нормальном натуральном творчестве. Переделать всю педагогику таким образом, чтобы открыть шлюзы к огромному потенциальному творчеству каждого человека. Так сделал впервые и получил всемирное признание небезызвестный педагог из Ясной Поляны – Лев Николаевич Толстой. Это наше русское. Это наше национальное. Этим мы можем гордиться.

Пункт третий. Делать все эти вещи, образовывать наше образование России для XXI века нельзя без оглядки на наших конкурентов. Мы все время должны держать палец на пульсе этих замечательных господ. Пока я работал десять лет за рубежом, преподавал, я собрал и привез библиотеку, которая дает внутренний портрет того, что называется современной западной цивилизацией.

Скажу вам не понаслышке, а потому, что так долго был там, нет ничего более отвратительного на свете, чем общественно-экономическая формация под названием «капитализм». Жалко, что наша страна сделала такой выбор. Но у нас еще все впереди. Слава Богу, что есть Русский интеллектуальный клуб. Если кому-то будет угодно подумать, куда деть эту библиотеку, она до сих пор лежит на складе. Она никому не нужна в этой замечательной стране. Никому. Бесплатно не нужна. Я к вашим услугам. Спасибо за внимание.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Уважаемый Михаил Борисович, Вы понимаете слова Президента буквально. Если понять, что он имеет в виду, то можно не то что удвоить производство, а удесятерить. И можно за неделю это сделать элементарно. А как это сделать, можно показать.

Слово имеет Данилин Юрий Валерьевич.

Ю. В. ДАНИЛИН

Не буду тревожить макрокосм, остановлюсь на микро.

Ситуация, которую мы сегодня наблюдаем в образовании, — это, мне кажется, самый крупный проигрыш российской интеллигенции. Вот только что Президент страны отвечал на вопросы журналистов. За все эти три часа ни разу не были произнесены слова: образование и наука. Ни разу. Не будем нынче

говорить о качестве нашей журналистской публики, но, тем не менее, это симптоматично, т. е. общественное мнение как бы эти понятия отринуло. Их нет, они не горят, не свистят, не гудят. О чем угодно говорят, о всякой мелочи, причем довольно непутевой. Но ни слова о науке, ни слова об образовании. Один раз в речи прозвучало «наукоемкие технологии» и то попутно.

Другой сюжет, который показывает нам наш главный воспитатель и педагог отечественное телевидение. Два чиновника — министр Филиппов и «новая» Матвиенко — водят школьников по Белому дому. Это огромный педагогический пассаж от власти. Говорят им трогательными голосами: вот в этом креслице сидит военный министр такой-то. Спрашивается: у нас что — некуда детей повести? Лучше бы показали, где работал Владимир Иванович Вернадский или Мстислав Всеволодович Келдыш. Эти кабинеты заслуживают того, чтобы их тишину нарушили дети. Но властям это в голову не приходит. Я даже ловлю себя на мысли, что если спросить г-жу Карелову или министра Филиппова, кто такой Келдыш, они ведь и не сразу скажут, несмотря на то, что это одна из самых крупных фигур нашей науки.

Вы понимаете, в России всегда происходят исключительные вещи. Существует масса толковых и умных людей, все пишут книги, иногда докладывают на заседаниях Русского интеллектуального клуба. Но те, кто реально распоряжается административными ресурсами, книг этих не читают, дружбу водят совсем с другими людьми. Поэтому начинается некоторое раздвоение от того, что мы видим на улице.

Школа, мне кажется, может нас и погубить. Именно средняя школа. Она находится в самом плачевном состоянии. И, конечно, самая трагичная фигура в нашем образовании — это учитель

средней школы, это абсолютно заброшенный всеми человек. Да, мы в трудных условиях. Да, нам, к сожалению, не повезло с властью. Во власти нет компетентного и заинтересованного в этих вопросах человека. Ни одного. Это ужасно, когда мы на полном серьезе наблюдаем церемонию конкурса «Лучший учитель». Устроили соревнование с шампанским. Это такое уродство, это такая пошлость, видно, у власти нет ни одной извинки, ни одного дельного предложения. Это просто немыслимо!

Можно каким-то образом помочь нынешнему учителю? Конечно, можно. И на это никаких затрат не нужно. Надо как-то поднять интеллигенцию. Вы подумайте, где угодно можно видеть президента Российской академии наук г-на Осипова. В основном на паперти. Он все общается с Патриархом Алексием II, бесконечно обменивается медалями и договорами. Но увидеть г-на Осипова в студенческой аудитории или в школе, где ему самое место в это весьма трагичное для страны время, — никогда.

У нас масса ученых сейчас сидят без дела, без работы. Неужели нельзя, хотя бы летом, организовать какие-то школы для учителей, прочесть им актовые лекции по предметам. Вы понимаете, что учитель теперь совсем в трудном положении. Ведь все дети пользуются интернетом. А что они читают в интернете? Вы думаете, что они ищут информацию по физике, математике и т. д.? Нет. Они посещают порносайты. Посмотрите статистику. Все «торчат» на порносайтах. У меня вообще такое ощущение, что интернет у нас обслуживает только озабоченных сексом. Учитель уже не может удивить простыми научными сведениями. Учитель может удивить какой-то неожиданной мыслью. Слава Богу, учитель теперь может удивить знаниями отечественной литературы, потому что ее теперь никто не читает, поэтому удивить легко. Но надо предоставить ему

для этого возможность. Может, самому учителю поведать о том, что и в какой науке сейчас происходит и где эта наука сейчас.

У нас школа отделена от науки и культуры больше, чем церковь от государства. Дети выходят из школы, и непонятно, что это за дети, в какой стране их обучали. Они к своей стране ничем не привязаны по существу. Ведь уже лет двадцать все говорят о том, что школу и учителя чрезвычайно обедняет отсутствие курса истории знаний. Они должны знать эту историю. Там столько драматических сюжетов, что пытливые дети на них обязательно откликнутся. Они еще не испорчены.

У нас учителей не учат философии, но у нас иногда так читают философию, что думаешь, что надо бы этого доктора наук немедленно выгнать из высшего учебного заведения, потому что это слушать невозможно. Это и есть то самое безумное образование, которое многое губит. Значит, учителям нужно давать психологию, философию и как-то очеловечить программу в педагогических учебных заведениях. Теперь только с этого бока учитель может подобраться к ученику.

А интеллигенция должна, на мой взгляд, бросить силы на то, чтобы, как можно больше дать учителю. Пусть он слушает. Ему хочется общаться, ему хочется читать, но разве он может на свои 900 рублей купить необходимые книги? Понимаете? Мне кажется, что только такого рода практические шаги могут хоть как-то, вопреки власти и ее неказистому вмешательству в образование, каким-то образом это образование поддержать. Благодарю.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

То, что Вы говорили, Юрий Валерьевич, это нынешние хозяева страны рассматривают, оценивают как великий прогресс.

Слово имеет Борис Григорьевич Юдин.

Б. Г. ЮДИН

Я хотел бы коротко представить несколько тезисов, касающихся нашей темы.

На уровне высшего образования имеет смысл говорить о таких двух составляющих, как специальное и общее образование. Такая терминология принята на уровне среднего образования. Я считаю, что высшее образование является сегодня и должно рассматриваться как стратегический ресурс для личности, для того, кто это образование получает, как стратегический ресурс для общества.

Вместе с тем, сегодня много говорят об экономике знания, об обществе знания. Ясно, что это будущее нашей цивилизации. Увы, на фоне развития и становления экономики знания, общества знания наша страна пока выглядит достаточно непритязательно. Во многом это связано с тем, о чем говорил Игорь Михайлович: образование в целом и высшее образование в частности рассматриваются в рамках экономического мышления. Образование — затратная сфера. Поставим экономику, а потом займемся образованием, здравоохранением. А сейчас денег не хватает. Мне представляется, что такое экономическое мышление какое-то странное, чересчур абстрактное. Оно просто нечеловеческое. Что может быть экономичнее вложения в человека, вложения в его образование, в его здоровье? Какая-то ментальность мешает оценить то, что прибывает, понять, что мы становимся богаче, коль скоро люди более образованы и более здоровы.

Я хотел бы обратить внимание на то, что мы живем в мире *новых* технологий. Говорили сегодня про научно-технический прогресс, научно-техническую революцию, про новые технологии. Я

хотел бы акцентировать внимание в этом словосочетании на слове «новые». «Новые» не только в том смысле, что возникла какая-то технология и наша страна догоняет эту технологию, осваивает, догоняя. Сегодня само выражение «новая технология» — означает, что технология все время обновляется, постоянно обновляется. Нет такой возможности ждать, когда мы догоним, потому что технологический разрыв все время увеличивается.

Кстати, это особенность общества знания, науки знания, когда не идет процесс сглаживания различия между богатыми и бедными странами, между богатыми и бедными людьми. Общество основано на знаниях. Какие-то нужны другие пути. Высшее образование нужно (Игорь Михайлович об этом говорил) не только для того, чтобы подготовить квалифицированных специалистов или, как он удачно выразился, квалифицированных рабов. Высшее образование нужно для того, чтобы человек был подготовлен к жизни в этом мире. Подготовлен не только профессионально. Есть социальные технологии, гуманитарные технологии, основанные на научных знаниях. Они все больше вторгаются в человеческое существование, открывают, безусловно, новые возможности. Новые возможности уже на уровне высшего образования. Готовят новых людей, чтобы они могли лучше ориентироваться.

Новые возможности — это всегда необходимость делать новые и новые выборы, индивидуальные для каждого человека. Важно, чтобы он был подготовлен делать выбор, чтобы был уровень знаний, который переходит на знания, касающиеся генетики человека. Это один из примеров того, что знания становятся такой средой, атмосферой, в которой человек хочет он или не хочет, но вынужден жить.

Среди новых технологий есть технологии гуманитарные. Причем, гуманитарные не обязательно гуманные. Они очень часто бывают и антигуманные. Гуманитарные направлены непосредственно на человека. Об этом сегодня тоже говорилось. Эти технологии зачастую оказываются технологиями манипулирования. А для того, чтобы человек был защищен от технологий, которые манипулируют его сознанием и т. д. (над этим, к сожалению, мы мало задумываемся), необходимо давать человеку какие-то возможности. Ведь не будет ЦК партии определять стратегию и все остальное, что необходимо для защиты людей. Надо, чтобы люди сами имели навык защищаться, в том числе и от негативных проявлений, от этих гуманитарных технологий. Гуманитарные технологии пока у нас выступают в обличье технологии манипулирования, навязывания каких-то вкусов, стремлений и т. д.

И еще один момент, на котором я хотел бы остановиться. Все, что я говорил прежде, это вопросы, касающиеся стратегии высшего образования. Сейчас получается, что есть специалисты, эксперты, которые не очень понятны. Или кто-то им дал это право, или они сами узурпировали право выступать от лица всего общества, говорить, какие должны быть ориентиры для высшего, среднего образования. А эти вопросы касаются всего общества. Нет пока возможности мнение общества выразить, сформулировать, учитывать, построить стратегические модели высшего образования. Хотелось бы, чтобы Русский интеллектуальный клуб был одним из выразителей такого мнения. Я не говорю, что он должен быть оппозиционным. Но поскольку есть мнения не только работников министерства и тех, кого министерство назначает готовить эти стратегические документы, оно должно быть выражено и должно быть учтено. Мнение общества не должно быть проигнорировано,

потому что вопрос высшего образования — это вопрос будущего общества. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Олег Владимирович Долженко. Прошу.

О. В. ДОЛЖЕНКО

Для каждого из нас есть свое место, с которого он наблюдает проблемы образования. Я 25 лет наблюдаю с точки зрения средств массовой информации. Сам я — главный редактор журнала. Конечно, каждый из нас со своей точки зрения видит проблемы несколько по-своему. Положения, о которых я скажу, могут быть и спорными, неоднозначными, но, мне думается, что об этом стоит говорить.

Прежде всего, ситуация в нашем образовании не столько связана с экономикой и с некоторыми тенденциями последних лет по централизации власти, усилении вертикали и т. д., сколько с пониманием сущности образования, от которого мы давным-давно отошли. Есть проблема понимания происходящего. Многого в происходящем мы и не знаем, и не понимаем. Но самое главное, не особенно и хотим понимать, а ходим по отмеченному кругу, разрабатываем новые системы управления качеством. Двести показателей на преподавателя! Гоняем цифры туда и сюда, а подлинного интеллектуального движения нет, потому что этого движения мы не отмечаем и на Западе. То, что происходит на Западе, это тривиально и к нам не относится. Русское образование это есть русское образование. Образование всегда исходит из качества человека, а качество человека в каждом социокультурном пространстве имеет несколько различающиеся особенности, потому

что оно предполагает, должно учитывать особенности включенности человека в социум, особенности восприятия происходящего. Сам этот социум имеет разную степень сложности, и по-разному поступают информационные потоки, которые формируют образ мира.

Далее. Если мы хотим увидеть проблему образования, мы должны преодолеть несколько ловушек, которые подстерегают всех, кто занимается образованием.

Первая ловушка — это наша собственная образованность, которая всегда несовершенна, всегда ограничена, а подлинная образованность демонстрируется только на уровне некоторых вершин.

Вторая ловушка. Мы находимся внутри образовательных учреждений, которые якобы образуют необразованных, а на самом деле очень образованных людей. К нам приходят люди, уже имеющие образование. Мы просто пренебрегаем качеством их образованности, с которым они к нам приходят, а отсюда и результаты.

Наконец, третье, очень важное. Работая в вузах, очень часто мы оказываемся в плену утилитарно понимаемого дисциплинарного научного знания и рассуждаем больше о науке, а не о специфике уникального творчества философа, ученого и т. д., т. е. мы видим некоторую логически непротиворечивую ткань, которая должна якобы развернуться перед нами. А на самом деле мы всегда находимся в точке ограниченного существования, если мы пытаемся познать это новое. Поэтому в большинстве случаев происходит подмена открытого мышления. Вот только что я был в Костроме. Слышал пример псевдомышления. Здесь, как ни странно, мы сталкиваемся с проблемой понимания мышления, которое очень

часто, мне кажется, у нас является псевдомышлением, имитацией мышления.

Нельзя сказать, что все обстоит так плохо. За последние 10 лет наши вузы научились очень-очень многому. Есть очень интересные практики. Есть очень интересные движения. Они и интересны, и опасны. Допустим, идет процесс дерегионизации. Идет процесс распада информационного поля России. Если мы выстроим ряд, то мы сразу увидим угрозу. А если увидим процесс регионализации, становления региональных систем образования, то увидим очень интересное. Сегодня нельзя мыслить категорией школы, категорией высшего образования и т. д. Есть целостная система образования. Поэтому мне бы хотелось проиллюстрировать проблему понимания.

Вот есть у нас ЕГЭ, ГИФО и прочее, и все эти вещи, в принципе, не так и важны. Но когда задаешь вопросы: а вы знаете, что мы уже вступаем в ВТО, готовы подписать соглашение по торговле, что мы готовы вступить в Болонский процесс и что это означает для большинства высших учебных заведений России, все пожимают плечами, хотя за этим стоит, вероятнее всего, уничтожение системы высшего образования в России. Российское образование, сколько бы мы ни гладили себя по головке, сегодня неконкурентоспособно, оно не сможет держать уровень современных технологий, отразить накат современных западных крупных учебных заведений. И нам уже не удастся работать на демпинговых ценах. Самые серьезные вопросы у нас решаются кулуарно, в тиши.

Приведу один пример. Недавно я вместе с литовцами был в Престоле. Литва рассказывает, что они попросили перед вступлением в ЕС, чтобы в документах было сформулировано положение о необходимости усиления системы образования,

финансирования и медицины. Они сами попросили представителя этой комиссии. И члены комиссии однозначно отказались включать эти пункты. Вот как земля продается, как промышленность, собственность и пр., продается это очень жестко. Чем хуже будет с образованием в России, тем лучше. Мы сегодня сами выстроили систему образования, которая согласуется с системой образования Западной Европы. Сегодня не хватает 500 тысяч научных работников. И страны Восточной, Центральной Европы и Россия должны поставить эти недостающие кадры. Недавно подписано соглашение Филиппова с министром образования Франции о признании степеней на уровне, скажем, докторских. Это опять-таки облегчение пути оттока. Мы сами выстроили наклонную плоскость, чтобы интеллектуальный потенциал скатывался и уходил туда. А мы здесь оставались ни с чем. И я могу привести массу таких примеров.

Теперь в отношении терминологии. Я согласен с Игорем Михайловичем, со многими положениями. Я готов подписаться под ними и проголосовать и руками, и ногами. Но мне кажется, что когда мы говорим об образовании, надо видеть, что образование вырастает из жизни, никто сознательно не проектировал университет, как институт подготовки кадров. Он спонтанно сложился в качестве условия распространения определенного типа социальных практик в Европе. И благодаря университету Европа стала Европой. С этой точки зрения все новое в образовании является институционализацией тех практик, которые складываются в реальной жизни. Вот здесь возникает проблема согласования изоморфизма социальной среды и организационных структур самих учебных заведений, насколько они способны реагировать на эти вещи. Появляется целый ряд вопросов, которые позволяют мне утверждать, что есть специфические российские типы, можно

говорить о специфически российском образовании. Как в годы Советской власти, так и в последующие годы нас абсолютно не интересует, с каким человеком мы имеем дело.

Я преподаю. Не люблю преподавать в Москве, в основном я преподаю в провинциальных вузах. Я вижу, насколько по-разному исходная установка на восприятие материала реализуется и там, и здесь. Мы не знаем человека, с которым работаем, мы не знаем себя. Мы не знаем ту базу, из которой вырастает образовательная деятельность. Что и как человек воспринимает. И это мне кажется принципиально важным. Мы должны заняться социально-гуманитарными исследованиями, которые лежат в основе нашей образовательной практики, уделить больше внимания университету.

Следующий параметр. Понятие социального времени. Речь идет о скорости, темпах, т. е. о временной пространственной картине, в которой мы находимся. Чем она отличается от континуума Западной Европы? У меня складывается такое ощущение, что социальное время течет у нас совершенно по-другому. Оно совершенно по-другому, чем на Западе, дает нам представить этот мир.

Наконец, последнее. Нам все кажется, что все *финито*, кончено. Очень часто мы предлагаем какие-то решения, например, вывести систему высшего образования из кризиса. Нам кажется, что та ситуация, которая сегодня сложилась, это есть та ситуация конца, которая складывается после проблемной ситуации. Проблемная ситуация, может быть, еще только обнажила свои первые элементы. Мы ее еще просто не проанализировали, не восприняли. Мы сегодня живем на вокзале и делаем стандарты жизни на вокзале, как будто и будем жить на вокзале. Это проблема нашего пространства, особенности социума. Проблема линейности и нелинейности

протекающих процессов. Мы мыслим в основном линейно, а нелинейность у нас включается через культуру. Для того чтобы, действительно, более или менее конкретно ставить вопрос о будущем образовании, необходимо отвечать на поставленные вопросы и проблемы.

Что же касается революции в образовании, то она происходит не тогда, когда внедряются компьютеры. Революция происходит тогда, когда меняются аксиологические основы жизни общества, ценностные ориентации. Таким образом, похоже, что революция в жизни уже произошла, но мы ее просто не увидели. А отрефлексировать ее через Йоханнесбург, Рио-де-Жанейро — это тоже очень интересная задача, потому что у нас этим серьезно, применительно к образованию, не занимаются. В информационном отношении мы вообще голые. У нас ничего интересного не издано, не переведено, не выпущено. Мы сидим, говорим: давайте подумаем об образовании. Ну, давайте подумаем. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Прошу выступать более кратко.

Ю. В. ДАНИЛИН

По выступлению Олега Владимировича. Ради справедливости надо заметить, что никто не делает так много для разрушения, как Вы сказали, специфического российского образования, как Ваше любимое ведомство. Никто не прилагает столько стараний к этому. Я бы Вам как редактору демократического, надеюсь, издания посоветовал поставить вопрос, отчего общенациональную проблему реформы образования решает артель самозванцев, а не общенациональный совет, куда бы вошли умные, дельные.

О. В. ДОЛЖЕНКО

Теперь мы только об этом и говорим.

Ю. В. ДАНИЛИН

Все решает Высшая школа экономики.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Вадим Михайлович Межуев.

В. М. МЕЖУЕВ

Прежде всего хочу сказать, что я согласен с термином «революция» применительно к современному образованию. Если правильно понимать смысл этого термина, он мне даже больше нравится, чем термин образовательная реформа. Он, мне кажется, больше передает суть того, что мы от образования не хотим, но что реально в нем происходит. Может быть, сейчас еще не революция, однако очевидно, что в образовании сложилась революционная ситуация. Мы же не боимся термина научно-техническая революция. Я бы поставил обсуждаемый термин рядом с другим термином, который сегодня не очень популярен, но, на мой взгляд, мог бы стать одним из самых больших прозрений истории XX века, с термином «культурная революция».

Культурная революция была направлена прежде всего на преодоление каких-то образовательных процессов в России, негативных процессов. Только очень важно понимать, что когда мы говорим слово «революция», речь идет не только о революции в образовании (это тоже очень важная вещь), но и о том, что сегодня образование становится главным фактором

революционизирующегося общества. Для того чтобы изменить современное общество, не надо строить баррикады и силой захватывать власть. Сегодня само образование становится фактором революции. Пальма первенства в плане революционизации общества переходит именно к образовательной сфере.

В чем заключается эта революция? Как глядеть на образование? Какова должна быть социальная политика по отношению к образованию? Я хочу напомнить простую вещь. Главным социальным противоречием, наряду с классовыми, межнациональными, социальными и прочими экономическими противоречиями, одним из самых главных противоречий, которые мучают человечество на том протяжении истории, когда появилась письменность, является противоречие между образованными и необразованными. Оно восходит еще к древним восточным обществам. Противоречие между ученым сословием и неученым. В XIX веке противоречие между тем, что мы называем интеллигенцией и народом. Народ практически безграмотен. Интеллигенция — носитель письменной культуры.

Это противоречие между образованным и необразованным в какой-то степени есть основа всех главных противоречий. Маркс был прав, когда говорил, что противоречие между умственным и физическим трудом как бы резюмирует все остальные противоречия, все остальное разделение труда. Мне кажется, что если говорить о революции в образовании и о революционной роли самого образования, то значит иметь в виду, что то общество будет прогрессировать и выживать, которое все больше будет снимать противоречие между образованной и необразованной частью общества.

Я не сторонник элитарного подхода к образованию. Я сторонник демократического подхода к образованию. То есть я понимаю, что в идеальном плане какая-то граница еще долго будет сохраняться, но она должна смягчаться, уменьшаться. В этом состоит одна из основных целей социальной революции в широком смысле этого слова. Необходимо снять противоположность между образованными и необразованными.

История идет к тому, что, в конечном счете, образование станет действительно основным способом включения человека в общество. Не через наследуемые богатства, не через наемный труд, не через какие-то физические усилия на земле или еще где-то, а только через образование человек будет входить в современное общество. Уже сегодня становится ясно, что образование выдвигается на одно из первых мест в качестве источника дохода. Мы все кричим о мелком, среднем предпринимательстве. Это все замечательно, но большую часть современного развитого общества занимают не предприниматели, даже не частные собственники, а люди, живущие за счет полученного образования — того культурного капитала, который они получили в ходе этого образования. На этом построена вся теория нового среднего класса. Это не просто мелкие лавочники или владельцы каких-то предприятий, это люди, которые живут за счет того образования, которое они получили и имеют. Это очень важно понимать.

Тогда становится важным и другое. Мы сегодня идем к сословному образованию. Мы идем назад. Мы превращаем образование в привилегию богатых и людей власти. Вот это и говорит о том, куда мы идем. В точном смысле слова вот что происходит: сегодня право на образование становится более важным, чем право на собственность. Это видно по всем социал-

демократическим движениям современного Запада. Если еще в XIX — первой половине XX века людей разделяло отношение к собственности (поэтому мы придавали такое значение классовому делению), то в современном развитом обществе именно право на образование становится главным правом.

В этом смысле ликвидировать или решить противоречие в образовании — это значит действительно произвести революцию. В элементарной форме указанная проблема была решена Советской властью. Надо ей за это памятник ставить. Она сняла проблему неграмотности. Сегодня, если говорить о какой-то перспективе, надо снять такое противоречие не только в рамках начального и даже среднего образования, но и, в конечном счете, высшего. Японцы уже так ставят эту проблему: каждый человек имеет право на высшее образование. Это для нас еще очень далекий идеал, но важно понять, что сюда должны быть направлены усилия.

Что такое высшее образование? Мы всегда высшее образование понимаем элитарно. Мы говорим: высшее образование это для людей творческого труда. Конечно. Необходимо освободить все, что в человеке заключено. Оно должно дать ему возможность выявить творческие и прочие потенции. Но считать право на высшее образование только правом интеллектуально одаренных людей — это, мне кажется, ошибка. Как нельзя обделить правом на культуру любого нормального современного человека. Хорошо, конечно, когда высшее образование *естественным образом* станет достоянием многих и повысится интеллектуальный и творческий потенциал общества. Но право на образование должно быть приравнено к высшим — к праву на жилище, к праву на труд, к праву на выбор профессии и т. д., к нормальным гражданским

правам человека. Нельзя ни в коем случае сюда привносить элемент какой-то привилегированности, элитности, избранности и прочее.

Что значит — уравнивать людей в высшем образовании? Беда системы современного образования в том, что она пришла с Запада. К сожалению, она применяется в той же Высшей школе экономики.

Высшее образование это не просто отношение человека к знанию. У нас очень засистематизировано понятие высшего образования. Мы все время рассматриваем высшее образование только по отношению к науке. Наука это только часть культуры, а не вся культура. Классическое высшее образование, университетское образование подразумевает включение трех составляющих: человек должен был получить философское, теологическое и научное образование. Это соответствовало трем великим эпохам европейской истории. Философия считалась основной формой знания в античности. Теология, богословие — в средние века. Наука — в Новое время. Вы хотите стать культурным человеком? Вы хотите стать европейски образованным человеком (я говорю для западных университетов) — значит, вы должны быть в равной степени включены в эти три традиции, идущие от античности с ее философией, через средние века с их христианскими традициями и до Нового времени с его наукой. Поэтому обязательно предполагалось, что человек имеет право на университетский диплом, если он совмещает в себе эти три образования: философское, богословское и научное, хотя не обязательно он должен быть священником или философом.

Становится ясно, что такое высшее образование. Высшее образование не просто получение специальности и не просто получение профессии. И университет это не просто универмаг профессий. Взяли, собрали несколько факультетов и назвали это

университетом. (Как у нас это понимают: если больше факультетов, чем один, то это уже университет.) Университеты готовили всегда не просто специалистов, что очень важно, а всегда готовили духовную, культурную элиту общества. И вы не попадете на Западе ни в какую политическую, культурную или в педагогическую элиту, если вы не имеете университетского диплома об образовании. То есть, очень важно понять, что образование включает в себя две составляющие. С одной стороны — знание. С другой стороны — самосознание. Здесь это слово упоминали. Я не только должен что-то о чем-то знать, но я должен себя с чем-то идентифицировать, с чем-то отождествлять. Я сегодня встречаю среди студентов, выпускников людей, которые мне могут рассказать о китайцах, об индейцах. О чем угодно они могут говорить, но при этом не знают, кто они сами. Кого они представляют, какую культуру, с какой системой ценностей они себя отождествляют, где они сами находятся в истории. Об этом они точно не знают, хотя напичканы знаниями.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

У меня одно маленькое замечание по поводу того, о чем говорил Вадим Михайлович. Я в Германии наблюдал ситуацию, близкую к тому, чтобы люди имели право на высшее образование. 40 процентов людей с высшим образованием, их называли академиками, получали высшее образование и оставались безработными. Самая высокая безработица до сих пор. 40 процентов доставали работу не по профессии. Занимались такими делами, где разница в образовании не играла никакой роли. И только 10–15 процентов находили работу согласно профессиональному образованию.

Значит, право на высшее образование это вещь довольно банальная. По-моему, такое право имеется и имелось у нас, имеется везде. Каждый имеет право на высшее образование. Другое дело, имеет ли возможность. А это не право. Это другое. Это уже социальное отношение.

В то же время в Англии, где существует то же самое право на высшее образование, по опросу (а я сам принимал участие в таких исследованиях, мы занимались проблемой вертикальной динамики), выяснилось, что в 90 процентах случаев вертикальная динамика зависела от слоя, из которого происходили люди, а не от образования. И только у 10 процентов опрошенных вертикальная динамика зависела от того образования, которое они получали.

Слово имеет Андрей Ильич Фурсов.

А. И. ФУРСОВ

Уважаемые коллеги, я преподаю в университете и работаю в академическом институте, поэтому я буду говорить о соотношении проблем образования и науки.

Совершенно ясно, что образование – это система общества, и контроль над образованием – это по сути дела, контроль над обществом, причем не только в его настоящем, но и в будущем. Тот, кто контролирует образование, закладывает контроль на будущее. Кто-то из немцев сказал по поводу франко-прусской войны, что ее выиграл прусский учитель, который готовил солдат в течение двух поколений, это действительно так. В более узком плане контроль над образованием – это, безусловно, контроль над психологической сферой и, как часто говорят, над ментальной сферой.

Я хочу напомнить, что в значительной степени победа Запада в «холодной войне» была одержана именно в психологической

сфере. Запад смог убедить советскую верхушку, что она проиграла и после этого она проиграла. Недавно на одной конференции я разговаривал с индийским предпринимателем и политиком. Мы говорили о конце 1980-х годов в СССР, и он сказал, что в Индии такая ситуация контроля Запада над средствами массовой информации и кино, которая сложилась в конце 1980-х годов, просто невозможна, потому что индийцы до сих пор контролируют 97 процентов своей прессы. Они не пускают Голливуд, потому что у них есть Болливуд. Болливуд – это Бомбей. Индийское кино не пустит голливудское кино. Он говорит: вы проиграли эту схватку. И он совершенно прав. Я с ним согласился.

В информационном обществе, где информационные факторы господствуют над вещественными, энергетическими и другими, решающую роль начинает играть контроль над общественным сознанием (поскольку мы говорим об образовании, о подсознании я не говорю, это другая область). В информационном обществе огромную роль играют не только потоки информации, но и создание информационных шумов, научно-информационных шумов, запуск научно-информационных вирусов. Скажем, запускается «столкновение цивилизаций», и все бросаются обсуждать эти проблемы, и времени не остается на обсуждение реальных проблем. Так и было задумано. Создается информ-богатство и информ-бедность. Прежде чем возникает какая-то политическая структура, создается информационная база. Я хочу напомнить один факт. Прежде чем в 1973 году была создана трехсторонняя комиссия, за пять лет до этого, в 1968 году, был создан Римский клуб, который пять лет готовил материалы для работы трехсторонней комиссии.

Иными словами, образование — это действительно решающий фактор современной жизни. В нем должны происходить изменения.

Но проблема изменения в образовании теснейшим образом связана с проблемами изменений в науке и в ее структуре, в том числе и в дисциплинарной структуре. Мы уже настолько привыкли к современной дисциплинарной сетке — социология, экономика, политология — и полагаем, что это и есть некая данность, забывая, что это некий исторический результат. Причем, исторический результат борьбы в сфере идей. Ведь образование — это не только как учить, но и чему учить. Нынешняя дисциплинарная сетка — экономика, социология, политология — уже очерчивает поле того, чему учить и как учить. Эта сетка образовалась в конце XIX века. Реалии какого общества отражает эта сетка? Что это, Россия, Китай, Германия или даже Франция? Ничего подобного. Эта сетка отражает реалии Великобритании середины XIX века и США последней четверти XIX века, т. е. англосаксонского ядра капиталистической системы, где рынок, гражданское общество и государство очень четко обособились друг от друга. Отсюда и эти три науки. Я думаю, что победа англосаксонского проекта в XX веке обусловлена не только экономической мощью, но и таким оружием, как социальная наука, нагруженная ценностями и идеалами этого англосаксонского ядра, которые подаются как универсальная норма. Каждое понятие, которое существует в современной социальной науке, есть некий культурный конструкт. Например, как изучать на основе понятий современной западной науки некапиталистическое и незападное общество? Как изучать ислам, где религия и политика не обособились друг от друга? Как изучать общество, где нет частной собственности? Ясно как: по негативу. Я вспоминаю, как в советское время говорили об азиатских деколониальных обществах. Это общества, где нет частной собственности, где нет нормального города, где нет-нет-нет, т. е. изучались эти общества по негативу.

Это общества, где нет того, что есть на Западе. А раз нет, то это отклонение от некой нормы. Вот так задается сомнение в национальной культурной идентичности. И не случайно в конце XIX века все незападные общества, за исключением одного Китая, пережили кризис национальной идентичности. Китайцы были единственными, которые не поставили вопрос, хорошо или плохо быть китайцем. Даже японцы в 70-е годы XIX века это сделали.

Что происходит? Происходит навязывание некой модели, а вместе с ней и комплекса социальной и исторической неполноценности. Наш замечательный публицист начала XX века Меньшиков в замечательной статье под названием «XIX век», которую почти никто не помнит, написал о духовном плене России конца XIX века у Европы. Прошло сто лет. И то, что мы видим сейчас, это еще худший духовный плен. Причем, в 1990-е годы в Россию хлынул поток той науки на Западе, которая переживала острейший кризис. Скажем, наших русистов, специалистов по СССР, стали обучать уму-разуму западные советологи, которые не смогли предсказать крушения СССР, т. е. стали учить те, кто проиграл социальное сражение.

Я хотел заметить Константину Семеновичу, что не следует переоценивать природные богатства России, не надо переоценивать наши интеллектуальные ресурсы. Я работаю в Институте научной информации по общественным наукам 25 лет. И «сизжу» на потоке и российской, и западной информации. У нас есть интересные вещи. На Западе есть интересные вещи. Но обратите внимание: за перестроечное время у нас появилось очень и очень мало стоящих работ. В основном идет пересказ западных исследований. Причем, наши социологи, экономисты, в отличие от советского времени, не ведут собственные эмпирические исследования, а просто берут

западные исследования и переписывают из них, т. е. они изучают не Запад в реальности, а то, что пишут западные люди о Западе в определенных интересах, и думают, что это и есть реальный Запад. Тем самым они загоняют и себя, и нас в угол.

Новая модель организации образования требует новой модели организации науки об обществе.

Какие для этого необходимы условия? Прежде всего, нужно понимать, что западная наука отражает реалии буржуазного общества. Это не потому, что она плохая, а потому что она такая, какая она есть. Здесь коллега совершенно верно говорил о том, что нужно исходить из того, в каком обществе реализуется каждая конкретная модель. Например, американское общество очень сложно по своей структуре. Чтобы там преуспеть, нужно быть «функцией» и «винтиком» в 9 случаях из 10. Поэтому американская школа построена на производстве винтиков. Это гарантирует успех. Русское, советское общество в XX веке было относительно простым. Сложность русского общества всегда заключалось не в институтах, а в межличностных отношениях и в культуре. Для того чтобы преуспеть в русском обществе, в российском, в советском, необходимо избыточное образование. Нужно сочинения писать и изучать русскую литературу.

Теперь представьте: берется американская модель и вставляется в нашу систему. Я не хочу злые слова произносить, но это самая настоящая диверсия или идиотизм. Или и то и другое вместе. Что не помещается в рамки современной западной науки? Не помещается любое некапиталистическое общество. Не помещается мир в целом. Не помещается значительная часть самого буржуазного общества. Возьмите, например, политологию. Она изучает объективные процессы. Но политология нам ничего не скажет, как

управляется верх западного общества. Низший уровень общества — это коррумпированные полицейские. Это проститутки, наркодиллеры. У политологии просто нет языка для описания указанных явлений. Это асоциальная сфера. Та же самая ситуация наблюдается в экономической науке.

У мировой экономики пять столбов. Это нефть, торговля оружием, торговля драгметаллами и золотом, наркотики, порнобизнес и проституция. Вот пять основ. Нефть на 30 процентов — нелегальная торговля, оружие — на 50, драгметаллы — на 30–40. Драгметаллы меняются на оружие. Это практически бартер. Про наркотики и проституцию с порнобизнесом я не говорю. У современной экономической науки есть ли адекватный язык для того, чтобы изучать асоциальную, внеэкономическую сферу? Нет. То есть реально современная западная наука охватывает все меньший и меньший спектр западного общества. В 1993 году премьер-министр Франции сказал очень точно: 30 процентов французского общества живет в зоне «неправа». Поэтому социальный анализ (он обращался к французским социологам) не давал ему социального анализа этой части общества. Не давал потому, что у социологов нет языка. Я хочу закончить свое выступление словами И. Пригожина из книги «Порядок из хаоса»: «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном языке». Мы сейчас выражаемся в основном на языке англосаксонской социальной науки, которая навязывает объекту некую методологию.

Нужно идти от объекта к методу, а не наоборот. Задача нового образования — давать то образование, которое будет учитывать эти факторы.

Хочу откликнуться на то, о чем говорил Игорь Михайлович. Он говорил об образовательной революции, о революции в мире.

Дело в том, что революция уже происходит. Это на самом деле революция элит против масс. Если в XX век мир вступал с книжкой «Восстание масс», то выходит из него с книжкой Кристофера Леша «Восстание элит». Глобализация впервые создала ситуацию, когда элиты абсолютно свободны от контроля со стороны масс. То, что сейчас происходит, представляет собой резкий исторический поворот. Его можно назвать революцией элит, а можно назвать контрреволюцией. Процесс, который шел и развивался между 1789 и 1973 годами, сейчас благодаря глобализации разворачивается в другую сторону.

Здесь коллега уже говорил о том, что образование – это средство включения в нынешнее общество. Я совершенно согласен. В современной мировой системе образование становится средством исключения из социальных процессов. Посмотрите, что происходит с оксфордами, с кембриджами. Богатые люди отдают туда своих детей? Нет. Детей они отдают в основном в иезуитские школы и частные университеты, где программа образования совершенно другая, чем в этих либеральных вузах, выражаясь светским языком. Программа образования в частных университетах очень похожа на традиционную светскую программу или, скажем, эквивалентна ей.

То есть, революция идет. Вопрос заключается в том, что нам делать в процессе этой революции. Конечно, нужны перемены в образовании. Совершенно непонятно, кто будет субъектом этих перемен в свое время и с каких позиций. В начале XX века К. Мангейм сказал: «У трудящихся есть утопия. У господствующей группы идеология, у интеллигенции есть социология познания».

Дело в том, что НТР изменила этот треугольник. Нет треугольника. Эксплуататор, эксплуатируемый, интеллектual. Интеллектуалы рассосались между двумя другими группами,

большая часть ушла в эксплуатируемый, меньшая в эксплуататоры. Здесь ситуация очень сложная. Трудно сказать, откуда взяться субъекту. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Каждое выступление можно часами слушать, здесь собрались специалисты, но нет времени. Я скажу пару слов по поводу того, что сказал Андрей Ильич.

Я согласен с тем, что слово «революция», может быть, не достаточно убедительно тут звучит. Я употребляю такое выражение: происходит эволюционный спад. Это деградационный процесс.

Слово имеет Леонид Иванович Шершнев.

Л. И. ШЕРШНЕВ

Я целиком согласен с идеей Игоря Михайловича в отношении образовательной революции. Но только я выступаю за соединение образовательной революции с революцией социальной. И Учитель мне видится в этой революции в качестве его двигателя. А к такой роли его подталкивает не только боль за Россию и то состояние, в котором мы оказались, но и его собственное унижительное положение. Ведь посмотрите, никогда в истории России, за все ее существование, учитель, офицер, врач никогда не были за чертой бедности. Они все-таки всегда входили в привилегированное сословие, которое жило относительно неплохо.

Но сейчас без социальной революции нам не прорваться, не выжить и не изменить направления ни в каких областях образования. Сегодня меня смущает тот фактор, что наши так называемые олигархи начинают вкладывать деньги в образование. Вот, например, знаете ли вы о том, что Ходорковский (ЮКОС)

сейчас проводит социальный проект «Поколение.ru»? Он собирается за три года переподготовить 250 тысяч учителей. Спрашивается: какое он даст содержание и направленность содержания образования? С помощью ЮКОСА учрежден и открыт фонд, оборудованы компьютерные классы и т. д.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

А вы знаете, что Российский государственный гуманитарный университет уже под Ходорковским? Афанасьев сейчас является членом попечительского совета вместе с Ходорковским.

Л. И. ШЕРШНЕВ

Вот видите как. Надо учесть, что Ходорковский в течение двух лет готовится занять пост премьер-министра России. Во всяком случае, есть такая информация, что он готовится быть премьером России.

Если говорить о содержательной стороне образования, то, конечно, требуется обновление содержания. Требуется понимание проблем выживания, принятие самых высоких моральных и этических ценностей, сближение или устранение разрыва между техническим прогрессом и моральным и духовным развитием. Мне представляется, что в разговор об образовании надо внести аспект безопасности, говорить о безопасности образовательной деятельности. Об этом директор Института безопасности и жизнедеятельности Владимир Владимирович Сапронов расскажет лучше.

Я только что был на Украине. Там принята «Концепция образования, безопасной жизни и деятельности человека». Ее пытаются развить на всех уровнях: от детского сада и до ветеранов.

Сейчас на Украине уже появились книги «Основы безопасности жизнедеятельности». А на выставке комплексной безопасности Москвы я был буквально три дня назад. Именно образование было там представлено слабее всего.

На Украине те же беды, что и в России, только вымирает она еще быстрее и сложнее. Нет там уже прежнего национализма и эйфории, и сейчас многие очень жалеют о том, что ушли те времена, когда Украина была в составе Советского Союза.

Одна из задач образования мне видится в том, чтобы человек сознательно участвовал в формировании нового мира, более человеческого, более справедливого, несущего в себе большие возможности для всех. Нам здесь видится оптимальный способ созидательного переустройства мира, включения цивилизационного фактора в качестве главного принципа преобразования всей системы международных отношений и нового мирового порядка. Вот тогда мы сможем отойти от англосаксонской модели.

История человечества определяется как история развития цивилизации. Например, у Данилевского. К слову сказать, Александр Александрович, я читал вашу книгу «На пути к сверхобществу». Там говорится о цивилизации как об образцовом социальном феномене. На конференции в Киеве мне удалось апробировать цивилизационный подход к мироустройству. Если мы говорим, что сегодня государство уже каким-то образом теряет какие-то свои функции, оно не способно сегодня противодействовать транснациональным корпорациям и т. д., то сейчас самое время для того, чтобы определиться с цивилизационным подходом. ООН сохраняется как государство наций, в которое входят цивилизации. Совет безопасности преобразуется в Совет цивилизаций. По разным данным их

насчитывается от 9 до 20. Есть такие самостоятельные государства, цивилизации, как, скажем, Россия, Китай, Япония, Индия. Я говорю так потому, что если мы изменим таким ходом парадигму мира, то естественно в этом ключе начинать с образования.

У меня есть предложение. Давайте рассмотрим на одном из заседаний нашего Русского интеллектуального клуба следующую тему: «Русская цивилизация в цивилизационном мироустройстве». Тогда мы волей-неволей снова вернемся к проблеме образования. Снова рассмотрим парадигму совмещения революции социальной и революции образования. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Сапронов Владимир Владимирович.

В. В. САПРОНОВ

Я представляю фонд Национальной международной безопасности и Институт безопасности жизнедеятельности.

Во-первых, я хочу выразить большую благодарность Игорю Михайловичу Ильинскому за его доклад, потому что я впервые услышал в полном системном изложении ту проблему, которая меня волнует уже больше пяти лет и из-за которой я по существу сменил свою профессию. Я не педагог, не философ, я по образованию инженер, всю жизнь проработал с ракетно-космической техникой. Соображения, которые изложил Игорь Михайлович, настолько заостренны! И из остальных выступлений я уловил, что люди поняли, о чем он сказал. Я ему за это особенно благодарен.

Если сказать в двух словах, то парадигма образования должна перейти от удовлетворения материальных потребностей человека за счет преобразования окружающей среды, что было в

индустриальную эпоху, к приоритету безопасности жизнедеятельности.

Все образование должно изменить свою направленность — как общее, так и специальное. Наш Фонд, будучи общественной организацией и обладая ограниченными ресурсами, не управляет и не может управлять процессом. Фонд проводит анализ, выискивает наиболее проблемные точки и занимается ими. Такую точку мы нашли в дисциплине «Безопасность жизнедеятельности», которая отвечает по названию той проблеме, о которой мы говорим. Эта дисциплина есть и в школе, и в вузах.

Фонд разработал за 5 лет (с 1998 по 2000 год) образовательный модуль двух уровней. Один модуль для школы и один модуль для высших учебных заведений. Модуль носит мировоззренческий характер. Называется он «Современный комплекс проблем безопасности». Для школ Фонд уже в 2001 году выпустил пособия. К сентябрю наш Фонд выпустит учебное пособие для вузов. У меня есть макет будущего пособия. Мне очень бы хотелось, чтобы Игорь Михайлович познакомился с ним. В нем отражены комплексные проблемы безопасности личности, общества, государства Российского и мирового сообщества вкупе в новую эпоху развития человечества, которому угрожает действительная гибель.

Маленькое замечание. Думается, что Игорю Михайловичу из-за ограниченности времени не удалось дойти до проблем национальной безопасности. Нас, в первую очередь, волнуют именно они. В нашем модуле в основу положена национальная безопасность. На фоне мировой безопасности, индивидуальной безопасности.

Будучи инженером, привыкший иметь на выходе процесса какой-то продукт, хочу закончить двумя обращениями к

собравшимся. Первое обращение заключается в том, чтобы мысли, сегодня обсужденные, были бы сформулированы в некой концепции высшего образования на современном этапе развития. Не в книге Игоря Михайловича, такой толстой, а в концепции, страниц на 15–20 с публикацией большим тиражом в журналах, которые здесь представлены, в том числе в нашем журнале по безопасности. Это первое предложение.

Второе. Мне бы хотелось от присутствующих получить поддержку нашей инициативы, нашего модуля, который я лично внедряю в школе в 9 классах, в МВТУ им. Баумана, в Университете культуры. Я читал этот цикл в Академии повышения квалификации работников образования и в Академии МЧС. Везде он был принят положительно. Это первая обкатка. Но мне бы хотелось, чтобы этот модуль получил поддержку у всех присутствующих. Ознакомиться с ним можно у меня, я дам экземпляр. А к сентябрю Фонд выпустит пособие, в котором все будет подробно изложено. Два предложения: концепция и поддержка нашего мировоззренческого модуля. Спасибо за внимание.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Я думаю, прозвучала хорошая идея. Если мы от нашего Клуба сделаем такое обращение, его стоит опубликовать большим тиражом. Я знаю несколько газет, которые напечатают это. Потом выскажем свои соображения.

Слово имеет Юрий Юрьевич Болдырев.

Ю. Ю. БОЛДЫРЕВ

Уважаемые коллеги, хочу поблагодарить обоих докладчиков. Постараюсь тезисно изложить свою позицию.

Первое. «Образование» и «воспитание» в значительной степени использовались как синонимы. Видимо, следует разделить общее образование и профессиональное. В профессиональном образовании, особенно если речь идет о техническом образовании, все проще. Там есть конкуренция. По мере того, как развивается или не развивается нормальная конкуренция в экономике, вполне естественно будут востребованы те или иные специалисты, выпущенные профессиональными учебными заведениями. Там все проще. А с образованием как воспитанием значительно сложнее, потому что воспитывают не вузы, воспитывает общество, какое оно есть, и его институты. Невозможно себе представить, чтобы какая-нибудь концепция образования, безопасности образования и т. д. что-то радикально поменяла в состоянии общества.

Конечно, негативный пример состояния общества и государства тоже может воспитывать. Но он будет воспитывать позитивно только в том случае, если этот пример вступит в противоречие с какими-то базисными ценностными установками тех людей, которые впитывают и делают какие-то выводы. В конечном счете, мы приходим к основной проблеме — проблеме ключевых ценностных ориентаций граждан, населяющих ныне нашу страну. Обсуждать проблему образования, не обсуждая проблему ценностной системы в нашей стране, значит умалчивать о самой главной проблеме.

Перейду к глобальной проблематике. Мне кажется, нельзя забывать о том, что право на благородство, в конечном счете, имеет только сильный. Благородство слабого просто никто не заметит. Если речь идет о глобальной мировой конкуренции, речь идет о

соотношении сил, если я правильно понимаю идеи. Может быть, я упрощаю идеи Игоря Михайловича, но нужно наряду с идейной конкуренцией все-таки внедрять в сознание людей идеи сотрудничества, как, в конечном счете, единственно возможном выходе для человеческой цивилизации. Надо понимать, что внедрять эти идеи в умы и реальную практику может только тот, кто в той или иной степени является лидером в конкурентной борьбе. Миротворчество слабого, в конечном счете, никто не замечает, никто не принимает и никто не признает. Для того чтобы иметь право навязывать наши идеи миру, мы должны быть сильными и не отставать от конкурентов. Я скажу совсем простую вещь. Выступление за ядерное разоружение тех, кто ядерного оружия не имеет и не будет иметь, строго говоря, гроша ломаного не стоит. Их никто не слышит. И никто не услышит. В этом смысле, как это ни парадоксально, говоря о таких сугубо гуманитарных вещах, как проблема образования, проблема выживания и безопасности, нам никуда не деться от того, что если у нас есть хоть какие-то козырные карты как у сообщества, если мы хотим, чтобы нас хоть кто-то услышал в гуманитарной сфере, мы не должны отказываться от ядерного оружия. Никуда нам не деться. Мир устроен так, а не иначе.

Теперь, о морализации мира, морализации образования. «Гуманизация», «гуманитаризация» — разные термины звучали. В конечном счете, на продвижение, на навязывание своих ценностей имеет право тот, кто чувствует себя моральным. Я говорю не о конкретных выступавших здесь людях. Я говорю о состоянии морали в нашем обществе. Не в том состоянии мы сейчас находимся, чтобы во главу угла ставить наши попытки повлиять на мировые проблемы. Никуда не деться: самим надо мыть шею, самим

чистить зубы, самим тренироваться — и только после этого выходить с глобальными инициативами на большую арену.

Несколько раз говорилось о том, что образование это какая-то расходная сфера. Или это экономическая сфера, которая должна приносить прибыль. Почему в образование не вкладывают? Здесь все очень просто. Вкладывать выгодно в свое. В чужое вкладывать невыгодно. Бизнес будет вкладывать в образование только в том случае, если это образование будет повышать его прибыль. Государству есть смысл вкладывать в образование только в том случае, если вкладывает в образование граждан, которые будут работать на это государство, на это общество. Если мы не решаем проблему бегства «умов» ни на моральном уровне, уровне патриотизма, ни на уровне экономическом, то вложения образования могут оказаться в значительной степени вложениями в экономику, культуру и науку США, Западной Европы и т. д.

Было предложение подняться на уровень производства нового знания и т. д. Существует несколько ступеней в мировой системе разделения труда. Можно стоять на уровне «эксплуатируемый—эксплуататор», можно понимать, что каждая более высоко стоящая ступень производства присваивает себе больше прибавочного продукта, нежели предыдущая. Так вот, ступень производства опережающего знания не является высшей ступенью. Высшей ступенью в мировой иерархии является ступень управления. Как административного, силового, так и информационного. В условиях, когда ключевые рычаги информационного управления миром (через средства массовой информации, через Голливуд и т. д.), и силового, и финансового, находятся не в наших руках, надо трезво понимать, что так легко позволить нам подняться на более высокую ступень производства не гаек, винтиков, а опережающего знания никто не

собирается. Высшие ступени, естественно, монополизируются теми, в чьих руках находятся рычаги управления. Решить проблему, начать производить опережающее знание в науке, технике, на нашей территории, нашими силами без решения проблемы выхода или участия на более высокую ступень в части управления невозможно. Никто просто не позволит.

Подготовка кадров для Запада. Здесь нужно понимать, что мы готовим кадры для той ступени, о которой вы говорили. Но мы не готовим кадры для Запада в части управления миром. Это нам никто не позволяет. Более того, американская школа (я имею в виду не высшую школу, а общеобразовательную) — какую цель она ставит, декларирует? Знания дать? Социализация — вот главная цель. У нас средняя школа как раз такой цели, к сожалению, не ставит. Здесь, мне кажется, затронут принципиально важный аспект. Это то, чему нам надо учиться у Запада. Именно средняя школа, начальная школа должны ставить главной целью социализацию человека. Беда не только в утечке мозгов. У нас утечка граждан, потенциально способных участвовать в управлении обществом и государством. То есть, если расставлять приоритеты, я бы ставил в качестве приоритета постановку задачи социализации как главной задачи образования начальной и средней школы. Только так мы сможем получать людей, способных к самоуправлению, к участию в управлении обществом. И тогда может быть изменение нашей роли, нашего места в мировой системе разделения ролей, разделения труда. Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Юрий Михайлович Резник.

Ю. М. РЕЗНИК

Уважаемые коллеги, хочу начать с некоторых ремарок по поводу того, что было сказано. Образовательная революция. Как всякая революция, она производится в определенных интересах, является объектом определенных интересов. И я не хотел бы, чтобы мы воспринимали образовательную революцию как некий фон, на котором разворачиваются объективно, независимо от нас, некие события. Это то, что делается определенными кругами, и здесь есть свои победители. Давайте, определим по тем объективным последствиям, которые произошли в России, кто же является победителем этой революции. Это отнюдь не субъекты среднего и нижнего звена, которые участвуют в учебном процессе или занимаются образовательными технологиями. Это, наверное, субъекты, которые сегодня претендуют на управление миром и Россией.

Это ремарка по поводу. Что касается проблем безопасности, как, впрочем, и других парадигм, которые сегодня предлагаются, позволю себе не согласиться — так же, как и с парадигмой выживания человечества. Не выживание как самоцель и не безопасность сегодня стоит на повестке дня. Сегодня речь идет (я больше здесь солидарен с точкой зрения Бориса Григорьевича Юдина) о новом качестве гуманитарных технологий, в том числе, технологий образовательных. В данном случае, мне кажется, технологии эти имеют как раз характер дегуманистический.

Теперь по существу того, что здесь говорилось. Мы сейчас являемся участниками одного события, а сегодня, в этот же день, происходит другое. Президиум Российской академии наук проводит конференцию в главном здании на Ленинском проспекте с таким же примерно названием: «Проблемы гуманитарного образования в

России». Там собран цвет, элита, академики. Они обсуждают нечто подобное.

Сопоставим эти два события в контексте системы жизненной концепции социума, как я себе представляю, в духе Ю. Хабермаса и других. Есть мир формальных систем, включая образовательную. И есть мир жизненный — это мир повседневных коммуникаций. Есть центр, в котором принимаются решения, и есть периферия. Если проводить сравнительный анализ, то он будет не в нашу пользу. Мы сегодня находимся не в мире систем, по крайней мере, не в той системе, где принимаются решения по высшему образованию. Мы с вами сегодня находимся не в центре событий, которые определяют судьбу образования в России. Увы, это так.

Поэтому здесь, по всей видимости, необходимо четко себе представлять, каковы последствия того события, участниками которого мы сегодня являемся. Если брать систему образования в целом и ход реформ, то их тоже можно рассматривать в ретроспективе как определенную цепь событий, ведущих к известным результатам и преследующих определенные интересы. В этих событиях, увы, мы являемся только наблюдателями, но не основными деятелями и участниками. А эти события разворачиваются на наших глазах, и мы находимся как бы в стороне от стратегического развития.

Я хочу сказать, что сегодня образование необходимо рассматривать не только как ресурс нашего общества, но, прежде всего, как важнейший рычаг и способ формирования нового общества. Не только нового человека, но и нового общества. Мы забываем о том, что это одно из важнейших институциональных средств социального конструирования реальности нашего общества.

И от того, каким образом сейчас закладываются кирпичики в основание этого конструирования, зависит будущее нации.

Сегодняшний ход событий подсказывает нам, что мы, к сожалению, находимся в реформировании образования вне центра социального пространства России. Как бы научно-педагогическая общественность не изощрялась и как бы она не стремилась к занятию определенных позиций, она вытесняется на периферию. Система высшего образования создана для реализации социальных и жизненных интересов тех, кого мы сегодня называем олигархами. Мы живем в условиях административно-олигархической системы. Сговор между олигархами и бюрократическим аппаратом налицо. Достаточно привести факты побочного характера: сегодня тратится на приобретение техники вооружения на порядок меньше, чем состояние одного из олигархов. Например, Фридмана (4,2 миллиардов долларов), что покрывает не только весь наш военный бюджет, но и весь сопутствующий расход. То же самое касается и образования. Наши затраты на образование не сопоставимы с теми доходами, которые имеет небольшая группа людей.

Таким образом, гражданское общество, которое должно было стать совокупным, объединенным субъектом реформирования высшей школы, сегодня находится только в стадии становления. Его место занимает олигархическая система. Она диктует сегодня государству в лице определенных сил, каким должно быть образование в России. С моей точки зрения, в обществе лишь формально декларируется демократия, рыночная экономика. Здесь говорили об обществе знания, к которому якобы и ведет образовательная стратегия нынешнего правительства, на самом деле стратегия подменяется массой трюков и технологических уловок, о которых, наверное, стоит говорить отдельно.

Какое же общество мы получаем в результате данной образовательной революции? Вовсе не то, не гуманистическое, не демократическое. О чем идет речь? Это общество маргинальное. Это общество зависимое. Это общество, основанное не на экономике знания, а на сырьевой экономике. И это общество, в котором субъектом исторического действия является, безусловно, не народ, не гражданское общество, а достаточно узкая, вполне закрытая группа людей. Альтернативой этому обществу или, точнее, этой образовательной стратегии, которую сегодня Россия реализует вопреки воле большинства субъектов образовательной деятельности, может быть, конечно же, лишь формирование иных систем образования. Почему мы говорим, что у нас должна быть лишь одна система образования. Мы совершенно недооцениваем потенциал системы негосударственного образования.

Но и это еще не все. Потенциал образования России включает в себя такую вещь, как формирование человека как гражданина, как гражданскую личность, свободного существа, которое само принимает решение. К сожалению, мы все делаем для того, чтобы напичкать человека знаниями, навыками, определенными технологическими вещами, но мы уходим от главного, стержневого вопроса: какой быть личности гражданина Российского государства. Вот этими задачами, мне кажется, должна заниматься какая-то отдельная структура, общественная организация. Было бы жаль потерять то, что мы сегодня наработали. Я хотел, чтобы мы продолжили дискуссию. Если уж мы хотим вырабатывать альтернативную стратегию высшего образования в России, давайте создадим соответствующую структуру. Почему бы не назвать ее «Национальный комитет по стратегии образования в России»? Почему такой комитет нужно создавать откуда-то сверху? Давайте

снизу, здесь определим состав его главных участников и породим ту цепь событий, которая будет альтернативой всему происходящему.

Спасибо.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Это хорошая идея, но в компетенцию нашего Клуба это не входит.

Кто-нибудь еще хочет выступить из присутствующих?

А. И. ШЕНДРИК

Абсолютное большинство идей, которые здесь прозвучали, мне глубоко созвучны. С большинством из них я, в принципе, готов согласиться. Особенно меня привлекает идея о создании альтернативной концепции образования в Российской Федерации, явно противостоящей той концепции, которая сейчас тихой сапой, несмотря на протесты, тем не менее, реализуется в целом ряде субъектов Российской Федерации.

Но, создавая концепцию, я думаю, нам надо отрешиться от тех идеологем и тех мифов относительно системы образования, которые достаточно интенсивно вбивались в головы на протяжении последних десятилетий. Я хотел бы остановиться на этих идеях, потому что если мы не осознаем опасности этой мифологии, которая уже стала ни чем иным, как атрибутом массового сознания, то осознать что-то стоящее будет достаточно сложно.

Первая идея, против которой мне бы хотелось высказать ряд контраргументов. Это идея относительно того, что образование представляет собой некую сферу исключительно услуг, которые

должны предоставляться населению за определенную плату. Образование никогда не было сферой услуг и никогда ей не будет. Это просто совмещение совокупности всех проблем и задач, которые решаются в сфере образования, и вопросов, связанных с решением чисто экономических задач. Поэтому относиться к образованию как к сфере, где должны действовать рыночные отношения, как мне кажется, совершенно неправомерно.

Вторая идея. Это идея декларирует необходимость резко усиливать прикладную направленность нашего образования, что, собственно говоря, и происходит. Потому что те варианты Государственного образовательного стандарта третьего поколения, с которым мне удалось познакомиться, продолжают логику, которая была в госстандартах первого поколения. То есть резкое сокращение подготовки по дисциплинам, которые дают общетеоретические знания, формируют какие-то мировоззренческие ценности, ориентации, установки. И усиление того блока, который, собственно говоря, и формирует узкого специалиста.

Мне кажется, что это чрезвычайно опасная тенденция, потому что она явно вступает в противоречие с тенденциями развития образовательного процесса вообще в мире и явно вступает в противоречие с теми императивами, которые реализуются на практике в образовательной системе ведущих капиталистических держав. Даже в тех же Соединенных Штатах, о которых здесь говорили, где прикладная направленность образовательного процесса выражена достаточно явно, тем не менее, в последние годы наблюдается тенденция усиления внимания к блоку гуманитарных дисциплин, увеличения гуманитарных предметов. Тем более что расширение спектра теоретических знаний — это тот излишек образования, который выступает ни чем иным как стимулом, тем

провоцирующим моментом, который стимулирует социальный, технический и экономический прогресс. Излишек образования, в принципе, никогда излишком не бывает. Собственно говоря, социальный прогресс и является ни чем иным, как результатом этого излишка образования. Человек, который обладает излишком образования и выполняет технологические функции, способен к критическому осмыслению, может быть активным субъектом исторического действия.

И третья идея. Идея относительно того, что образование должно быть платным. Здесь была высказана мысль о необходимости создавать альтернативную систему по отношению к той, которая сложилась в Российской Федерации. Мне кажется, что в нынешних условиях, может быть, это действительно так, простая сермяжная правда. Но дело в том, что образование, как здесь неоднократно говорили, решает проблемы вхождения в культуру. В этом отношении право на образование действительно является неотъемлемым правом человека на приобщение к мировым ценностям культуры.

Необходимо сказать, что целый ряд ведущих западных вузов, в частности известный Швейцарский технический университет, несколько лет тому назад начали проводить политику расширения спектра бесплатных образовательных услуг. В том числе в качестве бесплатного интеллектуального товара они предоставляют данные относительно более 250 учебных курсов и научно-методической литературы, которая их обеспечивает, для всеобщего пользования. Подобный факт рассматривается как возможность резкого расширения доступности образования именно для тех людей, которые в силу тех или иных субъективных обстоятельств не могут стать студентами этого престижного учебного заведения.

Завершая свою краткую реплику, хочу сказать, что это только небольшой перечень тех мифов и идеологем, которые пока еще присутствуют в массовом сознании. Необходимо их выявить и критически проанализировать, и, безусловно, от них отрешиться.

В. А. ЛУКОВ

В развитие идей, высказанных участниками заседания, и прежде всего Игорем Михайловичем, хочу поднять тему «Высшее образование как социальный проект».

Проект возникает там, где для достижения цели приходится опираться на ограниченные ресурсы и где, таким образом, ожидаемый результат достижим, если заранее продуманы пути эффективного использования ресурсов и спрогнозированы последствия реализации проекта. Проектные технологии сегодня применяются повсеместно. Очевидно, что и вуз может строить свою образовательную деятельность по проектно-ориентированным технологиям. В журнале «Высшее образование в России» был, например, представлен опыт такой организации работы в Нижегородском государственном университете. Но в рамках нынешнего обсуждения социальный проект предстает в ином контексте и в ином масштабе.

Чем дальше мы выходим за рамки отдельного вуза, тем меньше образовательные проекты выражают связь целей и ресурсов и все ярче проявляются парадоксы образовательной политики. Характерны в этом плане притязания государства на контроль за качеством высшего образования. Государство устанавливает систему требований, но в подвластных ему учреждениях не может ее обеспечить. По оценке одного из разработчиков концепции модернизации образования Я. И. Кузьмина (из его недавнего

интервью «Российской газете»), до 30 процентов государственных средств на профессиональное образование просто вылетает в трубу. А это как-никак около миллиарда долларов в год. На преодоление подобного положения и направлены идеи модернизации, а решение проблемы, в частности, видится в ГИФО, которые «заставят вузы крутиться». Интересно, что рядом с высказываниями профессора Кузьмина «Российская газета» публикует сообщение об открытии в Урюпинске дневного отделения филиала Волгоградского университета. «Кстати, — пишет корреспондент, — урюпинцев полностью поддерживает министр образования. И не потому, что он родом отсюда», и дальше о том, что «не поскупилось на развитие филиала в Урюпинске министерство» (Рос. газета. 2003, 11 июня). Модернизация системы высшего образования вновь оказывается не единственным проектом. Параллельно существуют и иные цели, иные представления о том, каким путем строить высшее образование, и их носители — нередко одни и те же лица.

Все же есть смысл выйти и за пределы министерских проектов, поскольку и здесь социальный проект представлен лишь в отдельных, хотя бы и масштабных, фрагментах.

Следует оценить значение того факта, что XXI веку XX век передал одно из важнейших своих достижений — широкое применение в социальной практике проектного мышления. Дело не только в том, что организация той или иной деятельности все чаще осуществляется по проектным технологиям, а и в том, что старые представления об успешности проекта по его экономическим показателям сегодня недостаточны.

Несколько слов об этой стороне вопроса. Выделению социального проектирования в относительно самостоятельную сферу деятельности в наибольшей мере способствовало осознание

мировым сообществом глобальных проблем современности, и прежде всего экологической проблемы. После Чернобыльской катастрофы конкретизировалось понимание опасности человеческой деятельности для судеб человечества, если она выходит за пределы экологически допустимых границ. Это и определило, среди прочего, решительный перелом в проектировании социальных изменений и оценке социальных проектов. Исходные вопросы социального проектирования — какие состояния желаемы и какие ресурсы есть для их достижения — в современных условиях раскрываются иначе, с иными акцентами и оттенками, чем еще 15–20 лет назад.

Главное — не экономический, а ценностный аспект проекта становится определяющим. Раньше ценностная природа целенаправленных социальных изменений не осмысливалась в связи с конкретными проектными разработками и с технологией проектирования, это была сфера чистой теории. Проектной деятельности была присуща установка на немедленную реализацию проекта. В качестве ведущих факторов успеха рассматривались скорость работ и наличие финансовых, кадровых и материально-вещественных ресурсов.

Теперь успех как достижение цели стал недостаточной характеристикой эффективности проекта. В новой парадигме мышления внимание уделяется не столько связи цели проекта и ее достижения, сколько самой постановке цели. Здесь сложилась новая мораль проектирования и новая его технология при выработке целей проекта: они должны устанавливаться после изучения последствий инновации для ценностного мира, в рамках которого будет реализовываться проект.

Когда мы говорим о высшем образовании, ценностный аспект может приобрести вид простой банальности. Характерны высказывания М. Н. Глазкова в статье «Высоты высшего образования», опубликованные журналом «Педагогика» (2002. № 2): «Когда молодой человек придет в вуз, чтобы стать полноправным наследником великой культуры и науки своего отечества, когда его осознанной целью станет совершенствование мира людей, тогда он обретет реальные шансы вырасти выдающимся профессионалом и настоящим человеком». Ресурсная сторона автору видится в том, что студенту за образование платит государство: оно должно оплачивать «тяжелый и социально необходимый труд студентов — овладение знаниями». Из такого целеполагания и такого ресурсного обеспечения не следует практических действий, нет и основы для социального проекта даже в самом широком смысле слова.

Трудность как раз в том и состоит, чтобы определить, как сделать студента наследником культуры, что это значит конкретно. В «Образовательной революции» И. М. Ильинского на первое место ставится вопрос: чему учить? Это в высшей степени справедливо. Особенно в области гуманитарного знания.

Обращу внимание на те стороны содержания образования, которые затрагивались пока в малой степени. Когда мы говорим о культурном, образованном человеке, о его высшем образовании в гуманитарной сфере, то оставляем за скобками тот факт, что его знание по необходимости крайне фрагментарно. Мы говорим о системном подходе, о систематической подготовке в вузе, но имеем дело с системами особыми, которые можно назвать тезаурусами. Это ценностные системы, основанные на том, что в данной культуре более признано, усвоено, считается важным. Приведем пример из подготовки филологов. В вузовских учебных программах по

зарубежной (всемирной) литературе представлены почти исключительно европейские авторы, а из литератур Европы — только три (английская, французская, немецкая) с небольшими фрагментами из итальянской, испанской, норвежской и некоторых других литератур. Такой состав соответствующих образовательных программ определяется русским культурным тезаурусом, культурной традицией. Что же следует из тезаурусной основы содержания образования?

1. Попытки калькирования зарубежных образовательных программ натываются на сопротивление российской культуры, которая строится на других культурных моделях. Если в определенных областях знаний возможно сближение (в том числе и для конвертируемости дипломов на международном рынке образования), то в гуманитарной сфере это крайне проблематично.

2. Сближение культурных моделей сегодня может вестись в вузах гуманитарного профиля через проблематику, порожденную процессом глобализации и ответами на нее (антиглобализм, локальные культуры и т. д.).

3. Нынешние государственные образовательные стандарты представляют не системы научных знаний, а тезаурусы. Это, с одной стороны, естественное их состояние, а с другой — свидетельство их лишь относительной легитимности. Иначе говоря, их легитимность обеспечивается не собственно научными, а правовыми средствами.

Однако к этому следует добавить: гуманитарная сфера слабо подвержена правовому регулированию и государственному управлению. Оптимизация социально-проектной деятельности здесь могла бы вестись путем ее постановки под контроль не столько государства, сколько общественности. Идея участия населения в выработке и принятии решения по социальным проектам, их

корректировке, в недопущении произвольных решений властей, администраций всех уровней или частных лиц стала одной из общепринятых основ практики социального проектирования во многих странах. Доктрина «public participation», развивающаяся в США и Европе с 1960-х годов, более всего затрагивает градостроительные решения (ее зародыш содержался в критике планирования городского развития без учета интересов потребителей, отказе от практики осуществления архитектурных решений, исходя из представления о рациональном городе, о функциональной основе жизни людей). Доктрина строится на переходе от функционального к средовому (environmental) подходу — с активным участием жителей города в разработке и осуществлении социальных проектов.

Не есть ли это и путь к модернизации высшего образования в России? Стремление все делать в министерстве или даже где-то рядом с министерством, но вне признания субъектом образовательной политики тех, кто непосредственно связан с образовательным процессом в вузах, не может не вести к бесплодным или опасным экспериментам над обществом.

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Спасибо.

Хочу несколько слов сказать как участник дискуссии.

Не являясь специалистом по проблемам образования, я лишь приведу один пример с расчетом на то, что, может быть, он пригодится при выработке такого документа, о котором здесь многие говорили.

Мне пришлось, живя на Западе, сотрудничать с различными социологическими группами и в Соединенных Штатах Америки, и в Западной Европе. В одной группе установили следующее. Это была

очень высококвалифицированная группа по понятиям современной конкретной социологии. Для того чтобы народ, страна в современных условиях смогли сохранить суверенитет во всех отношениях и быть значительной страной, значительным народом в современных условиях, для этого нужно, как минимум, производить более 50 тысяч видов продукции (всякого рода технических и прочих устройств) и, как минимум, 5 тысяч различных типов специалистов. Вдумайтесь в эти цифры! Это число не просто высококвалифицированных специалистов, а типов специалистов. И по каждому типу — это тысячи и тысячи индивидов.

Выполнить это — минимальное условие для выживания, между прочим, нашей страны, нашего народа в качестве значительного явления в истории человечества. Какая же для этого нужна система образования! Действительно система образования становится главным фактором в выживании нашей страны в современных условиях. Не просто одним из каких-то факторов среди многих условий, а именно главным даже с точки зрения такого простого и чисто формального расчета.

А теперь позвольте мне предоставить заключительное слово Игорю Михайловичу Ильинскому.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Я тоже начну с того, что я не специалист по образованию. Но приходится, жизнь заставляет, потому что у нас есть целый Университет.

Первое. Честно говоря, я не делал доклада, у меня не было такой задачи. Просто всякий раз, когда мы собираемся, кто-нибудь выступает для затравки. Поскольку наша дискуссия проходит в стенах Университета, я взял на себя труд рассказать об

образовательной революции за 20–30 минут, хотя это, в принципе, немыслимая вещь. Я это прекрасно понимаю. Отсюда предельная абстрактность разговора и ограниченность только глобальной постановкой вопроса. Скажем, сознательно я даже вообще не коснулся России и всех проблем российского образования.

Могу одно сказать, я абсолютно согласен с Вадимом Михайловичем и с остальными. Да, у нас идет социальная революция, идет образовательная революция, но не та социальная и не та образовательная. Так бы я сказал. Отсюда все следствия и все, что мы с вами наблюдаем, и что меня абсолютно не устраивает. Отсюда и мысль о необходимости чего-то другого.

Второе. В этой дискуссии и в книге я для себя поставил несколько ограничений. Это принципиально важно. Тогда у тебя поле исследования ограничено пределами, логика рассуждений более или менее понятна. Для меня очевидно, что ситуация губительна для человечества и, стало быть, для России, потому что мы в системе. Я начинаю рассуждать сверху. Все-таки для меня последняя и главная проблема — это не проблема, как красиво умереть, ибо мы все когда-нибудь умрем. Почему проблема выживания — это не главная проблема, если на самом деле мы в ситуации выживания? Конечно, можно рассуждать на тему о том, что образование — это неизбежный порыв знаний, что это ликующее знание. Это все красиво, но только при условии, если все будет продолжаться.

Другое мое ограничение: будущего может не быть. Тогда мы должны обсуждать проблему в каких-то конечных временных рамках. А в противном случае можно все размазать и вширь, и вдаль, все разнести по времени, тогда это совершенно другой разговор. Мне, например, ясно, что это проблема глобальная. Не

русская. Да, у нас свои проблемы, они для нас больше и понятнее, чем какие-то другие. Можно было бы говорить только о них, но это проблема глобальная: или спасемся все, или не выживет никто. Вот так стоит вопрос. Поэтому надо рассуждать и о себе, но, прежде всего, об общих проблемах.

Отсюда, может быть, некоторые несовпадения наших рассуждений, хотя я тем самым ни в коей мере не претендую на истинность своих суждений. Мне понравились многие, абсолютное большинство всех выступлений, и хотелось бы высказаться в порядке комментариев.

Кто субъект революции? Раз есть революция, то есть и субъект. Тут у нас уже встал этот вопрос. В принципе, правильно. Но нет этого субъекта. Уж Америке я никогда не отдам это право, поскольку она сильная. В принципе, мы имеем все, что мы имеем, потому что сила там, и нам предлагается та модель развития. Но меня это не устраивает.

В данном случае, я думаю, что образовательное сообщество, если оно каким-то образом организуется, скажем, в какое-то национальное, не нуждается в создании национальных комитетов, их и так очень много. Лет 7–8 назад ко мне приходили люди, которые спасали русское образование, предлагали присоединиться. Года 2–3 назад еще какая-то комиссия была создана. Есть депутатские комиссии, там Кокошин возглавляет Совет по образованию. При Правительстве РФ какой-то совет есть. Советов-то много, а дело-то делает одна Высшая школа экономики, а точнее говоря — Герман Греф, который за этой структурой стоит и является центром этих стратегических разработок. Но сейчас вмешается Ходорковский с большим денежным мешком, и вот там дело закипит. Мы с вами еще увидим и услышим об этом.

Поэтому я в этих сложных ситуациях (и в мелких, и в крупных) всегда привык надеяться на себя. Если нет нигде субъекта, никто не берет на себя это право, значит — я — субъект, *мы* — субъект. Если мы с вами одинаково мыслим, значит — давайте объединяться и делать то, что мы можем делать.

Вот рассуждали на тему, в чем смысл конференции по образованию, которую мы хотели собрать, но не получилось. В чем? Мы с вами можем только написать еще одну концепцию и заслать ее в министерство. Но там ее никто не ждет, она там никому не нужна. Там всем все ясно. Они все знают, что они делают, и они это делают. Проблема в том заключается, что мы с вами узнаем о многом по факту. О том, что замысливается, мы, как правило, не знаем. Так же как о той концепции реформ, теперь модернизации образования, мы не знали до той поры, пока эта концепция не была написана, потом опубликована, а потом начала бурно и быстро реализовываться. Да, внесены какие-то перемены, что-то переведено в разряд эксперимента, чем очень гордятся Российский Союз ректоров и В. А. Садовничий. И по праву. Они сделали очень много для того, чтобы как-то притормозить эти процессы. Но на самом деле процессы все равно идут. И единый экзамен уже на десятках территорий реализуется, и ГИФО уже апробируется. И это факт. Что может остановить? Только если денег не хватит. А что денег не хватит — это определено. Потому что с ГИФО они уже один раз просчитались, неправильно посчитали, у них там уже наметился дефицит денег. А когда они ГИФО запустят, окажется, что денег нет вообще. Но механизм начнет работать. Тогда будут валиться вузы. А вот в этом, может быть, и есть главный замысел. Мы просто этого-то и не знаем. А на самом деле не сложно и догадаться, потому что тезис о том, что у нас много образования, что образование дело

избранных, а не право каждого, звучит. Это расхожий тезис, который я лично слышал из уст очень высоких руководителей. Науки много, знаний много, образования много и т. д. Это уже идеология. Мы с вами находимся в сфере идеологии, а политика — это то, что мы с вами пожинаем, то, что мы с вами наблюдаем.

Поэтому, конечно, нам надо подумать. Как решим — так и сделаем. Давайте напишем 5 страниц, 15 страниц или что-то еще, но ведь они не читают это. Другое дело, что мы должны это делать. Зачем бы я писал книгу, зачем мы заседаем здесь, собираемся, спорим? Мы должны показать, что мы знаем, понимаем, мы имеем идеи. И если мы люди ответственные, государственные, если мы граждане своей страны, если мы, в самом деле, хотим иметь Россию, то должны показать, что мы можем сделать.

Большое спасибо за обсуждение, за добрые слова, за поддержку, которую я услышал. Но смысл собрания не в этом. Смысл в том, чтобы нам прийти к каким-то общим заключениям.

Международная научная конференция

«Итоги XX века»,

посвященная 80-летию

А. А. Зиновьева

15 ноября 2002 г.

Московская гуманитарно-социальная академия

Международная научная конференция
«Итоги XX века»,
посвященная 80-летию
А. А. Зиновьева

15 ноября 2002 г.
Московский гуманитарный университет

СТЕНОГРАММА

Председательствует И. М. Ильинский

И. М. ИЛЬИНСКИЙ — ректор МГСА, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, Вице-президент Русского интеллектуального клуба

Мы начинаем работу нашей конференции «Итоги XX века», посвященной 80-летию Александра Александровича Зиновьева. На конференцию приглашены выдающиеся личности, многие из которых здесь присутствуют и будут выступать, государственные и общественные деятели, деятели науки и образования, а также члены Ученого Совета МГСА, ее студенческого совета и слушатели — студенты Школы социальных исследований А. А. Зиновьева. Присутствуют более 120 человек. Зал полон, и мы можем начать работу.

Сначала о порядке работы. С 10 до 14 предположительно мы прослушаем серию выступлений с небольшим перерывом на чай, кофе. В завершение нашей конференции выступит А. А. Зиновьев.

Следует сделать одно замечание. Мы назвали тему конференции «Итоги XX века». Понятно, что эта тема беспрдельно широкая и в высшей мере сложная. Никто из нас не рассчитывает на то, что в 10–12 коротких выступлениях мы сумеем раскрыть ее даже в малой степени. Но так предложил поименовать нашу конференцию юбиляр, полагая при этом из лучших побуждений, что при столь широком подходе каждый выступающий сможет уложиться в дискуссии с любой темой своего выступления. Мы же, как организаторы, согласились с этим предложением еще и потому, что глобальность темы хорошо соотносится с масштабом личности юбиляра, который сам по себе является выдающимся продуктом и заметной силой, влиявшей на облик XX века.

Позвольте мне начать конференцию выступлением, тему которого я определил так: «XX век — кризис понимания».

Если оставить в стороне успехи и достижения XX века, то второй составляющей совокупного итога этого века является ворох острейших проблем, многие из которых утратили национальную и даже региональную окраску, получили название глобальных. Эти проблемы также хорошо известны, как известно и то, что при дальнейшем обострении они угрожают человечеству катастрофическими последствиями, вплоть до его гибели. Из выдающихся русских мыслителей, кто видит мир и будущее в таком свете, я назову только двоих, тех, кто многократно выступал в этом зале: ушедшего от нас около двух лет назад Никиту Николаевича Моисеева — первого Президента Русского интеллектуального клуба нашей Академии, и Александра Александровича Зиновьева, юбиляра и нынешнего Президента этого клуба.

Есть ученые, которые полагают, что это апокалиптический взгляд на будущее и он не уместен. Так думает, в частности, видный российский ученый Сергей Петрович Капица, который также неоднократно участвовал в дискуссиях за этим столом. По его мнению, основной глобальной проблемой человечества следует считать рост населения, которое порождает все остальные, в том числе антропогенные изменения окружающей среды и возможное истощение ресурсов. В росте численности населения Сергей Петрович видит меру развития во всех измерениях. На основе собственных расчетов он утверждает, что рост населения планеты в середине XXI века прекратится, начнется его падение, а вместе с этим, как он полагает, «уменьшатся, если не исчезнут, причины больших войн». Иначе говоря, острота глобальных проблем резко уменьшится, а значит, отпадет и вероятность самоуничтожения человечества.

Споры идут, а положение в мире, между тем, не улучшается, а обвально ухудшается. Это со всей очевидностью подтвердила, в частности, недавно проходившая в Йоханнесбурге под эгидой ООН Всемирная встреча по проблеме устойчивого развития. Многие называли ее «Рио минус 10», имея в виду, что прошло 10 лет после известной конференции 1992 года «Окружающая среда и развитие» в Рио-де-Жанейро, на которой лидеры 179 стран признали, что действующая парадигма развития человечества полностью исчерпала себя, и необходимо ускоренно переходить на новый путь развития. Эти 10 лет жизни потеряны, и новая встреча по тому же поводу не имела успеха.

Почему же человечество, знающее о грозящей ему смертельной опасности, словно околдованное, все быстрее мчится навстречу гибели? Дело в том, что, на мой взгляд, XX век оставил

нам в наследство еще одну глобальную проблему: неосознанность происходящего. На мой взгляд, будет точнее сказать — кризис понимания. Это самая главная из всех глобальных проблем. Это глобальная проблема номер один. Проблема эта сложна и многогранна. Я коснусь лишь нескольких, на мой взгляд, наиболее важных ее сторон.

В чем суть кризиса понимания? В том, что темпы, скорость, сложность и масштабы событий и перемен, которые происходили во всех областях общественной жизни на протяжении XX века, особенно во второй ее половине, превзошли нашу способность понимания происходящего как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Речь не только об обыденном, но и о научном сознании, не только о миллиардах обывателей, но и о тысячах тех, кто стоит во главе государств и правительств, политических и общественных структур, транснациональных корпораций, принимает судьбоносные решения.

Этот вывод может показаться странным, даже абсурдным. Ведь XX век — век научно-технической и информационной революций, век компьютера, Интернета. Век невероятно возросших возможностей человека знать и понимать. Мы уже давно говорим не о нехватке, а об избыточности информации. Но именно отсюда и берет свое начало кризис понимания. Скорость и темпы нарастания объемов информации о множестве разноплановых и быстро меняющихся в основном сенсационных, среди них прежде всего катастрофических и криминальных событиях, как мы это видим на примере России, сеют в душах и умах людей хаос и смятение. Человек все больше лишается спокойствия, внутренней тишины и сосредоточенности, без которых невозможны интеллектуальная деятельность, размышление — и понимание. Более того, в условиях,

когда личностные, защитные механизмы не срабатывают, ослабевают импульсы поиска смысла существующих явлений и событий, что и представляет собой процесс понимания. В этой ситуации человек оказывается особенно предрасположенным к внешнему воздействию и влиянию, к восприятию разного рода штампов, клише, стереотипов, мифов, образцов поведения, которые, как мы видим, ему весьма агрессивно навязывает большинство средств массовой информации.

Тем не менее, сложилось представление, что мы сегодня очень много знаем. На первый взгляд, так оно и есть. Но спросим себя, что мы знаем? Сплошь и рядом мы знаем слова и названия явлений, событий, процессов и предметов, но не их содержание, не их глубинный смысл, не их сущность.

Элементарный пример. У меня есть внук Алеша, которому 2 года и 3 месяца. Он уже называет марки всех автомобилей, которые видит на улицах Парижа: «Мерседес», «Ауди», «Пежо» и другие, но он, конечно, ничего не может сказать о том, как устроен автомобиль и что такое автомобиль вообще, чем отличается одна модель от другой. Недалеко от него, мне кажется, ушли и многие дяди и тети, которые купили водительские права, но не могут исправить самую элементарную поломку в автомобиле. Я привожу этот простейший пример, чтобы сказать о том, что сплошь и рядом происходит подмена знания сущности предмета знанием его названия, которое опять же сплошь и рядом принимается за знание как таковое. На самом деле — это иллюзия знания, иллюзорное знание.

Так продолжается во множестве других случаев на протяжении многих лет. Посмотрим, например, на интеллектуальные игры типа «Что? Где? Когда?» нашего телевидения, не говорю уже о «Поле чудес», «Как стать

миллионером» и прочих подобных. Все они построены на отгадывании слов, названий, дат, имен, но не на поиске смысла, т. е. понимания. Между тем радио, телеэфир, страницы газет и журналов сегодня забиты такими многозначительными словами и выражениями, как «рыночная экономика», «глобализация», «международный терроризм», «новый мировой порядок», «наступление НАТО на Восток», «образование XXI века» и десятками других. Эти слова и названия знают все, но в чем действительный смысл этих слов и выражений — абсолютное большинство не понимают. Хотя редко кто из этого большинства согласится с таким выводом. Понимание — это процесс, это синоним творчества, это огромный труд. Тем более сложный, когда речь идет о постижении смысла глобальных явлений, процессов типа тех, о которых я сейчас говорил.

Но далеко не все готовы трудиться, чтобы понять то, что не входит в круг их служебных обязанностей и не приносит прямой пользы. Итог: здравомыслящий человек уже давно понял, что далеко не всякая информация полезна, что «многознание уму не научает». Истина старая. Налицо уже бегство не только от свободы, но и от информации, от знаний.

30 лет назад Э. Тофлер писал о том, что человечество погибнет, скорее всего, не от нехватки сырьевых ресурсов и пищи, а от психологической перегрузки. Тогда он имел в виду новую социальную болезнь — шок от будущего. С тех пор в мире многое изменилось и ухудшилось. Сегодня в России можно смело говорить о шоке от настоящего и прошлого, от абсурда происходящего сегодня. Социальный хаос, а значит — хаос в мыслях и душе человека, в мире, и особенно в России, с каждым годом вырастает. До какой поры это может продолжаться, сколько хаоса в обществе

можно допустить? Сколько хаоса он может вынести? Ведь психические возможности человека не беспредельны. На эти вопросы не существует ответа, и никто его не ищет. В этой ситуации, чтобы не свихнуться, многие люди сознательно, другие инстинктивно включают защитные механизмы, т. е. прекращают попытки знать и понимать: меньше знаешь — крепче спишь.

«Дерзайте понимать!» — призывал Кант. Сегодня, чтобы понимать, надо иметь не только дерзание, неумное стремление, недюжинный ум, но и мужество, хорошее физическое здоровье, особо крепкую психику. Поэтому понимать происходящее сегодня берутся совсем не многие, и выглядят они сплошь и рядом людьми ненормальными, производителями «страшилок»... Люди не хотят верить в оценки и выводы этих людей, на которые сами не способны. Они не понимают, что они — не понимают.

Есть другие факты и явления, которые, на первый взгляд противоречат утверждению о кризисе понимания. Взять, например, такое очевидное достижение XX века, как массовизация образования. С 1970 по 1995 год количество студентов в мире увеличилось с 12 миллионов до 83 миллионов, т. е. в шесть раз. У нас в России около 90 процентов из 1 миллиона 100 тысяч выпускников школ поступают в вузы. Казалось бы, чем больше масса знающих людей, тем выше уровень понимания происходящего. Логично? В определенной мере — да. Но эту, безусловно позитивную, тенденцию надо рассматривать в теснейшем единстве с другими тенденциями: прежде всего, с тенденцией все более узкой специализации образования, тенденцией наступления воинствующего рационализма, тенденцией постепенного вытеснения из учебных программ фундаментальности, тенденцией выдавливания из учебных программ гуманитарно-

социальных дисциплин и замещения их естественнонаучными. Специалист, конечно же, нужен — тут сомнений нет. И специализация нужна. Специалист хорош на своем месте и в своем деле. Но сплошь и рядом специалист имеет фрагментарное, крайне ограниченное представление о действительности, смотрит на мир и жизнь через щель своей специальности, не понимая жизнь как таковую, всю совокупность происходящего, теряя представление о том, какие же результаты приносит его труд: позитивные или негативные.

Хочу сказать еще об одном факторе, предопределившем кризис понимания в XX веке. Это хорошо налаженное производство и изощренное внедрение в массовое сознание заведомо ложного знания. Древние софисты обрели в XX веке в лице многих философов, историков, социологов, политологов, писателей, журналистов лучших учеников за всю историю человечества. Такой размах софизма им и не снился. XX век оставил нам в наследство новую и богатую мифологию, в которой неразлично сочетаются реальность и вымысел, истина и ложь, сдобренные изрядной порцией паранойи.

Это не только национал-социалистический миф крови и мифы сталинской эпохи. Это и миф о невидимой руке рынка, якобы самоорганизующемся экономическом пространстве, на основе которого вырос рыночный фундаментализм; это миф о конце истории и бесконечном во времени торжестве идей либерализма; это миф о благах, которые якобы несет с собой глобализация по-американски; это миф о войне цивилизаций, миф о международном терроризме, первопричиной которого якобы является исключительно исламский экстремизм, но никак не все более

нарастающее социальное неравенство и социальная несправедливость между странами и людьми.

Я называю всего несколько мифов, ибо они составляют несущую конструкцию, на основе которой создаются десятки других мифов и мификов, работающих на главную идею XXI века — создание нового мирового порядка. Разобраться в глубинах некоторых фундаментальных мифов не так-то просто: на их обоснование работают исследовательские институты, центры, лаборатории. Эти мифы в виде аксиом вдалбливают молодым в классах и учебных аудиториях, по радио, с экранов телевизоров. Мифы окутывают сегодня все формы нашей жизнедеятельности. При этом не удовлетворяющие стороны действительности, которые складываются в результате ложных посылов, относятся на счет неизбежных ошибок и якобы издержек практической деятельности. «Как можно сомневаться, если так думают и говорят все?» — полагает большинство. Но, отказываясь понимать, люди самовольно строят мир, в котором ложная демократия и обманчивая свобода парадоксальным образом сочетается с утонченным рабством и усиливающейся социальной несправедливостью.

Скажу о некоторых последствиях, к которым, на мой взгляд, ведут бегство от знания, иллюзорное знание, мифотворчество и новый софизм.

Я думаю, что XX век со всей очевидностью в невероятных масштабах продемонстрировал способность человека осуществлять отрицательную деятельность, т. е. деятельность не во благо, а в ущерб. Я не стану говорить о первой и второй мировых войнах, о Великой Октябрьской социалистической революции, случившихся в XX веке. Это войны. Они предполагают разрушения, уничтожение противника. Но вот нынешние реформы в России. Если собирать по

крохам их сомнительные успехи и достижения, то в общем и целом, в главном и основном они носят для страны разрушительный характер. Для огромного множества людей, в частности и для меня, эта истина несомненна. Это значит, что совокупную часть всей деятельности, которая осуществлялась в целях этой реформы, от замысла до воплощения, надо признать отрицательной. Нельзя не заметить также, что всякая отрицательная деятельность осуществляется за счет как предшествующих поколений, результаты которых уничтожаются, так и будущих поколений, жизнь которых затрудняется, а возможности ее улучшения за счет собственных усилий сокращаются.

Посмотрите на нашу экономику, где следы этой деятельности заметнее всего. В итоге реформ, на мой взгляд, экономика России уничтожена. Мы имеем дело с каким-то странным монстром, который почти ничего не производит, но именуется экономикой. Во главе многих хозяйственных структур, в том числе и во главе министерства экономического развития, стоят люди агрессивно-невежественные. Их совсем немного, но они в высшей степени активны и последовательны в достижении своих целей. Но если говорить не о количестве активности этой деятельности, а о ее результатах и характере, то эта деятельность криминальная. Ибо работа этих людей по преимуществу представляет собой производство вреда, создание отрицательной стоимости.

Парадокс нашей действительности заключается в том, что, несмотря на все это, многие люди не верят в происходящее, не верят в то, что происходит все именно по этой формуле. Почему? Человек легче всего воспринимает то и верит тому, на что надеется, чего не знает и чего не понимает. Тем более, если непонятное объявляется

новым, передовым, цивилизованным, если мы начинаем делать то, что делают все.

Но дело в том, что российская экономика не есть что-то исключительное. Это всего лишь частное проявление нынешних общемировых процессов, методично организуемой и управляемой глобальной экономической игры, в которой козыри как раз на «той» стороне.

В то, что это именно игра, а по сути дела мировая война нового типа (эту тему мы обсуждали на одном из заседаний Русского интеллектуального клуба), абсолютное большинство населения поверить не может и не хочет. Кроме всего прочего и потому, что это очень непривычно звучит, слишком ново, и все выглядит слишком откровенно, цинично и просто. Но дело в том, что подлинная истина всегда носит простые и грубые одежды.

Мировая экономическая система во многом уже построена. Завершению ее создания мешает то, что отсутствует легальная мировая политическая система, т. е. мировое правительство. Некоторые, правда, полагают, что фактически оно существует. Это «семерка», разные клубы и т. д. Но если это и не так, то совершенно очевидно, что мы сегодня являемся свидетелями активнейших попыток создать такую структуру и систему. Именно в этом ключе надо рассматривать ту деструктивную, отрицательную деятельность, о которой я говорил. И носит она не стихийный, а планомерный, контролируемый и управляемый характер. По этой схеме с помощью специально созданных инструментов разрушаются государства, организуется хаос как внутри отдельных стран, так и в международном масштабе с тем, чтобы в зоне кризисных ситуаций контролировать не только экономические, но и политические процессы, всю социальную среду, пойти по пути внешнего

управления в обанкротившихся банках и фирмах, в наших российских. Иными словами действует система менеджмента глобальных политических технологий.

Как всегда в тех случаях, когда обозначается та или иная проблема, тут же возникает вопрос: «Что же делать, как ее решить?». Если не вдаваться в детали и во все аспекты этой сложной проблемы, я думаю, что проблемы понимания и преодоления кризиса понимания актуальны ныне как никогда. Сегодня в кризисе понимания находит свое выражение системный кризис бытия человечества вообще. Продолжать не понимать происходящее — значит продолжать погибать, понять — значит спастись.

На мой взгляд, главное условие преодоления кризиса понимания — образовательная революция, смысл которой состоит не столько в совершенствовании форм и методов передачи знаний, новых образовательных технологий и механизмов финансирования, как это видится сегодня нынешним реформаторам образования не только в России, но и в других, в том числе ведущих странах мира, а в переосмыслении самой миссии образования, которая видится мне спасительной в определении новых областей знаний и создании новых учебных дисциплин, дающих новые знания и понимание смысла вызовов и угроз, следствием которых может быть мировая катастрофа. Эта революция состоит в расширении предметности обучения, которая сегодня сводится к овладению определенной суммой знаний, умений и навыков — знаменитый ЗУН — за счет прибавления к этим целям обучения задач понимания и предмета понимания.

В чем смысл образования, чему надо учить, что надо непременно не только знать, но и понимать? Вот в чем, если говорить предельно кратко, заключается смысл кардинального

революционного преобразования образования в XXI веке, с помощью которого должно быть столь же серьезно и на основе новой парадигмы преобразовано общество.

К числу самых главных условий преодоления кризиса понимания я отношу непременно использование идей, знаний и прогнозов тех немногих выдающихся людей XX века, к которым, несомненно, относится и Александр Александрович Зиновьев. Если говорить о России, то, возможно, прежде всего Зиновьев. Одним словом, мы должны отдать должное отдельно взятой творческой единице, осознать ее особое значение в истории человечества, но, прежде всего, в сфере познания.

Вот, например, все тот же А. А. Зиновьев. Он очень много сделал для понимания сущности России и Запада, человечества вообще в XX веке. С его оценками и прогнозами можно соглашаться или нет, самого Зиновьева можно любить или ненавидеть. Но не заметить его невозможно. Нельзя не признать, что он самобытен, оригинален, неповторим — одним словом, личность феноменальная.

В чем же его феноменальность? Что же такое Зиновьев? В чем его сущность? Чтобы воспользоваться тем пониманием действительности, которое он произвел за годы своего творчества, нам надо понять самого Зиновьева как субъекта познания.

Давайте сегодня поговорим на эту тему в пределах того времени, которое отведено нам.

Я смотрю на Зиновьева как на посланца XX века в век XXI, как на орган, который природа и та социальная среда, в которой он жил и в нашей стране, и за рубежом, создали для того, чтобы его мыслями и его голосом рассказать потомкам о самом себе. Давайте взглянем на творчество этого человека с количественной точки

зрения. Взглянем и удивимся. Вот лишь некоторые названия основных его трудов.

По логике: «Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1971), «Логическая физика» (1974), «Логические правила языка» (1975). Есть еще работы, относящиеся к этому разряду.

Вот список литературных произведений А. А. Зиновьева: «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Записки ночного сторожа» (1979), «Желтый дом» (1980), «Мой дом — моя чужбина» (1982), «Гомо советикус» (1982), «Нашей юности полет» (1983), «Евангелие для Ивана» (1984), «Иди на Голгофу» (1985), «Государственный жених» (1986), «Рука Кремля» (1986), «Пара беллум» (1986), «Изюмовая бомба» (1987), «Живи» (1989), «Мой Чехов» (1989), «Исповедь отщепенца» (1990), «Катастрожка» (1990), «Веселье Руси» (1991), «Смута» (1992), «Русский эксперимент» (1995), «Глобальный человек» (1997), «Новая утопия» (2000), «Затея» (2000).

За прошедшие три года после возвращения в июне 1999 года в Россию А. А. Зиновьев опубликовал монографии «На пути к сверхобществу», «Комплексная логика», «Логическая социология» и «Русская трагедия».

Но это количество, скажете вы. Хотя это количество не может не поразить нормального человека. А качество? Насколько истинно то, о чем поведал миру Зиновьев? Оригинальность, самобытность тут, могут сказать, не при чем. Потому что бывает много оригинальности, но мало истины.

Почему Зиновьеву можно верить? Когда он говорит о России, о русских? На мой взгляд (для начала) уже потому, что Зиновьев —

человек до мозга костей русский во всех смыслах и измерениях. Он почти ровесник XX века и знает все 60 лет советской истории. Знает страну, ее народ, систему власти. Одним словом, материал и предмет познания. Он всегда размышлял о сущностях и смыслах, а не о частности, хотя, конечно, и частности важны.

Зиновьев видит мир не плоским и односторонним, а в объеме, и со всех сторон сразу. Ибо он – логик, философ, социолог, поэт, писатель, художник не по названию, а, как говорится, божьей милостью. И всюду — выдающийся. Мировая известность пришла к Зиновьеву как к логика еще в начале 1960-х годов и в 1970-е годы. Все его книги по логике изданы на многих языках, в том числе на английском и немецком. Признанные зарубежные авторитеты говорили в те годы о Зиновьеве как о выдающемся логике XX века.

Философский факультет МГУ им. Ломоносова выпустил в XX веке тысячи специалистов по философии, которые стали докторами, академиками, но лишь несколько человек войдут в историю как философы. Не доктора философии, а философы. Среди них Зиновьев.

В № 9 журнала «Вопросы философии» за 2000 год опубликована беседа главного редактора этого журнала Владислава Александровича Лекторского и Льва Николаевича Митрохина (Владислав Александрович присутствует здесь). Они называют всего пять фамилий из этих тысяч выпускников философского факультета МГУ, называют их наиболее творческими философами. Среди них — Зиновьев. С ним, с Зиновьевым, они связывают (цитирую) «рубеж в развитии нашей философии в целом», называют его молотобойцем, пробившем брешь в монолите диамата. Это выдающийся результат.

В Древнем Китае была традиция: когда человек добивался славы и хотел понять, не произошло ли это случайно, то он менял свое имя, место жительства и начинал все сначала. Если ему удавалось повторить свой успех, вот тогда и все, и он сам полагали его подлинным талантом или гением. Но именно так все случилось с А. А. Зиновьевым, хотя и помимо его воли.

В 1978 году вместе с семьей он был изгнан из Союза и поселился в Федеративной Республике Германии. Слава, хорошая должность заведующего кафедрой логики МГУ, весьма молодого для тех времен, степень доктора наук, звание профессора, ордена — все было утрачено.

Но мировая слава снова пришла к нему во второй раз, теперь уже как к писателю.

Зиновьев всюду — новатор и революционер. И здесь он новатор и революционер. Во всем оригинален. Его творчество в десятках и сотнях разного рода рецензий определяют через понятия: «впервые», «блестяще», «потрясающе», «гениально». Его сравнивают со Свифтом, Вольтером, Гоголем, Салтыковым-Щедриным, называют Моцартом социологии.

На днях вышла книга «Феномен Зиновьева», подготовленная МГУ им. М. В. Ломоносова, которая есть у всех участников данного заседания с дарственной надписью Александра Александровича. О его творчестве уже написаны книги и диссертации, сняты фильмы, не говоря уже о сотнях восхищенных рецензий.

А. А. Зиновьев удостоен престижнейших международных премий, в том числе за лучший европейский роман в 1978 году, за лучший фантастический роман в 1980 году и др. Он избран в Баварскую академию искусств и Римскую академию. Награжден

медалями и званиями Почетного гражданина городов Равенна, Оранж и Авиньон.

Я не знаю, есть ли среди присутствующих такие, кто прочитал, а лучше бы сказать, изучил все книги Зиновьева и, следовательно, может обоснованно сказать, что он понимает, что такое Зиновьев, т. е. постиг его сущность. Ведь понимание — это со-мыслие. Чтобы воспринять и понять другого, надо не просто перелистать страницы книги, просмотреть текст. Надо вместе с автором самостоятельно проделать хотя бы часть огромной мыслительной работы по раскрытию смысла того, что же заключено в труде этого человека. Это и есть процесс понимания. То, чего мы не понимаем, не принадлежит нам, то чужое, не наше. То, что нам не нравится, мы часто называем плохим, а непонятное объявляем неправильным.

В этом смысле Зиновьев — еретик, ибо он постоянно ставит под сомнение общепринятые истины и предлагает свое понимание вещей. Он разоблачает иллюзии и мифы, что воспринимается многими как личное оскорбление и вызывает ненависть. Я не раз слышал: «А что Зиновьев? Зиновьев — антисоветчик, антикоммунист. Он помогал разваливать СССР, а теперь стонет. Это крокодиловы слезы. Он приехал в Россию, потому что стал не нужен на Западе». Другие говорят совсем противоположное: «красный», «коммуняка», «совок».

Я знаю, как Александр Александрович отвечает на эти вопросы. Мы не раз касались этой темы с ним в наших беседах. Мне бы хотелось, чтобы он затронул эту тему и сегодня. Сам же я объясняю и понимаю это так.

Перед нами истинно мыслящее существо, одна из немногих личностей, воплощающих в себе идею всемогущества человеческого разума и беспристрастности этого разума, его беспрестанной

рефлексии. Идеи и мысли Зиновьева часто шокируют, кажутся нелепыми, но могло ли быть иначе? Ведь он исследует предельно противоречивую, шокирующую, нелепую, абсурдную действительность, негативные результаты и следствия которой перечеркивают и отрицают благие замыслы и ничтожные достижения реформаторов. Отсюда парадоксальные, но полные глубокого смысла словообразования, зиновьевские словообразования: «зияющие высоты», «катастройка», «человеиник» и многие другие, которые вошли в словарь русского языка XX века.

Не забудем, Зиновьев — логик, логик-революционер. Он, между прочим, полагает, что предмет логики не мышление, а язык. Он мыслит парадоксально, и в этом заключена великая логика, ибо это действительно логика, в соответствии с которой строится наша абсурдная действительность.

Человек не только то, что он делает и думает. Он и то, что и как он чувствует. Мир чувств и эмоций Зиновьева никому из нас до конца не ведом. На его долю выпало столько переживаний, что многим это трудно даже представить. Попытка покушения на Сталина и арест в детстве. Война, на которой он воевал летчиком-штурмовиком. «Колпак» КГБ в 1970-е годы. Высылка из страны в возрасте 56 лет. Жизнь в эмиграции. Травля русских эмигрантов и диссидентов. Дважды его пытались отравить. Дважды пытались выкрасть. Замалчивание за границей. Возвращение в Россию в возрасте 77 лет и — невостребованность... Зиновьев — человек гонимый, травимый и безумно, на мой взгляд, одинокий. Отщепенец, как он сказал сам о себе, сколько бы людей вокруг него не крутилось.

Такова судьба всех, кто опережает время. Такова судьба гения. «Первое и последнее требование к гению, — говорил Гёте, —

любовь к истине». Истина — это религия Зиновьева. Можно сказать, что он ничего в жизни и не умеет, кроме как мыслить. В этом его счастье и беда.

Сам о себе Зиновьев сказал однажды: «Я думательная машина, которой все равно, что думать: СССР, Запад, Россию. Сейчас я в России и думаю прежде всего Россию». Зиновьев несет в себе огонь истины, которая обжигает его, причиняя боль. Он доказывает истину не только мышлением, но и своим образом жизни: невероятно много трудится вообще, а для его возраста — фантастически много. Он не просто трудится — он борется. Не против кого-то конкретно, а со всем миром, с действительностью. За свои идеи и свое право видеть и понимать этот мир по-своему.

Зиновьева в стране пока еще недостаточно знают, читают и понимают. В том числе и потому, что его рассуждения и прогнозы не добавляют оптимизма. Люди легко понимают радость жизни, но не хотят узнавать и тем более трудиться, чтобы понять ее ужас. Люди легче и больше верят в то, что хуже всего знают. В этом заключен один из величайших парадоксов.

«Когда рушится все, наступает час философии», — писал М. Хайдеггер. Сегодня человечество потрясают тектонические сдвиги и глубинные взрывы. Час Философа уже пришел. И это час, и век Зиновьева!..

Я закончил свое выступление.

А теперь давайте встанем и поприветствуем нашего юбиляра, нашего друга и мужественного человека, жизнь которого можно сравнить только с подвигом. (Аплодисменты)

Я хочу предоставить слово Владиславу Александровичу Лекторскому. Он заведующий отделом теории познания Института

философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Вопросы философии», член-корреспондент РАН, академик РАО.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ — заведующий отделом теории познания Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Вопросы философии», член-корреспондент РАН, академик РАО

Я хочу продолжить тот разговор, который начал Игорь Михайлович. Скажу, прежде всего, о том, что Александр Александрович — это фигура совершенно необычная. Это человек героической жизни и героических идей. Это редкое явление в нашей культуре и редкое явление в мировой культуре. Он написал очень много. Это все нужно изучать, обдумывать. Свое выступление на конференции я назвал «Возможно ли научное понимание современного мира?».

Александр Александрович Зиновьев — исключительно многосторонняя личность. Он начинал как логик, методолог, сейчас он социальный философ или даже социолог. Одна из последних его книг — «Логическая социология». Вместе с тем он — писатель, публицист, художник, поэт. Но при всем многообразии его интересов и сфер приложения его талантов есть некая единая линия в его интеллектуальном развитии. По сути дела вся его исследовательская деятельность — это реализация того импульса, который был задан еще в первых его работах. Я имею в виду кандидатскую диссертацию А. А. Зиновьева, посвященную анализу логики «Капитала» Маркса, которая была защищена на философском факультете МГУ в 1954 году и знаменовала новый этап в истории отечественной философии. Я об этом писал

неоднократно, в том числе недавно в «Вопросах философии» (2002, № 9). То, что сейчас А. А. Зиновьев делает в своей логической социологии и в своих работах по социальной тематике, — это не что иное, как развитие его старых идей.

Я хотел бы сегодня посвятить свое выступление разговору о методологии понимания того, что происходит сейчас в мире и в этом контексте работам А. А. Зиновьева по логической социологии.

С одной стороны, представляется (и для такого представления есть серьезные основания), что так называемая глобализация, о которой сейчас много пишут и говорят, — это попытка распространения технологической цивилизации, в течение нескольких веков существовавшей на Западе (А. А. Зиновьев называет это западнизмом), на весь мир. Это процесс все большей рационализации и технологизации. В самом деле, если анализировать работу транснациональных корпораций, то принцип планирования в их деятельности играет колоссальную роль. А. А. Зиновьев об этом пишет очень убедительно, показывая, что некоторые плановые идеи, которые впервые были разработаны в советской экономике, сейчас взяты на вооружение и успешно используются в работе сегодняшних экономических монстров, распространяющихся по всему миру. Казалось бы, в таком мире все должно быть упорядочено и предсказуемо.

Между тем, это не так. Одновременно с ростом технологизации идет и процесс хаотизации. Появление информационного общества ведет к быстрому изменению социальных связей, увеличению нестабильности социальных институтов и социальных групп, появлению деперсонализации, опасности потери индивидуальной и коллективной идентичности, колоссальному росту зон риска (иногда говорят о том, что мы

вступаем в «общество риска»). На смену технологической цивилизации не пришла «антропологическая» цивилизация, на что мы надеялись совсем недавно и о чем писали исследователи у нас и за рубежом. Сейчас многие теоретики социальных процессов пишут о том, что в современном мире человек растворяется в коммуникативных и информационных сетях.

В этой связи я хочу обратить особое внимание на то, что в современном мире социальные процессы становятся все менее предсказуемыми (и в этом смысле все менее рациональными), ибо все труднее становится уловить связь между причиной и следствием, между действием и его результатом, как по причине колоссального усложнения социальных связей, так и по причине эфемерности, быстротечности многих процессов. А это значит, что возникает кризис понимания. Трудности понимания современным человеком своего социального мира и самого себя порождают ситуацию растерянности. В такой ситуации не может быть речи об осмысленном коллективном действии, о возможности построения долговременных программ социальных изменений. Гражданское общество и демократия оказываются под угрозой.

Где же выход из этого положения?

Многие современные западные социальные философы и социологи считают, что классические представления о рациональности и о рационализируемости социального и человеческого мира (лежавшие, между прочим, в основании западной культуры) потерпели крах, что нужно отказаться от этих представлений, а также и от идеалов гуманизма и свободы, ибо человек, который не может осмысливать и контролировать окружающий его мир не может быть свободным. С этой точки зрения нельзя сейчас пытаться разрабатывать социальное знание

того же типа, на который нас ориентировала классическая традиция рациональности и научности. Не может быть сейчас универсального социального знания, универсальной теории социума. В лучшем случае возможны только локальные знания. Нельзя предсказывать. А некоторые влиятельные социальные мыслители и социологи пишут, что социология как наука вообще невозможна, потому что сегодня нельзя отличить иллюзию от реальности, знание от лжи, миф от науки. Все размывается, растворяется, особенно если учесть роль информации, которая порождает сегодня многие социальные феномены. Например, телевидение может влиять на то, что происходит, и в каком-то смысле творить реальность. Если событие не попало на телевидение, то его как бы и не произошло. А это дает возможность манипулировать людьми. Говорят о том, что человечество вступает в «магическую» фазу. Неумение, неспособность осмыслить современный мир преподносится не как беда, а как некий неизбежный факт, вытекающий из самой природы человека. Человек, согласно этим представлениям, должен научиться жить в мире хаоса, мире несвободы, мире манипулирования и вместе с тем неуправляемости, мире бесчеловечном и ускользающем от разумного понимания (говорят в этой связи даже о «пост-человеческой цивилизации»).

На этом фоне работы А. А. Зиновьева по логике социального исследования занимают особое место. В его работах сделана уникальная попытка построить научную социологию на основании тех методов, которые хорошо работают в других научных дисциплинах. Это попытка приложить результаты логических и методологических исследований, которыми он занимался раньше, к анализу социальных феноменов. Хочу обратить специальное

внимание на те исходные тезисы, которые он формулирует в этой связи.

Во-первых, это тезис о том, что существуют законы социальных объектов и что эти законы можно выявить.

Во-вторых, тезис о том, что нужно отличать реальные социальные процессы от тех идеологических разговоров, которые их сопровождают и от того, что происходит в головах действующих субъектов.

В-третьих, тезис о том, что позиция исследователя социальных процессов не должна влиять (она может влиять, но не должна) на тот объект, который изучается. Исследователь должен быть исследователем. Он должен анализировать то, что реально есть, а не то, что ему хотелось бы видеть.

Эти три тезиса кажутся самоочевидными. Но представьте себе, в той ситуации, которая возникла сегодня в мире в связи с социальным знанием, они выглядят как некоторый вызов современной социологии. Эти тезисы многие социальные философы и социологи будут оспаривать. Социолог не может не влиять на то, что он изучает, говорят эти люди. Социальные процессы — это и есть то, что думают действующие субъекты, то, как они интерпретируют социальную ситуацию. Ничего помимо этого (или «за» этим) в социальном мире нет. Никаких социальных законов не существует. Есть только некие локальные связи в локальных сообществах. Эти связи постоянно меняются.

Три тезиса А. А. Зиновьева — это выражение движения наперекор тому, что сейчас делается в социальной философии и социологии, которые оказались обезоруженными перед лицом современных социальных процессов. А. А. Зиновьев действует как ученый-исследователь. На основе наблюдений он логически строит

некоторые идеализации. Например, идеализации социального объекта, социального закона. Он выделяет разные типы социальных связей (деловые, коммунальные и ментальные), а затем последовательно строит социальную теорию, двигаясь от абстрактного к конкретному, исходя из анализа простых вещей, а затем все более усложняя свою теоретическую конструкцию, все более конкретизируя исходные положения, т. е. работает в духе того метода, с исследования которого А. А. Зиновьев начал свою научную деятельность. Как оценить обоснованность такой теории? Только по конечному результату, на основании того, какая картина в конечном итоге получается и насколько она помогает в осмыслении той социальной реальности, с которой мы имеем дело. А получается у А. А. Зиновьева картина западнизма, картина реального коммунизма, картина возникновения мирового сверхобщества. Не со всеми выводами А. А. Зиновьева я могу согласиться, но то, что он сумел схватить целый ряд таких особенностей современных социальных процессов и указать на такие социальные феномены (некоторые из которых хотелось бы лучше не замечать, не знать о них), о которых до него не писали, это для меня бесспорный факт. Самое же главное с моей точки зрения, это то, что используемый А. А. Зиновьевым метод убеждает в том, что это и есть самый плодотворный способ постижения социальной реальности. Если мы не хотим жить в плену идеологических иллюзий, если мы не оставили надежды на постижение человека и его мира (а без этого нельзя надеяться и на изменение современной ситуации и в мире в целом, и в России в частности), то мы должны прежде всего попытаться понять, что же реально происходит. Для меня работы Александра Александровича Зиновьева по социальной философии, по социологии, по логике социальных наук — это убедительная

демонстрация того тезиса, что только на пути научности, строгости рассуждений, доказательности, развития лучших традиций рационалистической мысли можно понять мир, в котором мы живем, и что только на этом пути можно надеяться на выработку программы выхода из тупика, в котором оказалось современное человечество.

Книги А. А. Зиновьева по социальной философии и социологии заслуживают самого серьезного внимания и с точки зрения полученных результатов, и с точки зрения тех методов, которые он использовал в своих исследованиях.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Спасибо, Владислав Александрович.

Я хочу предоставить слово Геннадию Андреевичу Зюганову, которого вы все прекрасно знаете. Со своей стороны я хочу сказать, что это один из умнейших людей в нашей стране, который во многом лучше тех, кому *надо понимать*, понимает, что происходит на самом деле в России. Геннадий Андреевич, пожалуйста.

Г. А. ЗЮГАНОВ — депутат Государственной Думы РФ, руководитель фракции КПРФ, доктор философских наук

Уважаемые коллеги! Я искренне благодарю организаторов этой научной конференции за приглашение. Тем более что она посвящена такому талантливому и всемирно известному человеку, как Александр Александрович Зиновьев.

В современном мире, где происходят великие тектонические изменения, мало кто до конца осознает причины и последствия этих

изменений и возможные перспективы развития человечества. Мне посчастливилось познакомиться с Александром Александровичем лет десять назад, когда я впервые приехал в Страсбург на сессию Парламентской ассамблеи. Я попросил о встрече с ним. Он немедленно приехал. Мы в одной из гостиниц пробеседовали до полуночи, часов 5 или 6. Я ему задал сотню вопросов. Был приятно поражен, что он даже вдали от Родины прекрасно чувствует ее боли, проблемы, видит варианты развития, тесно увязывает с западной политикой и возможными процессами на планете. Он тогда дал мне хорошую идею обстоятельно заняться проблемами, связанными с современной глобализацией. Я благодарен Вам, Александр Александрович, за ту идею. Я почти десять лет работал над этой темой, и у меня вышло немало работ за рубежом. Недавно «Молодая гвардия» издала мою книгу «Глобализация — судьба человечества». В выходе этой книги Ваша большая заслуга, как творческого, я бы сказал, научного руководителя, который обозначил тогда направление поиска. Поиска, который привел меня к ряду очень важных и полезных для решения наших внутренних проблем выводов.

Я хочу поблагодарить Игоря Михайловича за обстоятельный и честный, где-то местами очень жесткий доклад по оценке происходящего и юбиляра, но все сказано с предельной откровенностью, что располагает к дальнейшей дискуссии.

На мой взгляд, весь XX век прошел в жестком противоборстве труда и капитала. Труд породил Великий Октябрь, Советскую власть, великую супердержаву, выдающуюся Победу, прорыв в Космос, создание уникальной системы социального обеспечения граждан, научные школы и баланс на планете, который обеспечивал мир почти на полвека. После того, как идеалы труда,

справедливости, народовластия были преданы и проданы, мы последние десять лет корчимся в муках, и результаты всем сегодня налицо. Страна за десять лет не досчиталась 15 миллионов человек, потеряла навсегда 12 тысяч хороших предприятий и дальше продолжает откатываться на задворки истории. Еще недавно мы входили в первую пятерку самых безопасных, самых устойчивых и самых надежных стран. Сегодня мы замыкаем тройку государств с самой высокой уголовной преступностью. По человеческому потенциалу (его индекс высчитывается ООН) сейчас мы занимаем 60-е место и каждый год сползаем на 2–3 места вниз.

Капитал тоже породил некоторые варианты развития. Новый курс Рузвельта и новый порядок Гитлера. Когда эти две системы сошлись в схватке, тогда власть труда, власть Советов оказалась вместе с новым курсом Рузвельта, потому что прекрасно понимала, что если коричневая паутина охватит всю планету, то будет планетарное несчастье.

Десять лет назад в Рио-де-Жанейро впервые воссоединились основные гипотезы и теории развития и впервые была подписана декларация справедливости межгосударственных отношений. Казалось бы, у человечества обозначился выход, когда удастся соединить, что наработано в течение столетия в новых системах, и вложить основные капиталы в науку, культуру и образование. Кстати, в Копенгагене, в свое время прошла конференция, где почти все европейские страны подтвердили свою общую волю: минимум 30 процентов капиталов вложить в человека, в его развитие, культуру, науку, образование, социальную инфраструктуру. Это было бы гениально. Но события последних лет показывают, что агрессивная сущность капитала после утери альтернативного центра

снова проявила себя. Сегодня, на мой взгляд, маячат три сценария возможного развития мировой политики в XXI веке.

Первый сценарий связан с глобализацией по-американски, со своего рода полной диктатурой, которая готова всех выстроить в ряд и скомандовать «направо», которая видит на всех континентах свой интерес. Я уверен, что многие из вас не знают, что с 1 октября военному командованию НАТО дано прямое указание о том, что Российская Федерация попадает в поле их военно-политических интересов и обязана контролироваться их командованием. Даже во времена «холодной войны» таких решений не принималось ни с одной, ни с другой стороны. Попытка сейчас развязать новую войну на Ближнем Востоке против Ирака — это скорее война не против Ирака. Это скорее война за то, чтобы подчинить все основные энергетические потоки, а значит, это война и против объединенной Европы и Российской Федерации. Назову всего три цифры. Если поделить все основные ресурсы планеты на каждого человека, то в России придется 160 тысяч долларов, в США — примерно 16 тысяч, в Европе — только 6 тысяч. Если американцам удастся взять под контроль основные вентили энергоносителей, они продиктуют свою волю, власть целым континентам, государствам. И особенно этого не скрывают. Поэтому война на Ближнем Востоке — это будет война и против обессиленной России. Если они опустят на 10 долларов вниз цены на баррель нефти, имея основные нефтяные поля этого региона, то у нас дефолт наступит через три недели, а это означает, что разорится окончательно экономика страны, которая в 1998 году стояла у края пропасти и можно было за 20 миллиардов долларов паре богатых компаний скупить все наследство, которое оставалось от Ельцина.

Второй сценарий связан с глобальной смутой, потому что этот проект нереализуем. Он нереализуем в силу объективных философских законов, и, прежде всего, закона единства и борьбы противоположностей. Эти попытки были в истории, начиная от Чингисхана, халифата Аббасидов до Наполеона и Гитлера. Я уверен, что это принесет крупнейшее потрясение и несчастье самой Америке. Но, к сожалению, этот сценарий сегодня очевиден. Кто внимательно изучал манхэттенскую трагедию, те прекрасно понимают, что никакой Бен Ладен из каких-то ущелий не мог руководить операцией, в которой было задействовано минимум 70–80 человек. И если бы американцы захотели предотвратить катастрофу, они бы включили необходимые источники информации и заблаговременно знали о том, что реально там происходит. Просто решили человечество пустить по ложному следу, так же, как пустили 15 лет назад Россию по следу, который привел ее к обрыву пропасти.

Третий сценарий, именуемый балансом интересов. Сложный сценарий. Сценарий, в котором надо учесть многообразие языков и народов, религий и культур, но это единственный, который позволит многообразию восторжествовать над однообразием, которое сегодня мясницким топором вырубается на планете. Я считаю, что Россия в этом сценарии играет ключевую роль. Она на протяжении многих веков была балансиром между Европой и Азией, своего рода альтернативным центром духовной культуры и социальной системы, имеет уникальный опыт в этом, как трагический, так и героический. Ее роль может быть достаточно высока. Тем более Россия контактирует со всеми центрами силы, будь то США, великий Китай, арабский мир или объединенная Европа. К слову сказать, объединенная Европа пошла во многом по пути СССР, создав в

послевоенной истории единое государство. Им не мешают ни короли, ни монархи, ни республиканские правительства, потому что они прекрасно понимают, что конкурентоспособны в этом мире они будут при одном условии, если как минимум будут иметь 250–300 миллионов тех, кто, работая производительно, в состоянии конкурировать на современных рынках. Эту идею Александр Александрович неоднократно высказывал лет 20–30 тому назад. Но, к сожалению, некоторые, кто назвал себя по иронии судьбы демократами, они, наверное, не читали Ваших гениальных прозрений и не сумели опереться на эти выдающиеся мысли.

Несколько слов об итогах, как я оцениваю последние трагические 15 лет. Я не буду вдаваться в причины и следствия, связанные с крахом СССР, КПСС и т. д. Об этом много говорилось и писалось. Хотя у меня есть свои представления об объективных и субъективных факторах этих событий, прежде всего внутренних, потом внешних. Но я, глядя, что происходит сегодня, и, видя, какие варианты предлагает исполнительная власть на будущее — вчера 3,5 часа беседовали с Путиным на эту тему, — хочу вам сказать: я абсолютно уверен и делаю главный вывод из этого 15-летия, что никто не желает видеть сильной нашу страну. Ни монархическую, ни социалистическую, ни демократическую. Идет планомерное, умное, системное уничтожение государства, духовной культуры, общественных связей, выталкивание России на задворки истории. При всех издержках за 10 лет предвоенных лет мы создали 10 тысяч предприятий, породили целый класс новых инженеров, талантливых конструкторов. Еще в 1927 году не производили ни одного самолета, комбайна, машины, танка, а в 1941 году имели лучшую технику, которая сумела противостоять гитлеровскому Рейху, подчинившему себе все железо Европы. Сумели противостоять. Ныне за 10 лет

уничтожены 12 тысяч предприятий, все наукоемкое производство, и новая так называемая олигархия оказалась непроизводительной. Она кроме интереса к нефти, газу и алмазам и еще чему-то никаких больше интересов не имеет, максимально сужая поле деятельности для умных, талантливых, способных людей, получивших прекрасное образование. Из 10 студентов, закончивших МГУ в прошлом году с медалями и красными дипломами, 8 не имеют работы по специальности. Им предлагают подворотню, наркотики, водку или подаваться за границу. Многие не желают этого делать. Они хотят жить и работать в родной стране. Поэтому идет *ликвидация*.

Назову еще две цифры. Весь бюджет на следующий год составляет 72 миллиардов долларов. 10 лет назад он был 750 миллиардов долларов. Как говорят в той песне: где деньги, Зин? А деньги все в основном уплывают. Их захватили 10–15 кланов, которые больше эксплуатируют природу, нежели создают производственные рабочие места.

Можно что угодно делить в Госдуме, но этих денег хватает содержать 25 процентов населения и мало-мальски два мегаполиса типа Москвы и Ленинграда. На все остальное денег нет. И если так далее будет вестись бюджет и финансовая политика, можно что угодно обещать, но их просто нет.

Есть другой вариант. Завтра можно удвоить этот бюджет. Введите хотя бы для начала природную ренту, как во всех странах мира, и вы получите удвоенный бюджет. Но категорически отказываются. Мы предложили, чтобы граждане высказались за этот вариант на референдуме. За него проголосуют 90 процентов с лишним, никаких потрясений не будет. Ущемлены будут интересы в лучшем случае 2 процентов, но и они должны понимать, что они толкают страну к обрыву, в результате чего могут сами все потерять.

Надо делать выводы из истории. Но, к сожалению, эта новоявленная, с позволения сказать, буржуазия (а она совсем не тянет на буржуазию) не понимает даже этой простой истины, урока, который многие усвоили из событий XX века.

Вторая главная опасность, внутренняя, — это союз олигархии, коррумпированного чиновничества и откровенных бандитов и уголовников. Страна все больше напоминает бандитскую клоаку, где никому не гарантирована никакая безопасность. Это угроза всем. В том числе и этому союзу. Поэтому мы должны сообща все сделать для того, чтобы оздоровить обстановку. Кстати, в Думе можно принять соответствующее решение быстро. Все пакеты документов, начиная от борьбы с коррупцией, кончая защитой судей, свидетелей, — все готовы. Но все попытки принять эти решения и принять одну маленькую поправку, что Дума имеет право сформировать комиссию, которая способна спросить с любого чиновника, включая министра, натывается на сопротивление вот этого криминального союза. Их идеология (кому-то не понравится, но буду предельно откровенным), на мой взгляд, это идеология либерального фундаментализма, который все больше приобретает коричневый оттенок. Она душит все живое, все конструктивное, все совестливое, все умное.

Главное противоречие сегодня на планете — это противоречие между мировой олигархией и остальным человечеством. Мне казалось, ее удастся преодолеть, но последние сценарии показывают, что олигархии пытаются укрепить свои позиции, прежде всего, используя тезис борьбы с мировым терроризмом. Раньше они боролись с мировым коммунизмом. Бен Ладена, чтобы пугать все человечество, маловато, поэтому надо придумать мировой терроризм. Но на планете сегодня проживает 6 миллиардов людей. 1

миллиард преуспевают, 1 миллиард их обслуживают, а 4 миллиарда роются в пустых карманах, не имея никакой перспективы. Пока это соотношение будет нарастать, это явление будет увеличиваться. За 10 лет число терактов выросло в 10 раз под разговор о борьбе с мировым терроризмом.

Беседовал с послом США. Он мне рассказывал, как там все было страшно. Я глубоко сожалею, что это случилось, и выразил ему свое соболезнование. Но я говорю: «Г-н посол, можно задать Вам несколько наивных вопросов?». Он говорит: «Вы не такой наивный человек». Я говорю: «Я Вам задам, как наивный человек. 18 человек, не имея никакого оружия, одновременно захватили четыре Боинга. У них было два маленьких перочинных ножичка для резки картона. А ведь вы были готовы. У вас даже в двух фильмах подобные сценарии были написаны. Почему так случилось? Террористов обслуживали минимум полсотни человек. У вас во всех тергруппах есть своя агентура. Бен Ладен был ЦРУшником №1. Когда он убивал советских солдат в Афгане, вы его премировали, платили большие деньги и давали все виды оружия. Сейчас он выпрыгся, но у вас по-прежнему остались там информаторы, которые должны были вас предупредить. Самолеты угнали — час летают. У вас сотни спутников. Почему же ни одна система безопасности не оповестила вовремя и экстренный штаб не принял мер? Вы, оказывается, на следующий день на огромной стоянке, где были сотни машин, нашли сразу машину с Кораном, маршрутной картой и записной книжкой. Я вам сообщаю, что я три года служил в Германии в Советской Армии, спецразведке по борьбе с атомным, бактериологическим и химическим оружием. Когда у нас подразделения тренировались на случай ведения войны по захвату ракетных установок, ни у кого ни в одном кармане не было ни одной

бумажки и ни одной бирки ни на одном костюме. Это железное правило всех спецгрупп, которые выполняют подобного рода задания. На кого рассчитана эта дезинформация? Она рассчитана, чтобы пустить по ложному следу: давайте бороться с всемирным исламом. А он от Гибралтара до Филиппин, 1 миллиард 300 миллионов, а для нашей страны, где почти 40 миллионов людей проживает в местах традиционного исповедования ислама, это не просто беда. Это трагедия. Поэтому тут надо быть предельно аккуратным, удивительно интеллигентным и очень чутким». Еще я г-ну послу сказал: «Что вы будете делать, если эти 18 бойких террористов, вместо того, чтобы захватывать самолет, нагло таются всякой дряни и поезжат по вашему метро, дискотекам? Что вы будете делать? Если бы вам хотели нанести больший ущерб, рядом квадратная миля, где нью-йоркская торговая биржа. 90 с лишним процентов операций России проходит через эту биржу. Напротив — атомный объект, еще дальше — другой объект. Поэтому, если вы хотите всерьез бороться с терроризмом, то не надо расширять НАТО, не надо выходить из договора по ПРО, а надо принимать меры, связанные с новой системой безопасности, в основе которой лежат наука, культура, знание, предвидение и уважение к человеку, как к высшему творению природы».

Я считаю, что сегодня в нашей стране главный удар наносится по русским. Я никого не хочу обидеть. У меня жена с Украины. Но русские — это 85 процентов населения. Это государствообразующий народ. Это народ, который собрал на огромных просторах от Балтики до Камчатки в дружной семье сотни, десятки народов и не истребил ни одной веры, ни одной культуры. У нас Гамзатова, бывший министр культуры Дагестана, депутат, умница, красивая женщина, выступая на съезде патриотов,

сказала: «Русские, очнитесь! Поднимитесь с колен! Встаньте! У вас из-под ног страну выдергивают. Мы без вас все пропадем!».

Хочу сказать, что многие в национальных республиках, особенно в многострадальном Северном Кавказе, это сегодня очень остро ощущают. Поэтому давайте поблагодарим Александра Александровича за то, что он глубоко чувствует русскую тему, за то, что он не раз предупреждал об этом, за то, что он, как мыслитель, русский человек, многое делает для возрождения русской духовности.

Насчет исполнителей. Может, кому-то не понравится, но главный исполнитель всего этого проекта, к несчастью, Правительство РФ. За 10 лет было 8 составов правительства. Из них только правительство Примакова, Маслюкова и Геращенко (я туда его отношу), когда был экстренный закрытый совет у Ельцина после 1998 года, когда в Москве за два месяца (август и сентябрь) было выброшено на улицу 400 тысяч молодых людей, которые получили прекрасное образование, работали в офисах, в банках, конторах и оказались не нужны. Мы там три часа дискутировали. Я трижды вел переговоры с Примаковым, уговаривал пойти в правительство. Они тогда страну оттащили от края пропасти и проработали всего 8 месяцев, подняв производство на 24 процента. Казна была абсолютно пуста. Они хоть как-то наполнили и нормализовали обстановку. Всего 8 месяцев из 10 лет было коалиционное правительство с ясной программой и четкими целями в поддержку своего товаропроизводителя, своих интересов.

Сегодняшняя система исполнительной власти (Александр Александрович говорит — «рогатый заяц») — я ее называю «урод». Может быть, это и жесткое слово. Хочу сказать, нигде в мире нет такой системы, ее не с чем сравнить. Кремль обязан иметь

стратегию. Я знаю, что будет делать объединенная Европа в ближайшие 10 лет. Я прочитал доклад Цзян Цзэминя в Китае. Знаю, что они будут делать в ближайшие 20 лет. Они за предыдущие 20 лет ворвались в технотронный мир и создали державу, которая стала третьей, заняла третью строчку в мировой иерархии и с этими темпами через 15 лет выйдет на первое место. Но я не знаю, что будет делать правительство Касьянова в феврале следующего года. Чтобы машину построить — технологический цикл минимум 5–7 лет. Ни один серьезный предприниматель, ни один заводчик, ни один банкир, бизнесмен в Европе не пойдет при такой технологии сюда вкладывать средства. В коммунистическом Китае вкладывают 50–70 миллиардов долларов ежегодно, не боятся ни красных знамен, ни партийных билетов. Нам не везут, потому что невозможно рассчитать ни одной операции на полгода вперед, не говоря уже о том, чтобы сформулировать свою программу на 5–7 лет, получить доход, вложить это и знать, что реально можно сделать.

Так вот, этот «рогатый заяц» или «урод» — что имеет? Кремль не имеет стратегию, скорее напоминает землячество, извините. Правительство предлагает бюджет, который не дает ни одной отрасли подняться. Для тех, у кого сын служит в армии: на следующий год заказан один самолет нашей авиации, ни одного вертолета, хотя в Чечне погибло штук 12. Как можно развиваться стране, которая имеет 11 часовых поясов?! Дума поставит штамп на любой документ, который придет *оттуда*. Сейчас в Думе одновременно пять реформ. Вчера вбросили еще одну, по местному самоуправлению. Любой системщик знает, что, если вы в стране реформируете одновременно две системы, вы должны все время рулем управлять умно и вовремя подтормаживать. В противном случае система идет вразнос. Это железный закон системного

анализа в математике. Все пять систем начинают ремонтировать при отсутствии стратегии и элементарного управления — неизбежен распад, территориальный распад. Что реформируют? Разрывают единую энергосистему, разрывают железные дороги, продают последние госпредприятия при наличии госсобственности от 4 до 16 процентов. Нигде в мире нет такого низкого удельного веса госсобственности.

Если взять Совет Федерации, то он не представляет интересов субъектов РФ. Он обязан представлять интересы и многообразие территорий, языков, культур. Наша группа ученых во главе с академиком Львовым, Глазьевым и другими специалистами подготовила реальную программу выхода из тупика в этой ситуации. Александр Александрович Зиновьев давал немало советов, очень умных и очень дельных, консультируя наших специалистов. Кто пожелает с этим ознакомиться, мы можем представить все документы. Но впереди у нас очень ответственное время. Я надеюсь, что мы сообщаем, опираясь на лучшие творческие достижения XX века и нашего юбилея, все-таки выберемся.

Я отношусь к категории оптимистов. За мое дело не оптимист не взялся бы. Я уверен, что у нас есть национальная идея. Она отшлифована веками. Основу составляет сильное государство, высокая духовность, коллективизм отношений и справедливость. Поэтому синтез этих культур, связанных с тысячелетней историей России и советского народовластия, опорой на технотронный XXI век, может дать искомые результаты. А если посмотреть на нашу историю, то есть одна общая закономерность: из всех переделок и катастроф мы выходили всегда более окрепшими и более достойными.

Спасибо. (Аплодисменты)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Спасибо, Геннадий Андреевич.

Я предоставляю слово Алексею Константиновичу Пушкову. Это блестящий аналитик, телеведущий, человек объективный и честный в своем анализе, в своих словах.

А. К. ПУШКОВ — автор, ведущий и руководитель информационно-аналитической программы «Постскриптум» на телеканале «ТВ-Центр»

Спасибо, г-н председатель. Мне очень приятно выступать на конференции, посвященной такому крупному событию, как 80-летие Александра Зиновьева, которого я считаю своим другом. Это для меня огромная честь.

Я хотел бы поделиться некоторыми соображениями по основной теме сегодняшней конференции «Итоги XX века». Здесь представители разных дисциплин дадут свою оценку итогам XX века. Поскольку я всю жизнь занимался политологией и историей, то я думаю, что итог XX века можно суммировать как, да простит меня Геннадий Андреевич, конец марксизма. XX век похоронил марксизм в его очень многообразных проявлениях.

Обратите внимание: в середине XX века Бердяев пишет свою знаменитую работу «Истоки русского коммунизма». Русский коммунизм является главной темой XX века (китайский коммунизм — порождение русского коммунизма). А в конце XX — начале XXI века Зиновьев пишет книгу «Гибель русского коммунизма». Это весьма символично — то, что так зафиксирован двумя крупными исследованиями этот феномен.

Второй элемент «конца марксизма»: начало XXI века показало, что теория приоритета социально-экономических факторов над другими в развитии человечества терпит поражение. С точки зрения социально-экономического процесса, то, как сейчас развивается Россия, является полным алогизмом и полным абсурдом. Тем не менее, Россия так развивается. Более того, у нас создан достаточно устойчивый тип олигархического коррумпированного капитализма, из которого нет легкого выхода.

Здесь уважаемый ректор Игорь Михайлович Ильинский сказал: «Понять — значит спастись». У меня такое ощущение, что все прекрасно понимают, что происходит в России. Но спасение так же далеко, как и тогда, когда еще не все понимали, что происходит в России.

В России происходит то, что можно определить как историческую девиацию, как искажение исторического пути. Но у меня все больше и больше ощущение, что эта девиация превращается в норму. В принципе существуют социальные организмы, которые могут вне нормы, в глубоко искривленном виде жить очень долго — такие социальные карлики, гномы и удавы. Посмотрите на Африку. Африка не развивается. Она развивалась, как это ни парадоксально, в колониальную эпоху. Сейчас Африка идет вниз. Последние надежды на ЮАР и Зимбабве, с приходом черного большинства там к власти, гибнут. Считалось, что это две страны, где было самое разумное черное большинство. Но и там оно сейчас под влиянием племенных инстинктов и базовых ориентаций дает осечку. Из Зимбабве выгоняют последних белых фермеров, которые там еще пытались что-то сделать. Земли их захватываются для расхищения собственности и больше не возделываются. Вот конец блистательной эпохи борьбы с колониализмом. Я думаю, что

в XXI веке Африка будет представлять собой примерно то же самое, что она представляла в XX-м. Это зона неразвития. Это ненормально. Но кто сказал, что все должно развиваться по некоей абстрактной норме? Может быть, норма предназначена для части человечества, а остальным она не предназначена.

Тип искривленного коррумпированного олигархического развития, по которому сейчас идет Россия, встречается во многих странах мира. Многие страны мира живут по этой логике очень долго. Поэтому оттого, что мы это поймем, ничего не изменится. Пока это понимание не будет обращено в политику, мы будем находиться там, где мы находимся. Это с одной стороны.

С другой стороны, гибель марксизма подтвердило и развитие западного мира. На Западе марксизм как идея всегда был очень силен. В 1990-е годы на Западе говорили, что все зависит от развития производственных сил, от технологий, от эффективности. Кто был героем Запада в те годы? Экономисты и мультимиллиардеры, которые создали огромные средства за счет использования новых экономических сил, люди типа Билла Гейтса. Сейчас эти люди вышли из моды. Сейчас на Западе властвуют над умами генералы, достаточно воинственно настроенные политики, и те философы и социологи, которые всегда отрицали приоритет социально-экономического начала в развитии человечества. Например, профессор Гарварда Самуэль Хантингтон, который 10 лет назад предсказал, что Запад движется к мощному конфликту в исламом. Экономика здесь вообще ни при чем. То есть, да, на уровне базы она играет роль, но не она является главным фактором этого конфликта и главной его причиной. Эти причины гораздо разнообразнее и глубже. 11 сентября 2001 года стало днем столкновения ценностей, идей и культуры, а не только столкновения

бедного мусульманского и богатого западного мира. Точно также не экономика была главной причиной Крестовых походов в XV–XIV вв.

Нынешняя западная экспансия имеет безусловно экономические аспекты, но далеко не только экономические аспекты. В значительно большей степени это экспансия ценностей. Когда Зиновьев пишет о том, что Запад пытается контролировать эволюцию человечества, это очень глубокое определение, потому что не только экономика, не только сверхприбыль, не только выгода двигают этим процессом. С точки зрения чистой выгоды американцам иракская нефть не нужна. У них достаточно нефти. Но с точки зрения контроля над эволюцией человечества, ходом развития человечества, победа над Ираком для Америки, безусловно, важна.

Возвращаясь к гибели марксизма, отмечу, что наши так называемые либералы, люди типа Гайдара, Чубайса — вся эта школа, это на самом деле марксисты в полном смысле этого слова. Они всегда отстаивали, что самое главное — это экономика. То есть Россия должна развивать свои производительные силы и конкурентоспособность, а все, что неконкурентоспособно, должно отмереть. Государство, по их логике, должно уйти из сферы экономики, потому что оно неэффективно. Государство должно уйти, чтобы дать свободу развитию экономических сил. Это перевернутый в другую сторону марксистский тезис. Сейчас эта школа полностью опозорена развитием событий в мире.

Если взять глобализацию, то мы все воспринимаем ее как финансово-экономический феномен. Это неправильно. У глобализации есть как минимум шесть измерений. Это экономическое, финансовое, информационное, военно-стратегическое, политические и культурное. Мы все время забываем

о последних трех, сводя все к экономике и финансам. Между тем надстроечные элементы глобализации не менее важны. Вообще, по мере развития человеческого общества надстроечные элементы начинают играть все большую роль по сравнению с базовыми экономическими элементами. Кем бы ни было организовано 11 сентября в США, была ли это провокация какой-то группы заговорщиков в Америке, был ли это действительно акт международного терроризма, которому Америка дала свершиться, — в любом случае это реванш культурно-политических начал над началами социально-экономическими. На этой основе задействуются эмоциональные стороны, психологический потенциал американской нации и Запада. В целом, чтобы обеспечить новый импульс экспансии США и Запада, вы не сможете убедить американского избирателя, что ради экономической выгоды надо завоевывать Ирак. Американское общество это не поддержит. Но когда вы им объясняете, что это необходимо, чтобы обезопасить Америку и их детей, то возникает совершенно другая ситуация. То есть общественная поддержка в США войны против Ирака — это результат апелляции не к экономическому сознанию американцев, а к другим рефлексам.

Стратегический и военный факторы сейчас выходят на первое место, и это очень важно осознать нам в России. Потому что, если исходить из искаженной логики того, что все упирается в экономику, то, в конечном счете, мы придем к тому, что мы станем отрицать военный фактор в нашей политике. В итоге в мире, где возрастает роль военных и стратегических факторов, Россия окажется бессильной и безоружной. Когда американцы устанавливают базы в Средней Азии — это торжество военно-стратегического фактора. Когда США не расстаются со своей

системой баз от Панамы до Южной Кореи — это показывает, что даже в эпоху финансово-экономической глобализации стратегические аспекты чрезвычайно важны, в некоторых отношениях даже важнее финансово-экономической глобализации.

Пропагандистская теория начала 1990-х годов, что глобализация — это всемирный процесс, который всех охватит и всех одарит массой благ, уже погибла. Все поняли, что глобализация не глобальна. Глобализация охватывает лишь несколько зон, вне ее остается как минимум половина Латинской Америки, практически вся Африка, значительная часть Азии и значительная часть арабского мира. То есть там глобализируется только верхушка. Верхушка — это то, что Самуэль Хантингтон называет «давосской культурой». Эта верхушка оторвана от своего народа и не имеет с ним никаких связей. Верхушка в Саудовской Аравии — это классический образец глобализированной, но крайне узкой элиты, которая не имеет особой связи со своим населением.

Западный подход к России примерно такой: либо вы входите в «золотой миллиард» и глобализируетесь вместе с нами, либо Вы остаетесь вне зоны глобализации. Из этого исходит, скажем, Герман Греф, вся либеральная школа: мы должны глобализироваться и выйти в западный мир, потому что иначе мы остаемся вне зоны глобализации. Я думаю, что это порочная логика по двум причинам. Во-первых, даже в рамках глобализирующей зоны есть зоны, в разной степени приобщенные к глобализации. В нынешней ситуации России будет отведена роль зоны «заднего двора» Запада, маргинальной зоны в рамках северного полушария. Совершенно очевидно, что США не интересуется и не может интересоваться развитием производительных сил в России. США нужно продавать нам свои Боинги, а не развивать нашу авиацию.

Что интересует США в России? Их интересует нефть, стратегическое положение России, возможное использование России в перспективе против Китая. Вот реальная основа для российско-американского партнерства. Все остальное — это разговоры, потому что все остальное США не нужно. Когда у нас изображают «двадцатку» — НАТО + Россия — как компенсацию за вторую волну расширения, то для меня это смешно, потому что эта «двадцатка» — просто способ нас немного успокоить, погладить по головке и дать нам очередной совет, который не имеет никакого смысла, кроме одного: нейтрализации России как великой державы.

Это — первая причина, по которой теория глобализационного вхождения в западное сообщество неверна. Впрочем, если нация, страна готова согласиться на маргинальную роль, тогда можно пойти по этому пути. В конце концов, зависимое положение тоже может быть суверенным выбором. Но если нация чувствует силы играть одну из лидирующих ролей в мире, пусть не сейчас, а в будущем, тогда нам место «на краю» не подходит.

Кроме того, что на самом деле глобализационный процесс, как мне представляется, не будет столь неуклонным и по-марксистски детерминированным, как нам говорят на Западе. Согласно этой концепции, Запад будет все более наращивать свою силу, а те, кто к нему не присоединятся, будут слабее и слабее. Это спорный момент, о чем и говорит развитие Китая. При этом я не стал бы ссылаться на Китай как на мантру. Я недавно вернулся из Китая. У меня сложилось три ощущения. Ощущение первое: Китай — страна с колоссальными внутренними разрывами — даже большими, чем у нас. Когда вы приезжаете в Шанхай, то видите, что этот город через 15 лет перекроет Гонконг и, может быть, даже Манхэттен и весь Нью-Йорк, если не по совокупной финансовой мощи, то по другим

критериям. Шанхай действительно станет сердцем Азии. Но когда вы приезжаете в китайскую деревню, то там настоящий «шанхай». Туда Шанхай не придет, можно сказать, никогда — через 70–80 лет, не раньше.

Второе. В Китае идеология не играет существенной роли. Да, на площади Тяньаньмэнь рядом с портретом Мао Цзэдуна висит плакат: «Да здравствует сплоченность народов мира!». Плакат, который надо снимать, потому что никакой сплоченности народов мира давно уже нет, термин «народы мира» совершенно бессмыслен, потому что разные народы имеют разные интересы. В Китае это, в общем-то, понимают. Когда члены компартии Китая намекают, что идеология в Китае, в общем-то, для низших слоев, нельзя сделать другого вывода кроме того, что идеология в Китае тихо умирает. Идеология остается лишь как некоторое оформление власти.

Третье — и самое важное: нынешняя система власти в Китае является залогом и единственной гарантией успеха Китая в XXI веке. Именно поэтому США постоянно твердят, что необходимо Китаю навязать демократию. Как только Китаю будет навязана демократия, китайское экономическое чудо погибнет. Начнется хаос, начнутся выборы, схватки, борьба. В Шанхай хлынут миллионы бедных, и слабая власть не сможет контролировать этот процесс. Шанхай не погибнет, но уже никогда не станет Манхэттенем. Он превратится в один из супермегаполисов «третьего мира» типа Калькутты или Сан-Паулу, где очень богатый центр находится в окружении масс бедноты, нивелирующих это богатство. Такой тип развития, чтобы оставить Китай в «третьем мире», предлагают те, кто на Западе думает о будущем Китая. Они понимают: чтобы Китай не превратился в угрозу, надо его в

«третьем мире» и оставить, не дать ему подняться. Средство, чтобы оставить Китай в третьем мире, — политическая демократия.

Думаю, что Китай в обозримом будущем не пойдет по пути политической демократии. Там очень сильная азиатская традиция: продуктивный экономический авторитаризм в Азии очень в моде, азиаты сдержанно относятся к концепции демократии. Сингапурское экономическое чудо было создано при авторитарном Ли Куан Ю, южнокорейское экономическое чудо — при диктаторах, которые очень активно развивали экономику; Малайзия, которая сейчас порвала все отношения с Международным валютным фондом и также считается авторитарным режимом, тоже развивается очень успешно. Поэтому, скорее всего Китай сохранится как особый феномен. Опыт Китая показывает, что совершенно не обязательно копирование западной модели и подчинение глобализации по-американски для успешного экономического развития.

Как, с учетом всего этого, развиваться России? По какому пути идти? Да, Россия в культурном плане тяготеет к Европе, но означает ли это, что Россия должна стучаться в европейскую дверь, если эта дверь лишь чуть-чуть приоткрыта? Эта дверь для нас на цепочке. Почему? Понятно, что совсем закрыть ее как-то неудобно, во-первых. Во-вторых, Европе нужен газ — без газа ей сложно будет, нужна и нефть. Дверь же к Америке открыта широко. В конце концов, не надо преувеличивать расхождения между Европой и Америкой. Америка — это богатый племянник европейской бабушки, богатый, нахальный, агрессивный. Это одна семья. Россия же если и родственник Европы, то очень дальний, с которым лучше общаться через цепочку. Это подтверждает последняя история с Калининградом. Сейчас нам говорят, что достигнутое соглашение — большой успех российской дипломатии. Между тем Европейский

Союз нам дал то, что и хотел. Он хотел нам дать квазивизовый режим, закамуфлированный под «многократные въездные документы», вот его нам и дали. Да, нам дали облегченный визовый режим, иначе это был бы просто скандал, нам дали возможность спасти лицо, но это все же режим, ограничивающий доступ к части российской территории, — то есть цепочка на европейской двери.

Европа расширяется. Сейчас в Англии и Германии идет кампания за то, чтобы в перспективе принять в Европейский Союз Украину. Пишутся статьи о том, что «железный занавес», рухнувший во времена «холодной войны», не должен быть воздвигнут на западных границах Украины, из чего я делаю вывод, что он может быть воздвигнут на восточных границах Украины.

Россия должна в этих условиях осознать, нужно ли нам идти в Европу. Может быть, нам попытаться создать Европу у себя, внутри страны, и так присоединиться к Европе — через цивилизационное наше развитие, чем пытаться войти в общность, которая нас принять не может по определению? Мы слишком большие, у нас половина страны — в Азии, да и церковь у нас, строго говоря, не европейская. Так надо ли нам пытаться стать частью Европы в условиях, когда Европа этого не хочет, в условиях, когда Америка будет этому всячески противиться?

И последнее. Можем ли мы найти свою собственную модель участия в глобализации, как ее ищут, и достаточно успешно, китайцы, и при этом не превратиться в периферию западного мира? С точки зрения классического марксизма это невозможно. Но был в XIX веке такой философ Шопенгауэр, который отстаивал тезис о том, что на самом деле ключ к решению проблем — это наличие воли. В XX веке этот тезис был преобразован в тезис о политической воле. Фактор политической воли сейчас — решающий. С точки

зрения социально-экономического детерминизма мы уже периферия западного мира без каких-либо альтернатив. Но с точки зрения фактора политической воли у нас есть шанс. Вопрос в том, сумеет ли нация генерировать эту политическую волю в лице своего руководства. В конечном счете, это будет проверкой силы нации. Если нация не генерирует такой политической воли, то, возможно, она не имеет на это сил. Если же она сумеет генерировать этот импульс и если он найдет выражение в конкретной политике, в конкретном курсе, в конкретном лидере, то это продемонстрирует, что Россия способна находиться среди ведущих наций и в XXI веке.

Спасибо. (Аплодисменты)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

И все-таки, понять — значит спастись. Потому что понять должен не только один или несколько человек, а нация, которая может взрастить человека с умом и волей, способного вдохновить ее и повести за собой.

Я предоставляю слово послу Италии в РФ Джанфранко Бонетти. Пожалуйста, г-н посол.

Джанфранко БОНЕТТИ — посол Республики Италия в Российской Федерации

Спасибо. К сожалению, я не могу говорить по-русски. Александр Александрович, разрешите, я скажу несколько слов по-английски.

Прежде всего я хотел бы поблагодарить г-на ректора и профессора Зиновьева за направление приглашения принять участие в сегодняшнем торжественном заседании, посвященном 80-летию

А. А. Зиновьева. Я очень польщен этим приглашением и, более того, возможностью также выступить наравне с остальными участниками конференции. Я хотел бы сказать несколько слов профессору Зиновьеву.

Прежде всего, поражают масштабы научного и литературного творчества профессора Зиновьева. Мне это навеивает воспоминание о другой дате, юбилее, который мы отмечали, — это 550-летие Леонардо да Винчи. Леонардо да Винчи был великий художник и великий ученый. Вы также, Александр Александрович, являетесь выдающимся политологом, философом и литератором. Обоим вам пришлось долгое время находиться за рубежом, на чужбине. Но Вам повезло, правда, больше, чем Леонардо, потому что Вы все-таки смогли вернуться в свою страну. Через 20 или 21 год отсутствия на Родине Вы все-таки смогли вернуться для того, чтобы продолжить вносить свой вклад в ее развитие. Как отмечал профессор Ильинский в своем выступлении, Вы помогаете нам отличить добро от зла, помогаете понять нам, что необходимо делать. Я думаю, что та роль, которую Вы играете в политической мысли, важна также и для других политологов России. Более того, Вы можете помочь понять лучше Россию в мире и в Европе.

Я не знаю, правильно ли сейчас говорить о столкновении цивилизаций. Дело в том, что многие проблемы не являются чисто российскими по своей специфике. Взять хотя бы проблему бедности. Неравномерность распределения материальных богатств как между индивидами, так и между нациями, безусловно, крупнейшая проблема. Мы не сможем достичь мирного существования, пока эта проблема не будет решена.

Другая крупнейшая проблема: как спасти планету для грядущих поколений, проблема охраны окружающей среды,

проблема устойчивого развития. В нью-йоркском Музее естественной истории, например, на стене была такая надпись: природа не была дана вам вашими предками, она дана вам в аренду, чтобы передать ее вашим детям. Это, действительно, впечатляющая задача. Я уверен, что и Вы, Александр Александрович, и глубокоуважаемая авторитетная аудитория, присутствующая на сегодняшнем заседании, можете внести огромный вклад в решение этих проблем.

С точки зрения одной европейской страны, с точки зрения Европейского Союза я хотел бы сказать: мое правительство убеждено, что без России Европейский Союз не может играть в мире лидирующую роль. Глава правительства неоднократно говорил о желании видеть Россию в Европейском Союзе. Правда, у некоторых такие заявления вызывают скептицизм или открытое неприятие. Я имею в виду, естественно Западную Европу. Я думаю, что, тем не менее, это обозначает для нас определенный путь движения. Ведь в конце этой дороги мы все равно должны оказаться вместе.

Многое хотелось бы еще сказать, но, к сожалению, время моего выступления ограничено. Вот, например, с Геннадием Андреевичем хотелось бы подискутировать насчет того, что явилось причиной развала Советского Союза. Мы слышали сегодня в Вашем выступлении достаточно много критических высказываний в отношении нынешней системы власти в России, но разница в том, что Александр Александрович высказывал это гораздо раньше, когда эта власть была сильна. В силу этого он был вынужден выехать за рубеж. Но я это заявляю как друг России.

Я хотел бы подойти к заключению своего краткого выступления. Хотелось бы пожелать Вам дальнейшего творчества, чтобы Вы продолжали также плодотворно и много писать на

научные темы, а также продолжили свою литературную работу. Это поможет нам понять лучше, куда движется мир.

Спасибо. (Аплодисменты)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Дорогие друзья! Прежде, чем сделать перерыв, позвольте немного юмора, которым полны труды Александра Александровича. На этой папке, что есть у вас, написано: «Мыслитель. Философ. Логик. Социолог. Писатель. Публицист. Художник. В МГСА работает гением». Когда я сообщил в МГУ им. М. В. Ломоносова, где чествовали Александра Александровича несколько дней назад, о том, что Зиновьев работает у нас, в МГСА, это вызвало бурю возмущения: как так он работает в МГСА? Зиновьев принадлежит МГУ! Дело в том, что никто не собирается приватизировать Зиновьева. Это невозможно: он принадлежит России, миру. Но трудовая книжка Зиновьева на самом деле лежит в нашем отделе кадров. Для того чтобы нам снять этот спор окончательно, мы решили выдать удостоверение Александру Александровичу. В этом удостоверении под № 80, в графе «должность» написано: «Гений». И подпись — ректор Ильинский. Позвольте мне вручить Александру Александровичу такое удостоверение. (Вручает сувенир. Аплодисменты).

Объявляется перерыв.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Продолжаем работу конференции. Попрошу взять слово Сергея Николаевича Бабурина. Вы его все знаете как политика, как государственного деятеля. Сейчас он ректор Российского государственного торгово-экономического университета, доктор

юридических наук, профессор. Кроме того, Сергей Николаевич просто наш хороший друг и товарищ.

С. Н. БАБУРИН — ректор Российского государственного торгово-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Уважаемый Александр Александрович, я хочу начать свое выступление с выражения признательности Игорю Михайловичу и его коллегам, потому что провести конференцию, посвященную итогам XX века, и обсуждать эти итоги через призму научных взглядов, человеческой и гражданской позиции Александра Александровича Зиновьева — это и приятно, и ответственно, и исключительно справедливо. Поэтому, Игорь Михайлович, примите мою признательность за приглашение и за то, что Вы инициировали проведение сегодняшней конференции.

Уважаемые коллеги! Действительно, когда мы говорим о вкладе А. А. Зиновьева в обществознание, то сталкиваемся с многогранностью его интересов и с яркостью оценок какой бы области, какой бы сферы он ни касался в своих работах. В этом отношении, наверное, я не буду пытаться объять необъятное, тем более что в предыдущих докладах были даны очень емкие характеристики и оценки. Я сосредоточусь на одной только теме. Эта тема у меня определилась вчера, когда я, возвращаясь опять к работам Александра Александровича, посмотрел его статью «Война нового типа» в журнале «Национальные интересы». Там он не просто вернулся к проблеме сверхобщества, но аргументировано показал, что представляют собой сегодня современные международные процессы, и обосновал положение, что мы сегодня

находимся в стадии войны. Войны нового типа, когда речь идет о войне эволюционной, когда определяется будущее всей последующей эволюции человечества. В этом отношении Александр Александрович выступал и выступает не просто как нонконформист. Выступать против общепринятого можно было бы, уйдя в идеологию вопрекизма, как говорили некоторые исследователи творчества Зиновьева. Но, на мой взгляд, заслуга и собственно содержание и основная ценность работ философа, социолога, политолога Зиновьева в том, что он строит все свои исследования на принципе творческого осмысления любого общепринятого явления или явления, еще не замеченного.

В этом отношении тема моего выступления очень простая. Я бы ее назвал так: «Плоды просвещения, триумф научных технологий и затухание духовной сущности человечества». В этом отношении XX век является веком очень ярким и показательным. На мой взгляд, крупнейшим событием XX века была Великая Октябрьская социалистическая революция. И не потому, что она произошла в нашей стране, а потому, что по последствиям для развития человечества, по воплощению идеи социальной справедливости в практику, каким бы ни было это воплощение в России или в отдельно взятых странах, мы столкнулись с колоссальным развитием человечества в плане идеологическом, экономическом и во многих других. Мировая система социализма не разрушилась и не исчезла окончательно даже после гибели СССР. Что бы там ни говорили, а сегодня мы не можем вывести из этой системы Китай, Вьетнам, Кубу, ряд арабских государств. Это социальное явление и социальное достижение человечества.

Мы не можем не говорить, когда смотрим в XX век, о научно-техническом прогрессе, о кибернетике, генетике, о космосе. Мы не

можем не вспомнить, что именно в XX веке была ликвидирована система колониализма, поэтапно: от Версальского договора до Ялтинско-Потсдамских договоренностей и уже до 1960–1970-х годов.

Конечно же, существенным результатом XX века был колоссальный рост численности населения Земли. Рост в геометрической прогрессии, как бы он ни объяснялся и как бы он ни комментировался. Но я хочу выделить не результаты, не последствия и не обстоятельства, я хочу сказать даже не обо всех итогах XX века. Я не хочу повторяться. Я отмечу четыре принципиальные, на мой взгляд, позиции.

Итогом XX века, мне представляется, является то, что мир вернулся к концу XX века в цивилизационную систему координат. При том, что с XIX века мы жили в эпоху формационных антагонизмов. Мы говорили о противостоянии социально-экономических систем. Когда я говорю о цивилизационной системе координат, я, конечно же, хочу, чтобы мы разделили понятие цивилизации как историко-хронологических этапов развития человечества и цивилизации как саморазвивающейся целостной системы. Ибо советская цивилизация — это этап существования цивилизации русской, но одновременно это отдельная цивилизация со своим зарождением, развитием, взлетом и затуханием. Гибель цивилизации, на мой взгляд, не была естественной. Это было нормальное убийство, если к убийству можно применить слово «нормальное». Скажем так: ординарное.

Второй итог. XX век важен для человечества тем, что в его ходе произошел расцвет и кризис демократии. Если XIX век — это битва за свободу ради демократии, то в XXI веке, мы видим это, начинается и идет битва демократии против свободы. Я постараюсь

это аргументировать. На самом деле для человечества это очень небезопасная смена ориентиров, смена вех.

Третий итог XX века заключается в том, что общество и государство, как показали все эти сто лет, оказались не партнерами. Между ними нет никаких условий найма, когда общество нанимает государство для своей защиты от каких-либо угроз. На самом деле, общество и государство оказались сиамскими близнецами, а значит, болезнь, зарождающаяся в одном, мгновенно сказывается на здоровье второго организма. Это аллегория, но аллегория, требующая социологического осмысления этих феноменов, несколько иного, чем те, к которому мы привыкли.

Четвертый важный, на мой взгляд, итог XX века — это фиаско экономического либерализма. Сколько бы на сегодняшний день не пелось дифирамбов в адрес рыночной экономики, даже решение Нобелевского комитета за 2001 год о присуждении премии экономистам, выступающим с позиций государственного регулирования рынка как обязательного элемента, говорит о том, что во всех странах мира более адекватно воспринимают, в том числе, и итоги трансформации нашей экономики в конце XX века. А XX век показал, что в равной степени непродуктивны и недолговечны обе крайности: как абсолютизация частной собственности и надежда на так называемый неограниченный стихийный рынок, так и абсолютизация собственности государственной, когда все зарегламентировано и зарегулировано, когда нет отношений свободного товарообмена, а есть только отношения распределения фондов, когда власть, и не только, власть принадлежит не народу, а бюрократии. В этом отношении урок XX века очень поучительный.

Конечно, важно определить, куда пойдет развитие человечества в XXI веке. Если ясно, куда идти нельзя, то куда оно пойдет, это очень сложно доказать аргументировано.

Особо я бы выделил итог XX века для России. Он заключается в том, что требуется коренная корректировка движения вперед нашей цивилизации. Эта корректировка должна опираться на тот реальный факт, что в историческом споре русских народников и русских марксистов правы оказались народники. Я совершенно не могу согласиться, что XX век показал, что марксизм умер. Я думаю, что здесь идет путаница понятий. Что понимается под марксизмом? Если мы вспомним рекомендации К. Маркса в письме к Вере Засулич, что в России не надо механически следовать «Капиталу», который написан для Западной Европы, а нужно, прежде всего, исходить из наших традиций, из русской общины и опираться на общинный опыт и через него преломлять социальное развитие России, то мы должны сказать, что эту рекомендацию фактически восприняли народники, но совершенно проигнорировали большевики. Говорить о результатах того, что было в России, надо с учетом очень многих оговорок. Более того, я еще раз подчеркиваю, что для меня, например, несомненно, что эксперимент по развитию социалистической советской экономики не был завершен. Он был оборван в период, когда через реальную внутреннюю трансформацию могло выйти на новый уровень развития и советское общество, и советская экономика. То, что требовались перемены, это очевидно, но их можно было достигать совершенно другими способами.

Конечно, говоря об итогах XX века, нам очень важно осознать, насколько глубоко крушение гуманистических ценностей. Когда мы говорим о кризисе, о том, что технотронная цивилизация убивает

душу, — это не просто слова. Мы столкнулись в конце XX века с такими явлениями, когда общество вернулось к новому этапу дикости. Когда группа промышленно развитых государств может отбросить не только мораль, не только международное право, но отбросить все гуманитарные ценностные системы и, исходя из своих эгоистических интересов, бомбить суверенное государство, вначале проделав репетицию по такому произволу с Ливией, потом с Ираком, а апофеозом, конечно, была весна 1999 года — это Югославия. Именно весной 1999 года умерла Организация Объединенных Наций. Сколько бы сейчас российское руководство, и не только российское, не пыталось бы насытить жизнью и энергией эту структуру, мы должны понимать: судьба Лиги Наций ООН не минула. Если Совет безопасности, собравшись, не может остановить агрессию группы государств против одного или нескольких суверенных государств, а потом делает вид, что ничего не произошло и привлекает к суду не тех, кто напал, а того, на кого напали, то это говорит не просто о двойной системе морали в международных отношениях, это говорит о том, что действительно эпоха нового варварства — варварства технотронного — стала реальностью. Тот новый мировой порядок, который начал формироваться с гибелью Ялтинско-Потсдамской системы, — этот мировой порядок уже показал свои зубы.

Следующий шаг — Афганистан. Когда даже глава российского государства говорит в Европе, что ему не важно, есть ли доказательства виновности Бен Ладена или нет, главное, что мы поддержим США в этом вопросе, — для меня как для юриста это просто катастрофа. Как это неважно, имеются ли доказательства виновности или их нет? Как после этого может кто-то бросать камень в Вышинского — ведь мы сегодня, благодаря лидерам

мировой цивилизации, унаследовали все то, за что на протяжении многих десятилетий клеймили тоталитаризм. Сейчас у нас тоталитаризм воцарился в мировом масштабе. Он не допускает никаких демократий в отдельно взятом государстве. Если мы этот, самый главный, на мой взгляд, политический урок и политический итог XX века не заметим, то результаты могут быть самые печальные для человеческого развития. Конечно, очень жаль, что в результате нескольких столетий триумфа идей просвещения, триумфа гуманистических ценностей не просто отказались от Бога или того, что связано с понятием «душа», а цинично возвели на это самое центральное место в любой человеческой организации, будь то индивид или общество, принцип интереса. Если это моему интересу соответствует — это морально, если это интересу государства соответствует — это морально. Конечно, я вынужден сказать, что это крах многовековой философии, социологии и вообще всего общественного знания. Обществознание оказалось неспособно остановить это насилие над собой и над человечеством. Когда мы говорим это сегодня на конференции, мы должны отметить, что А. А. Зиновьев был одним из тех, кто об этих опасностях заговорил несколько десятилетий тому назад. Вспомните достаточно популярную карикатуру периода перестройки, когда у края пропасти стоит несколько человек, смотрят вниз и говорят: «Мы уже у края пропасти!». А. А. Зиновьев оказался тем художником, который несколько увеличил картинку, и это позволило увидеть, что эти люди стоят на площадке, которая в пропасть уже сорвалась и летит вниз, но они еще не замечают, они считают, что они только у края. Осознать, что мы уже летим, очень важно. Здесь я согласен с уважаемым председательствующим,

Игорем Михайловичем, что точно поставить диагноз — это шанс на выздоровление.

Я уверен, что мы должны быть социальными оптимистами, что мы должны сегодня сделать все для единения общественных и политических сил самых разных государств земного шара, чтобы остановить это падение или, по крайней мере, зацепиться за обрыв и лезть обратно. Я говорю не только о России. В данном случае я воспринимаю гибель Советского Союза как этап гибели человечества. Только в этом контексте Европа должна осмыслить то, что произошло.

Благодарю за внимание. (Аплодисменты)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Я прошу взять слово Вадима Михайловича Межуева. Он главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, профессор кафедры культурологии МГСА, доктор философских наук, профессор, а если просто сказать — философ. Из числа тех единиц, кто может носить по праву это звание.

В. М. МЕЖУЕВ — главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, профессор кафедры культурологии МГСА, доктор философских наук, профессор

Большое спасибо за то, что позволили выступить на юбилее, который, по моему мнению, является знаковым событием в нашей культурной жизни. С момента моего поступления на философский факультет Александр Александрович Зиновьев остается для меня одной из ключевых фигур в отечественной философии послевоенных лет. Я знаю его лет сорок, если не больше. Слушал

его лекции и доклады, встречался в дружеских компаниях, общался в коридорах Института философии и, разумеется, читал. За это время из всех, кого я знал, он, пожалуй, изменился менее всех. Все мы изменились и постарели, а он в моих глазах остался таким же, как и был, каким я его увидел в первый раз. Видимо, владеет каким-то секретом если не вечной молодости, то вечной бодрости и жизненной активности.

Есть философы, которые могут рассказать об Александре Александровиче лучше, чем я, знают его дольше и ближе. К сожалению, здесь не присутствует Карл Моисеевич Кантор — его ближайший друг. Нет и многих других. Я буду говорить об Александре Александровиче как только его слушатель и читатель. Для меня он, помимо своих чисто научных и философских заслуг, остается воплощением редкого по нашим временам, но, может быть, главного человеческого дара — чувства личной свободы и независимости. Среди многих его природных дарований — теоретических и художественных — способность всегда и во всем быть свободным человеком является, возможно, его главным талантом. Я принадлежу к чуть более позднему — послевоенному — поколению, и, что греха таить, к более осторожному, осмотрительному, если угодно, более конформистскому. Мы были более зависимы от среды, от власти, от окружающих обстоятельств, всегда учитывали, что можно сказать, а что нет. А вот Александр Александрович всегда говорил то, что хотел сказать, не боялся, если сказанное им не совпадало с тем, что от него ждали или хотели услышать. Быть в любых обстоятельствах самим собой и есть, видимо, свойство подлинного таланта. Если он и испытывал какую-то зависимость, то, как он сам говорит, только от собственной головы. Можно с ним спорить, не соглашаться, можно в своих

политических симпатиях и предпочтениях находиться с ним даже по разную сторону баррикад, но в плане духовном, культурном Зиновьев — фигура, бесспорно, эталонная по части интеллектуальной свободы и индивидуальной самобытности, способности думать и говорить независимо от того, выгодно это тебе или невыгодно, способствует твоей популярности и карьере или не способствует, согласятся с тобой другие или не согласятся.

И второе, о чем уже здесь говорили. При всей своей независимости и свободе Александр Александрович прямо-таки преклоняется перед теорией, истиной, логической строгостью суждения. Сочетая в себе дарование художника, писателя и ученого, он стремится одновременно к предельной объективности, непредвзятости, теоретической и фактической доказательности научного анализа. Его не прельщают лавры утописта, фантаста или ангажированного какой-то идеологией публициста и пропагандиста. В науке он — прежде всего ученый, хотя и облекает порой свои выводы в образную форму. Образ и мысль в равной мере подвластны ему, но, как мне кажется, он — не охотник их смешивать или отождествлять, легко переходя в то же время от одного к другому. Он — не сухой педант, но и не мечтатель, прожектор, парящий над действительностью. В соединении творческой свободы с объективностью и беспристрастностью теоретического (социологического прежде всего) анализа и состоит, на мой взгляд, феномен Зиновьева. Здесь не время и не место обсуждать те выводы, к которым он пришел в результате своих исследований, но они являются несомненным вкладом и в наше понимание собственной страны и ее истории, и в наше представление о современном мире. Можно опять же соглашаться или не соглашаться с этими выводами, но невозможно обойти их

стороной, сделать вид, что их просто не существует. В нашей общественной науке не так уж много имен, не просто что-то пишущих и говорящих о России, но способных предложить продуманную в своих основаниях, стройную и целостную систему взглядов на общество вообще и на российское общество за последние сто лет его существования в частности.

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о том, как мне видится XX век, в котором мы прожили большую часть своей жизни. Жалко, что ушел Пушкин. Мне хотелось бы поспорить с ним. Пушкин, на мой взгляд, произнес яркую марксистскую речь, но почему-то заявил, что марксизм умер. Непонятно только, для кого умер — для нас, для всего мира или для самого Пушкина. Вообще хоронить великих людей — дело неблагодарное. Хоронить Маркса столь же бессмысленно, как хоронить Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, хотя всегда были любители заниматься подобным ремеслом. Пока жива культура, которую создавали и прославили эти имена, они не умирают. В нашей истории мы слишком часто кого-то хоронили, потому, видимо, и живем на развалинах. Не страна, а какое-то кладбище идей и имен. Не лучше ли заменить похороны Маркса более глубоким пониманием его идей, анализом того, что в них значимо и для нашего времени. На Западе этим занимаются многие выдающиеся интеллектуалы.

Меньше всего можно обвинять Маркса в апологетике экономики вообще, рыночной тем более. Для Маркса наделение экономики функцией базиса, основы общества и есть буржуазный взгляд на общество, который может быть преодолен, однако, не теоретически, а прежде всего практически. Такой взгляд верен по отношению к буржуазному обществу, в котором экономика, действительно, все определяет, но неверен по отношению как к

предшествующей ему, так и к последующей истории. «Капитал» — главное сочинение Маркса — неслучайно имеет подзаголовок — «критика политической экономии», т. е. критика науки, положившей в основание общества чисто экономическую систему отношений.

Маркс — последовательный критик экономического детерминизма. Пока экономика господствует над политикой и культурой мы, согласно Марксу, живем не в истории, а в предыстории, т. е. не как еще свободные существа. Кто приписал Марксу идею, что экономика всегда была и будет главным делом людей, их основным занятием? В буржуазном обществе — да, но ведь оно не вечно. Экономика господствует над обществом в границах общественно-экономической формации, но Маркс не сводил к ней всю историю. Первобытность и Восток, с одной стороны, коммунизм — с другой находятся за пределами этой формации. «Царство свободы», считал Маркс, начинается «по ту сторону экономической необходимости». Наши неолибералы, ненавидящие Маркса, считающие себя антимарксистами, как раз и превращают экономику в приоритетную сферу общественного развития. Ни о чем другом они не думают и не хотят думать. Критикуют Маркса за его якобы экономический детерминизм, а сами доводят этот детерминизм до абсурда. Вот они-то и являются апологетами базисной роли экономики в жизни общества, или, что то же самое, буржуазными апологетами.

Пушков говорит, что век господства экономики над остальными сферами жизни заканчивается. Но то тем самым он говорит не о смерти марксизма, марксистского взгляда на общество, а о конце именно буржуазного взгляда на общественный процесс. Ибо если Пушков прав и век господства экономики, действительно,

уходит в прошлое, то прав и Маркс, которого он спешит похоронить. Маркс это и предсказывал.

XX век, на мой взгляд, — здесь я согласен с Пушковым — наглядно показал, что общество, руководствующееся исключительно экономическими интересами и расчетами, построенное целиком на принципе экономической эффективности и целесообразности, загоняет себя в тупик — экологический и духовный, социальный и международный. Оно в конечном счете оказывается несовместимым с основными принципами западной демократии и культуры. Вот почему европейская культура, движимая духом гуманизма и свободы, большей частью находилась в оппозиции к такому обществу. Маркс — лишь один из наиболее ярких выразителей этой оппозиции. Если сегодня и имеет место какой-то кризис, то прежде всего кризис цивилизации, сделавшей рыночную экономику и вообще экономику единственным мерилom своего процветания и успеха. Важно понять, что речь идет не о кризисе экономики и даже рынка самих по себе, а о кризисе общества, в котором они были абсолютизированы и фетишизированы, т. е., говоря попросту, о кризисе капиталистического общества в его классическом варианте. И это не просто марксистская констатация, об этом пишут многие западные социологи и философы — даже те из них, кто не причисляет себя к лагерю марксистов и социалистов.

Кризис, который мы переживаем сегодня в России, — следствие тоже не рынка, а той рыночной идеологии, которая превратила рынок, прибыль, деньги в основополагающую ценность, в единственный ориентир для политики, науки, искусства и даже морали. Поверив в исключительную силу денег, да еще в иностранной валюте, мы разменяли на нее все, что, действительно,

составляло нашу силу и гордость, — от военной и промышленной мощи до образования, науки и культуры. Те, кто взял на себя функцию рыночных реформаторов, с утра и до вечера внушают людям, что только рынок разрешит все их проблемы, что именно через рынок лежит путь к гражданскому обществу, демократии, правовому государству, всеобщему благосостоянию и социальной справедливости. Но в истории так никогда не было. Не капитализм породил демократию и правовое государство, он лишь воспользовался ими в своих целях, став в современном своем виде реальной угрозой тому и другому. Неолибералы с их идеей глобальной рыночной экономики, по словам известного немецкого социолога Ульриха Бека, являются «ликвидаторами западной цивилизации — даже если выдают себя за ее реформаторов. Их модернизация, если иметь в виду социальное государство, демократию и общество, ведет к смерти». Вспомним Великую Французскую революцию. Никто во Франции не называет ее буржуазной. Она шла не под лозунгами «Да здравствует частная собственность и рынок!», «Вся власть богатым!», а под лозунгом «Свобода, равенство, братство!». И США создавались не промышленниками и финансистами, как часто думают, а юристами — теми, кто писал американскую Конституцию. Капитализм развивался позже — как следствие политических перемен и глубоких преобразований в духовной сфере. А вот что реально произошло со свободой, равенством и братством в мире капитала — это и есть вопрос, на которой, видимо, придется отвечать XXI веку. Во всяком случае, гражданское общество, о котором мечтали все поколения наших западников, на самом Западе уже давно стало проблемой, сменилось обществом массовым, во всем противоположным гражданскому, и вообще выпало из поля зрения академической

науки и официальной — либеральной — идеологии. На первый план вышла проблема не индивидуальной свободы, а власти, которая и стала центральной темой социологических и политологических исследований, философских размышлений. Люди власти — не только политической, но и финансовой, а также так называемой «четвертой власти», власти СМИ — стали подлинными героями дня, вытеснив на периферию общественного внимания героев прошлого — борцов за свободу, инакомыслящих и просто вольнодумцев.

Свободный мыслитель в таком обществе — всегда маргинал. Прямо скажу, Зиновьев и ему подобные никогда не станут в массовом обществе «властителями дум»: предпочтение здесь всегда будет на стороне популярного телеведущего, рассуждающего обо всем на свете журналиста, кинозвезды, рок-звезды или какого-нибудь популиста от политики. В массовом обществе близость к власти более ценима, чем индивидуальная свобода, а свобода слова давно понимается как свобода продавать свое слово тем, кто хорошо платит. Правда, сейчас на Западе мы видим возрождение на новой основе интереса к гражданскому обществу, хотя преимущественно со стороны левых (социал-демократических) партий и движений.

Что же нам в России осталось от XX века? Вроде бы, действительно, одни потери: потеряли если не все, то очень многое. Даже наша победа в войне обернулась потерей того, что мы в ней защищали, — целостность СССР, строй, идеологию. А вместе с ними мы потеряли исконно российские территории, надежную оборону, мощную индустрию, бесплатные медицину и образование, право на труд, высокопрофессиональные кадры научной и технической интеллигенции и еще многое другое. Всего не перечислишь. А что приобрели взамен? Говорят, демократию и рынок. Я лично отказываюсь считать состояние хаоса и распада

демократией и рынком. Я не понимаю реформы, которая ведет к спаду производства и экономической стагнации, к обнищанию большинства и безработице, к потере какой-либо жизненной перспективы для миллионов людей. Не буду кликушествовать о гибели России (сейчас это модная тема), но нельзя не признать, что она находится сегодня в состоянии смуты и кризиса — возможно, самого острого и глубокого с момента ее освобождения от монгольского ига. А что стало причиной этого кризиса? Тому, наверное, много причин, но одна из главных, на мой взгляд, — утрата веры в возможность существования общества, построенного на принципах свободы, равенства и социальной справедливости. Поверили тому, что Маркс умер, точнее, умерла проходящая через него гуманистическая традиция европейской культуры, делающая человека целью и смыслом общественного развития. А вот то, что сам Маркс хотел похоронить, — общественный строй, основанный исключительно на власти денег и капитала, — объявили «вечно живым» и «светлым будущим» всего человечества. Хотели всего лишь перечеркнуть, выбросить на помойку около ста лет в истории России и... практически потеряли страну. Лучше всех об этом сказал сам Зиновьев: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». И дело не только в том, что ошиблись в выборе цели, а в том, что обе эти цели оказались между собой в каком-то глубоком сродстве, которое надо было, конечно, увидеть, понять и правильно объяснить.

По своей вере, морали, культуре, по самому своему духовному складу Россия — страна некапиталистическая и даже антикапиталистическая. Не в том смысле, что здесь вообще невозможны рынок, частная собственность и свободное предпринимательство, а в том, что все это она никогда не считала главной целью, высшей ценностью и основным смыслом своего

исторического существования. Я думаю, что Россия, не будучи до конца страной западной цивилизации (по характеру своего экономического, социального и государственного устройства), является во многом страной европейской культуры, важнейшей составной частью этой культуры. У нее с Европой общие духовные предки — Афины и Иерусалим, античность и христианство. Однако если в современной — буржуазной — Европе победило своеобразное неоязычество (или, как говорят, «новое варварство») с его рассудочной рациональностью, прагматизмом и утилитарной моралью, которое и стало сутью западной цивилизации, то Россия сочла своим культурным долгом защиту моральных ценностей христианства. Подобно Европе она также искала универсальное начало, способное объединять людей и народы, но полагала, что подобное начало заключено не в научно-технической и финансово-промышленной цивилизации, а в христианской (православной) этике с ее любовью и состраданием ко всем «униженным и оскорбленным». Ясно, почему из всех западных идеологий Россия в XX веке предпочла социализм: он оказался ей намного ближе и понятнее. Отрекаясь от него с целью приблизиться к современному, т. е. капиталистическому, Западу, мы в какой-то мере отрекаемся не только от русской, но и от европейской культуры, которая была и остается формой самокритики западной цивилизации. Не о том речь, чтобы отбросить экономические и политические достижения западной цивилизации, пренебречь рыночной экономикой и демократией. Маркс никому и никогда этого не советовал. Но и цивилизуясь, важно видеть в рынке и демократии не самоцель, а лишь средство по отношению к культуре — ко всему тому, что делает жизнь человека в обществе более свободной, справедливой, осмысленной и творчески насыщенной. Культура и цивилизация —

это как душа и тело: культура — душа цивилизации, цивилизация — тело культуры. Заботясь о теле, цивилизуя его, нельзя пренебрегать собственной душой, отрекаться от того, во что верили и на что надеялись лучшие умы России — те, кто создавал ее культуру. В нынешнем кризисе особое беспокойство вызывают даже не экономические трудности, а разрыв с традицией, которая побуждала русскую мысль искать формулу более достойной и справедливой жизни, чем даже та, которая достигнута на Западе. Если потеряна вера в такую жизнь, если мысль не работает на опережение уже сложившегося порядка вещей, никакая реформа не поможет преодолеть собственную отсталость. Так и будем догонять всю оставшуюся нам историю.

Во всяком случае, на вопрос о том, как нам жить дальше, мы можем и должны ответить только сами, сообразуясь со своей традицией, культурой и даже верой. Никто за нас не ответит на этот вопрос. Возможно, это и есть главный итог XX столетия, как он видится из нашей страны.

Я не знаю, что нас ждет в будущем. В истории часто происходит не так, как того ожидают. Кто мог знать, что история обретет новое направление в результате возникновения в Элладе небольшого города на десять тысяч жителей — Афин? Кто мог знать, что мир изменится после того, как в одной из далеких провинций Римской империи родится пророк по имени Иисус? Государства рушатся, цивилизации уходят в небытие, но вдруг приходят новые люди, появляются новые идеи, звучат новые слова и все возрождается с новой силой. Может быть, это чудо, а, может быть, это и есть история. Говорят, пока жив хоть один пророк, надежда остается. Правда, говорят и другое: нет пророка в своем отечестве. Но я твердо знаю, что пока в России есть те, кто думает

не только о себе или о том, как за пять дней нажить состояние, но и о стране, о вечных вопросах жизни, т. е. люди культуры, есть надежда и на наше возрождение. Не витрины модных магазинов, не особняки нуворишей, не элитные дома для богатых, не реклама на телевидении и не величина черного нала внушают мне эту надежду, а люди, остающиеся верными истине и голосу совести. Для меня существование таких людей, как Александр Зиновьев, и есть главное свидетельство того, что мы еще живы.

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Спасибо большое, Вадим Михайлович.

Слово имеет Андрей Ильич Фурсов, директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, кандидат исторических наук, член Русского интеллектуального клуба МГСА.

А. И. ФУРСОВ — директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, кандидат исторических наук, член Русского интеллектуального клуба МГСА

Уважаемые коллеги! В названии своего выступления я постарался отразить двойную тематику нашей конференции: это 80-летие А. А. Зиновьева и итоги XX века. Для этого пришлось пойти на некий плагиат по отношению к одной из статей Ленина, и я назвал свое выступление «Зиновьев как зеркало века».

XX век начинался в России, да и не только в России, с мрачных предчувствий. Например, А. Блок писал: «XX век еще бездомней, еще страшнее жизни мгла, еще чернее и огромное тень люциферова крыла».

Но на самом деле XX век прошел не только под тенью «люциферова крыла». Было много и надежд, и разочарований. Это был век великих надежд, и почти все они не сбылись. Надежды можно перечислять десятками, пятерками. Я ограничусь тремя.

Одна из главных надежд XX века заключалась в том, что, если весь мир воспримет либо капиталистическую модель, либо антикапиталистическую, советскую, коммунистическую, то весь мир, так или иначе, обретет счастье. На самом деле из этого ничего не получилось. Вадим Михайлович Межуев говорил о том, что к кризису пришло общество, которое поставило деньги и капитал во главу угла. Но к 1991 году пришло общество, которое поставило антиденеги и антикапитал во главу угла. Этот вариант тоже не осуществился.

Еще одна надежда, которая не реализовалась в XX веке. Это надежда на то, что возможно социосистемное воплощение социальной справедливости в виде коммунистического, антикапиталистического порядка. Она тоже не осуществилась.

Наконец, еще одна надежда. Это надежда на то, что техника решит все проблемы. Она тоже не осуществилась. Парадоксальным образом именно научно-техническая революция поставила крест на этих несбывшихся надеждах. Обратите внимание, что в канун научно-технической революции в 1950–1960-е годы очень модным жанром была научная фантастика. Прошла научно-техническая революция, и мода пошла на совершенно другую вещь, на

«фэнтези», на Толкиена, на Гарри Поттера и т. д. НТР удивительным образом переключила интерес с научной фантастики на ненаучную.

XX век — это век мегапроектов. Мегапроектов в XX веке было несколько. Один проект — это англосаксонский либеральный проект, проект капиталистический. Второй — антикапиталистический или такой интернационал-социалистический. И, наконец, проект, который выдвинула нацистская Германия — национал-социалистический проект. Почти все проекты по сути рухнули. Сейчас говорят о том, что победил либеральный проект. Каким образом победил? В том, что он сумел охватить примерно 20 процентов населения. Здесь говорили о том, что умер марксизм. В каком смысле умер? В известном смысле умер и либерализм. На самом деле мы сталкиваемся с кризисом универсалистского проекта в целом.

Почти незамеченным прошло такое событие как иранская революция, потому что это далеко, где-то в афро-азиатском мире (1979 год). В чем смысл иранской революции? Это первая революция на периферии мировой системы, которая прошла не только не под марксистскими левыми лозунгами, но и вообще не под светскими, а под религиозными лозунгами. После этого произошла масса мелких событий, которые очень красноречиво говорят о кризисе универсалистских ценностей как ценностей западных.

Маленький пример, который очень красноречив, на мой взгляд. В 1994 году в Сингапуре арестовали студента, который портил краской машины. Его арестовали и приговорили к шести ударам по задку бамбуковой палкой и месяцу тюрьмы. Клинтон возмутился, позвонил президенту Сингапура и сказал, что ладно, месяц тюрьмы — это нормально, но вот насчет телесных наказаний

— это не годится. На что президент Сингапура ответил, что это ваши западные ценности, а у нас свои ценности. Этот ответ был бы совершенно невозможен в 1960–1970-е годы. Это говорит о том, что на самом деле в конце XX века мы имеем дело не с кризисом марксизма или либерализма. Кризис более глубок. Это кризис универсалистских моделей. За этим кризисом скрывается очень простая вещь. В течение 200 лет нам говорили: есть универсализм. На самом деле под видом универсализма нам подавали модель развития уникальной цивилизации, которую эксплуатировал весь мир, в том числе и на основе этого мифа об универсализме, и который говорил: делайте как мы, и тогда у вас будет все в порядке. В конце XX века получается, что «делайте как мы», а на самом деле ничего не получается. В результате на Западе возникают социологические теории типа общества «20 + 80»: 20 процентов богатых и 80 процентов бедных и никакого среднего класса.

Чьим веком был XX век? Есть несколько точек зрения. Два года назад на семинаре в Люксембурге, посвященном первым пятидесяти годам XXI века, была специальная панель, чьим веком был XX век. Многие сказали, что он был американским. Кто-то говорил о том, что это был век афро-азиатских народов, которые в виде третьего мира шагнули на международную арену. И очень мало, кто говорил, что на самом деле это был век советский, век коммунистический. Я думаю, что XX век был веком советско-американским и веком противостояния двух моделей.

В 1943 году в разгар мировой войны после Ялты началась глобальная «холодная война». Эта война, в отличие от мировых, была глобальной, потому что речь шла о борьбе двух планетарных проектов. Побочным продуктом этой войны стала глобализация, которая выросла из этой глобальной войны, потому что,

действительно, правы были античные философы, говорившие о том, что борьба — это отец всего.

XX век был веком острейших противоречий. Их тоже можно считать десятками, пятерками. Я остановлюсь на пяти основных противоречиях.

XX век был веком острейших противоречий между верхами и низами. Марксисты называют это классовой борьбой, либералы говорят о социальной борьбе. XX век был веком не только борьбы труда и капитала, рабочих и капиталистов, но и веком великих крестьянских войн. Причем великие крестьянские войны произошли там, где их вообще в истории никогда не было, например, в Индии, где кастовая система блокировала возможности крестьянских восстаний. С 1946 по 1951 год было великое крестьянское восстание в Теленгране, то, чего не было никогда до этого.

Наконец, начало XX века ознаменовалось победой великой крестьянской войны в России. Строго говоря, до этого крестьянских войн в России не было. Были казацкие войны, у которых был крестьянский привес. С 1905 по 1920 год в России бушевала великая крестьянская война, которая победила. Победила в том смысле, что к 1920 году в общинной собственности оказалось 99 процентов земли, т. е. была повернута вспять столыпинская реформа. В 1921 году крестьянские восстания заставили большевиков пойти на НЭП, т. е. крестьянская война в России в начале XX века увенчалась успехом. Это был один из результатов XX века.

Второе крупное противоречие XX века — острейшее противоречие «общество — личность». XX век довел это противоречие до максимальной остроты. Это не только для тех стран, которые называются тоталитарными. Достаточно почитать

Дюрренматта, чтобы понять насколько остро это противоречие даже в такой внешне благополучной стране, как Швейцария.

Еще одно очень острое противоречие — это противоречие «Запад — Россия», которое в XX веке реализовалось как противоречие «капитализм — коммунизм». Весь XX век это противоречие реализовывало себя как противоречие двух систем. Но на самом деле это противоречие возникло не в XX веке. Оно возникло раньше. В XIX веке Россия противостояла Западу в целом только один раз в период Крымской войны, которая недооценена как некое воспоминание о будущем. А вот XX век позволил разыграть эту драму в социосистемном плане.

Еще одно противоречие. По-русски оно звучит не очень хорошо. Зигмунд Бауман, польский социолог, который работает сейчас в Великобритании, выдвинул два понятия: *глобалы* и *локалы*. 20 процентов составляют люди, которые живут в глобальном мире, и 80 процентов — в мире локальном. У нас часто говорят о глобализации. Этот термин «запустил» социолог Робертсон, но через три года он отказался от этого термина. Об этом мало кто знает. С тех пор он пользуется термином «глокализация», т. е. глобализация — это для одних глобализация, а для других — это локализация. Эти другие люди никогда не двинутся со своих мест. Кстати, для России: в советское время можно было приехать с Урала в Москву, поступить в МГУ учиться. Трудно, тяжело, но учиться. Сейчас у людей, живущих вне Москвы и Московской области, шансы приехать поступить в Московский университет и учиться очень невелики. То же самое и во всем мире.

Наконец, последнее противоречие, о котором я хочу сказать, это противоречие между западноцентричной, капиталоцентричной наукой и той реальностью, которая существует. Дело в том, что

хотим мы этого или не хотим, но будь то марксистская или либеральная наука, наука эта сформирована таким обществом, в котором собственность отделена от власти, которая очень отчетливо делится на экономическую, политическую и социальную сферы. Это прекрасно работает для объяснения буржуазного общества. Но как быть с таким аппаратом и с таким инструментарием для общества, например, где религия и политика, как в исламе, не расчленены, для анализа коммунистического общества, где власть и собственность не расчленены. То есть очень многие проблемы познания научного понимания, о которых говорил Игорь Михайлович Ильинский, связаны с тем, что мы до сих пор смотрим на мир западноцентричным взглядом даже тогда, когда в сфере науки бунтуем против Запада.

Вот обо всех тех противоречиях, о которых я сказал, практически обо всех из них написал Александр Александрович Зиновьев. Он практически все их отразил, более того — зафиксировал некие практические позиции по этим вопросам. Например, «я и государство в одном лице». Это, безусловно, теоретическое и практическое снятие противоречия «общество — личность». Для того чтобы противостоять обществу, любому, будь то западному, советскому или постсоветскому, нужно действительно становиться государством в одном лице или социальным институтом в одном лице. Почитайте «Зияющие высоты», «Желтый дом» и т. д. Я думаю, что «Желтый дом» в этом отношении лучшая работа, и это моя любимая работа Александра Александровича.

Проблема конфликта противостояния «верхи — низы». Здесь у Александра Александровича есть очень интересная вещь. Дело в том, что в 1960–1970-е годы оппозиционная мысль в Советском Союзе выдвинула несколько проектов. Обычно противопоставляется

неопочвенический проект Солженицына либерально-западническому проекту Сахарова. Это действительно так. Но был еще один проект, который противостоит этим двум проектам вместе взятым. Это проект Зиновьева. Это проект, с одной стороны, «я и государство в одном лице» и, с другой, проект, в основе которого лежит убеждение, что хороших социальных систем не бывает. Кроме того, как оказалось, и Сахаров, и Солженицын рассматривали социальный процесс как бы с позиций будущих господствующих групп. Это не потому, что они так специально придумали. Философы просвещения тоже не думали, что они работают на те социальные группы, которые победят в послереволюционной Франции, но объективно сработали на них. Дантон в этом смысле все видел. Молодому тогда еще, будущему Людовику XVIII он говорил: «На Вас, молодой человек, работаем, на вас». В этом смысле Солженицын и Сахаров работали, безусловно, на те социальные группы, которые победили в России, и то, что мы видим сейчас, это отчасти реализация их проектов. Проект Зиновьева был совсем о другом. Он — с той стороны, где нет сверху социальной пирамиды.

Проблема «Россия — Запад» и «коммунизм — западнизм», как она формулируется в работах Александра Александровича, это отражение третьего противоречия, о котором я говорил. И, наконец, никто так много не писал о проблеме понятийного аппарата и необходимости формирования мировоззрения, которое поможет преодолеть фальсифицированность советской, и не только советской, истории, как Зиновьев.

Последнее, о чем я хочу сказать. Хотя мы говорим о XX веке, я думаю, что линия, которую развивает, а в чем-то и завершает Зиновьев, на самом деле очень давняя линия русской истории. В русской истории существовало три исторические структуры власти:

московское самодержавие, петербургское самодержавие и коммунистический порядок. Как только эти системы начинали клониться под бременем противоречий, в каждой из них возникал индивид, возникала личность, которая противостояла системе как система в одном лице. В конце XVII века, в конце московского самодержавия это был Аввакум, в конце петербургского самодержавия был Лев Толстой, в конце коммунистического порядка это был Зиновьев.

Зиновьев оказался в самом сложном положении, потому что Аввакум был верующий человек. Он мог опереться на веру в Бога. Зиновьев — атеист, у него этой опоры не было. За Аввакумом стояло некое движение, за Зиновьевым никакого движение не стояло. Он государство в одном лице.

Лев Толстой мог опереться на свое происхождение. Он мог обращаться к Николаю II издевательски: «Брат мой». То есть мы с тобой одной социальной крови. Кроме того, за Львом Толстым было, хотя и переписанное на жену, тем не менее, поместье, имение. У Зиновьева ничего этого не было. То есть линия Зиновьева в противостоянии любой власти — это линия Аввакума, доведенная до своего предела. Поэтому свою статью о Зиновьеве я назвал «Великий вопрекист». Он осуществился вопреки всему: вопреки советской власти, вопреки шестидесятичеству, вопреки Западу, вопреки постсоветской системе. Это и есть тот главный урок, помимо вывода, что хороших систем не бывает, это и есть главный урок, который отражает опыт XX века, рассмотренный сквозь призму личности и трудов Зиновьева.

Спасибо. (Аплодисменты)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Спасибо.

Слово имеет Юрий Юрьевич Болдырев, член Русского интеллектуального клуба, а во всем остальном — всем известный человек.

Ю. Ю. БОЛДЫРЕВ — политический деятель, член Русского интеллектуального клуба

Уважаемые коллеги, прежде всего, для меня большая честь выступать на мероприятии, посвященном юбилею А. А. Зиновьева. Для меня также большая честь выступать среди признанных, остепененных философов, всю жизнь занимавшихся вот этими проблемами. Я не претендую на такую степень обобщения, на научную глубину. Но, мне кажется, очень важно, что Александр Александрович всегда был и есть, прежде всего, честным социальным критиком, не боявшимся очень жестко говорить о том, что мы собой представляем.

Я сейчас смотрел книгу о Сталине, которую раньше не видел. Открыл на главе о доносах. Если вчитаться, то это совершенно уничижительная правда о нас тех времен. Наверное, было бы неправильно, если бы мы сейчас упивались торжеством участия в таком мероприятии: итоги XX века. Скажите, ключевые философские международные конференции проводятся в Дранишниках или в Поповке? Нет. В этом смысле, конечно, уместно говорить об итогах XX века для России, но уместно ли нам брать на себя роль всерьез здесь сегодня в России, в ее нынешнем состоянии говорить об итогах XX века для мира? Большой вопрос. Я здесь стою на более пессимистической позиции, несмотря на все согласие

с тем, что мне бы хотелось, чтобы Россия играла в мире другую роль.

Здесь, я вижу, есть молодые люди — слушатели школы Зиновьева. Хочу обратиться к ним. Что меня тяготит больше всего сегодня? (Понятно, что, может быть, мы не хуже, чем всегда, мы другие, возвращаясь к тому, что я прочитал про доносы.) Что я вижу сегодня самой страшной нашей бедой? Самая страшная наша беда, когда мы говорим о России, о роли России, о проблеме субъектности, — *о ком мы говорим, о чем мы говорим?* Мы говорим о том, что может *элита* или о том, что может *общество*. Что может сегодня это общество?

Опять же обращаясь к студентам, приведу такой пример. Одна из последних избирательных кампаний. Более 30 процентов людей, собиравших подписи, притом, что им все объяснили, предупредили, оказались прямыми фальсификаторами. Никакой возможности апеллировать к совести по-западному или к стыду по-восточному нет. Более того, в любой аудитории, где мне приходилось выступать и говорить об этом, ответ совершенно однозначный: людям надо как-то крутиться. То есть мы сегодня живем в обществе редкого понимания простого человека. Наше общество сегодня готово принять и понять любую низость и подлость, любое предательство, никто никого ни за какое предательство не осуждает. Это главная проблема нашего общества. Что делать и как — все знают, а вот как сделать так, чтобы именно это делалось, а не что другое, я не знаю.

Есть такой философ Панарин. В одной телепередаче я обратил внимание на его фразу. (Опять же обращаюсь к девочкам, к мальчикам.) Он сказал примерно так, что в России вряд ли может что-то измениться до тех пор, пока на смену нынешнему поколению гедонистов не придет какое-то другое поколение с какими-то

другими идеями. Он не сказал, и я не говорю сейчас, с какими другими, но хоть какими-то другими, нежели абсолютный гедонизм. Я понимаю почему. Потому что страной гедонистов очень легко управлять и манипулировать тому, кто хоть чуть-чуть побогаче. Кто сегодня в мире побогаче — понятно, каковы его интересы, в том числе в отношении нас тоже понятно. До тех пор, пока на смену нам не придут другие, хоть с какими-то другими идеями, ожидать чего-то не приходится.

Возвращаясь к тому, что мы живем в обществе редкого понимания любой подлости и низости, я хотел бы сказать, что Александр Александрович для меня не тот человек, научные достижения которого я могу оценить. Я не могу оценить, я не беру на себя смелость их всерьез оценить. Но я беру на себя смелость оценить другое. Александр Александрович Зиновьев — это человек, который никогда никому не кланялся и прожил жизнь так, что есть чему завидовать. Каждый хотел бы так, но не каждый может. В этом смысле, конечно, метод жизни Александра Александровича Зиновьева, с моей точки зрения, еще более важен и ценен, нежели любое его конечное достижение как любой продукт, вышедший из-под его пера, из его рук. Спасибо Вам.

Желаю слушателям Школы Зиновьева суметь прожить жизнь в этом смысле по методу жизни хоть на какую-то часть близко к этому. Спасибо. (Аплодисменты)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Сейчас я хочу предоставить слово Александру Александровичу Зиновьеву. (Аплодисменты)

А. А. ЗИНОВЬЕВ

Дорогие друзья, спасибо вам за то, что вы пришли сюда, спасибо за добрые слова, которые были сказаны в мой адрес, спасибо тем, которые выслушали их. Не хочу лицемерить, мне приятно все было это слышать. Я из этого делаю вывод, что не зря прожил так много, не зря трудился слишком много, хотя труда слишком много никогда не бывает.

Теперь я хочу сказать несколько слов по поводу темы нашей конференции. Вся моя сознательная жизнь, начиная с 15–16 лет (в 16 лет я уже сформулировал для себя четко свою жизненную позицию) была посвящена размышлениям над основными событиями XX века. В общем, я могу сказать, что XX век вошел в мою душу целиком и полностью, и всю мою жизнь я был занят им. Все, что я писал, объектом моего внимания был XX век, все, о чем я еще буду писать — это будет XX век.

Я считаю XX век самым великим веком в истории человечества. Все, что будет происходить и происходит уже в XXI веке, было подготовлено, родилось в XX веке. Я счастлив, что я появился на свет именно в этом веке. Если бы мне пришлось выбирать, в каком веке жить, я бы выбрал наш XX век несмотря ни на что.

В XX веке произошел величайший перелом в эволюции человечества. Человечество в XX веке поднялось на более высокий уровень в смысле социальной эволюции, чем вся предшествующая история. Я выделяю два великих перелома. Первый перелом — когда человечество выделилось из животного мира. Второй величайший перелом — это то, что случилось в XX веке. В XX веке человечество осуществило переход на уровень сверхобщества. Моя жизнь сложилась так, что в ранней юности, сначала не подозревая этого, потом догадываясь, а сейчас в конце осознавая это, я сам стал

объектом этого перелома, стал его исследователем. Все, что я написал за свою жизнь, все, что я говорил, все было посвящено, оказывается, этому перелому.

Это явление грандиозное. Процесс этот происходил во многих измерениях, и было бы удивительно, если бы все люди, размышляющие над этим явлением, говорили одно и то же. Само собой разумеется, что думающие люди и говорят различное, поскольку видят различные аспекты этого процесса, поскольку сами живут в различных измерениях. Я думаю, что и в дальнейшем это будет продолжаться. Очевидно, что весь XXI век будет в интеллектуальной сфере веком осознания этого величайшего эволюционного перелома.

Я коротко скажу о сущности этого перелома и месте, какое в нем занимала и занимает до сих пор наша страна. Исторические обстоятельства сложились так, что начался этот перелом в нашей стране. Мое поколение оказалось участником этого перелома, свидетелем и в какой-то мере, а, может быть, и в большей мере, жертвой этого перелома. В нашей стране впервые в истории человечества было построено грандиозное сверхобщество. Незадолго перед смертью Андропов сказал, что мы 70 лет прожили в советском обществе, но так и не поняли его. Да, не поняли. И до сих пор оно остается непонятым. Я думаю, что пройдут еще многие годы, пока достаточно большое число людей начнет понимать его. Понимать, что у нас не просто произошла революция, не просто был сброшен царизм, не просто возникла советская власть, не просто был Гулаг, — в нашей стране родилось первое в истории человечества сверхобщество.

Я думаю, что и в моих литературных произведениях, которые фактически были лишь литературной формой изложения

социологических идей, и в социологических работах, и в публицистических я описывал Советский Союз именно как сверхобщество. Может быть, поэтому мои работы, наверное, процентов на 90 остались непонятыми. Я на это нисколько не обижаюсь, потому что не так-то просто это было и понять. Я больше 60 лет трудился в этом направлении. И то, что я написал, это только первоначальный набросок теории, которая должна быть построена.

Я думаю, что с первых же шагов моей сознательной жизни судьба избрала меня на эту роль — роль исследователя этого сверхобщества. Думаю, что я, прожив жизнь, могу уже трезво, оценить свой собственный вклад в социальные исследования. Я могу сказать, что я был первым исследователем этого феномена именно как сверхобщества.

Печатать я свои работы начал очень поздно, когда мне было 38 лет. С 16 лет до 38 лет — посчитайте, сколько лет прошло прежде, чем меня выпустили в сферу публичности. А первые результаты социологических исследований я впервые начал печатать только в 1976 году. Мне уже было 54 года.

Что касается признания... То, что я сделал в логике, первое время, когда появились мои работы, признавали, но только не в России. В России мои коллеги сделали все для того, чтобы помешать их публикации и тем более признанию. На Западе, пока я не стал разрабатывать свою логическую концепцию, меня включали в тройку крупнейших логиков мира. В России мои коллеги заявили, что мои исследования не имеют научной ценности, что не мешало заимствованиям из них. До сих пор возможности изложить свой курс логики я не имею. Даже на философском факультете МГУ я работаю, как это ни странно, профессором кафедры этики. Благодаря Саламу Керимовичу Гусейнову.

В области социологии то же самое. Вы посмотрите философские словари, энциклопедии и т. д. Там вы имени социолога Зиновьева не найдете, хотя я первый и единственный получил премию Токвиля по социологии. Получил значительно раньше Поппера. Когда выдвигались на эту премию Поппер и Зиновьев, то по настоянию Раймона Арона премию все-таки дали мне. Тогда он сказал, что работы по коммунизму Зиновьева являются первыми и единственными пока научными работами о коммунизме. Наверное, и до сих пор они остаются единственными.

Мне повезло, я несколько лет тому назад встретился с Игорем Михайловичем Ильинским. Я тогда жил на Западе. Он тогда мне сказал, что мне гарантирована работа в его институте, причем я могу делать, что захочу, т. е. разрабатывать именно те социологические идеи, которые я к тому времени уже начал публиковать. Вот и получилось так, что приятную для меня оценку моего творчества я слышу здесь, в МГСА.

Была встреча в МГУ, где точно так же высокую оценку моего творчества дали люди, от которых я этого раньше никогда не ожидал.

Теперь вернемся к XX веку. Наша страна выступила новатором в эволюционном процессе человечества. До меня это открытие дошло сравнительно поздно, уже тогда, когда я был на грани написания «Зияющих высот». Не так-то просто было прийти к такому выводу. Мы в этом отношении именно в эволюционном смысле опередили западный мир минимум на 50 лет. Я не отрицаю все недостатки советской социальной системы, я сам был критиком коммунизма. Кто знает мои ранние произведения, тот знает об этом. Я настаиваю только на том, что в эволюционном отношении это было величайшее явление в социальной истории человечества. Не

только величайшее в XX веке, но и во всей истории человечества вплоть до пещерного человека.

Западный мир так ополчился на нашу страну и на коммунистическую линию эволюции вообще вовсе не из-за Гулага, не из-за репрессий. Там были достаточно умные люди, которые поняли, какую угрозу для их существования несла эта эволюционная линия. Нет необходимости доказывать, какое впечатление произвел на человечество советский опыт. Весь XX век после 1917 года прошел под глубочайшим влиянием советского опыта. Эволюция западного мира происходила под влиянием нашего социального опыта. Война против этой эволюционной линии началась сразу после 1917 года. Она шла, не останавливаясь ни на минуту, вплоть до конца XX столетия. Да и сейчас она продолжается.

Вы знаете, чем завершился XX век: тем, что советский коммунизм был разгромлен, эта эволюционная линия была оборвана, и восторжествовал западный мир. Как бы мы к этому не относились, но даже гибель советского, русского коммунизма входит в комплекс величайших событий человечества.

Сегодня здесь говорили о том, что основным содержанием жизни человечества в XX веке была борьба двух социальных систем – коммунистической и западнистской. Я с этим согласен. Хочу добавить к сказанному лишь следующее. Социальные системы сами по себе не существуют, они возникают и существуют как системы (организации) жизни конкретных стран и народов, миров из конкретных стран и народов. XX век, начиная с Октябрьской социалистической революции 1917 года в России, проходил как борьба стран западного мира против Советского Союза и затем (после второй мировой войны) советского коммунистического (социалистического) блока. Западный мир при этом был организован

по принципам западнизма (я так называю социальный строй западных стран), советский блок — по принципам коммунизма. К концу XX века западный мир одержал победу над советским блоком. Это не означает, будто западнизм победил коммунизм. Это означает, повторяю и подчеркиваю, что мир, состоящий из множества конкретных западных стран, победил мир, состоявший из множества коммунистических стран во главе с Советским Союзом. Победил благодаря комплексу факторов, которые я в моих работах описал довольно полно. И одним из важнейших факторов явился колоссальный перевес сил Запада над советским блоком. Поражаться следует скорее не тому, что советский блок потерпел поражение, а тому, что Советский Союз мог удерживать за собой позиции и сопротивляться западному миру так долго — целых семьдесят лет. Он и дольше мог бы сохраняться и защищать себя, если бы не сработал фактор внутреннего предательства. В этой борьбе XX века советский коммунизм как социальный строй блестяще доказал свое преимущество перед западнистским социальным строем. Советский Союз явился новатором в эволюционном переходе человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ. Как я писал в предисловии к книге «Запад»: разгромив коммунизм на Востоке, Запад сам устремился в направлении сверхобщества. Сверхобщества западнистского типа, отличного от коммунистического по ряду признаков, но все же такого же уровня социальной организации. Я описал этот процесс в ряде работ, в их числе в книгах «Гибель русского коммунизма» и «На пути к сверхобществу».

Вторым крупнейшим социальным событием двадцатого года (после социалистической революции 1917 года) является, на мой взгляд, антикоммунистический переворот в России в горбачевско-

ельцинские годы. В результате переворота была оборвана коммунистическая линия социальной эволюции в рамках западной цивилизации, а Россия была сброшена с пьедестала второй сверхдержавы планеты, отброшена в эволюционном отношении на целый век назад и была направлена на путь исторической деградации. Я сожалею, что прожил слишком долго и стал свидетелем этой самой страшной трагедии русского народа и моей лично. Но раз уж так случилось, я по долгу русского человека и ученого стал исследователем гибели русского коммунизма и формирования постсоветской социальной организации. Результаты моих исследований опубликованы в книгах «Посткоммунистическая Россия», «Горбачевизм», «Катастрожка», «Смута», «Русский эксперимент», «Русская трагедия» и других. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Игоря Михайловича Ильинского за те возможности, которые он предоставил для моих исследований и пропаганды моих идей здесь, в Московской гуманитарно-социальной академии.

Игорь Михайлович в своем выступлении сказал, что главная проблема нашего времени — проблема непонимания. Обращаю внимание: не проблема понимания, а именно непонимания. Я полностью разделяю эту точку зрения. Чтобы правильно поступать, надо правильно понимать. Основная беда того, что у нас происходило и происходит, — именно непонимание реальности, в которой мы жили, живем и будем жить в обозримом будущем (если, конечно, вообще будем жить). Причем, наблюдается не просто непонимание, а тотальное помутнение умов и активное нежелание понимать реальность, страх истины, нежелание смотреть правде в лицо. А судьба нашей страны и нашего народа сейчас зависит главным образом от состояния интеллекта россиян, от способности

правильно понимать то состояние, в котором она оказалась в результате капитуляции в войне с Западом и антикоммунистического переворота, общую ситуацию на планете и пути выхода из этого состояния. Я бы даже сказал так: Россия может выкарабкаться из нынешнего катастрофального состояния только при условии, если она сумеет переумнить Запад. И это вполне возможно. Я достаточно хорошо представляю, каков интеллектуальный уровень западных теоретиков. А о политиках и говорить не приходится: вы сами постоянно можете видеть в их речах и поступках. Им высокий уровень интеллекта и не нужен: сила есть — ума не надо! Подавляющее преимущество в силе делает западную правящую и идеологическую элиту чудовищно примитивными и тупоумными существами. Это свое интеллектуальное убожество они навязывают всему человечеству. И россиянам в том числе, причем — вполне успешно. Российская правящая и идеологическая элита уже приспособилась к американской. Она стремится не переумнить, а переглупить американских хозяев и наставленников, причем — тоже вполне успешно. И это, пожалуй, главное препятствие на пути спасения России.

По моим наблюдениям, сейчас в России стремительно растет число людей, способных глубоко и без всяких иллюзий понимать происходящее в России и в мире, способных правильно оценивать перспективы России и, что особенно важно, способных действовать в духе своего понимания на благо нашего народа. На сегодняшней конференции мы имели возможность выслушать целую серию блестящих, на мой взгляд, выступлений такого рода. Надежда переумнить Запад имеет вполне реальные основания.

В заключение хочу поблагодарить всех тех, кто способствовал моему возвращению в Россию после долгой вынужденной

эмиграции и моей дальнейшей творческой и педагогической деятельности в России, и среди них особенно тех, кто организовал эту конференцию и принял в ней участие, — Игоря Михайловича Ильинского, Владислава Александровича Лекторского, Алексея Константиновича Пушкина, Геннадия Андреевича Зюганова, Сергея Николаевича Бабурина, Андрея Ильича Фурсова, Вадима Михайловича Межуева, Салама Керимовича Гусейнова, Джанфранко Бонетти и всех прочих участников конференции.

Спасибо за внимание. (Аплодисменты)

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Дорогие друзья! После того, что сказал Александр Александрович, никаких заключительных слов быть не может. Я выражу только одну мысль, которая, наверное, владеет всеми. Я получил колоссальное наслаждение от того, что я услышал сегодня. Это были блестящие выступления, каждое из которых и все вместе свидетельствуют об одном: в России есть мозги и умы, есть богатейший, великолепный интеллектуальный потенциал. Но проблема понимания остается. Потому что мало тех, кто понимает действительность вполне. Речь идет о том, чтобы понимали многие. Тогда возможно генерирование и воли, и интеллекта, и появление наверху людей, которые понимают то, что сегодня понимают Александр Александрович и многие здесь присутствующие, но не понимают те, кто принимает судьбоносные для нашего Отечества решения.

Большое спасибо всем за участие в работе. (Аплодисменты)

Содержание

Предисловие

Восьмое заседание: «Проблемы национальной идеологии»

Зиновьев А. А.

Ильинский И. М.

Алешкин П. Ф.

Болдырев Ю. Ю.

Данилин Ю. В.

Журавлев Ю. И.

Фурсов А. И.

Афанасьева О. В.

Белов П. Г.

Гундаров И. А.

Даниленко И. С.

Ивашов Л. Г.

Кара-Мурза С. Г.

Межуев В. М.

Петров В. Л.

Сапронов В. В.

Шершнева Л. И.

Девятое заседание: «Третья мировая война»

Зиновьев А. А.
Ильинский И. М.
Алешкин П. Ф.
Болдырев Ю. Ю.
Данилин Ю. В.
Журавлев Ю. И.
Михайлов И. А.
Фурсов А. И.
Шершнева Л. И.

Гусейнов А. А.
Логинов В. Т.
Межуев В. М.
Славин Б. Ф.
Толстых В. И.
Цымбурский В. Л.

Десятое заседание: «Высшее образование для XXI века»

Зиновьев А. А.
Ильинский И. М.
Алешкин П. Ф.
Болдырев Ю. Ю.
Данилин Ю. В.
Журавлев Ю. И.

Михайлов И. А.

Фурсов А. И.

Шершнева Л. И.

Долженко О. В.

Зыков М. Б.

Луков В. А.

Межуев В. М.

Пигров К. С.

Резник Ю. М.

Сапронов В. В.

Шендрик А. И.

Юдин Б. Г.

Международная научная конференция «Итоги XX века»,

посвященная 80-летию А. А. Зиновьева

Ильинский И. М.

Лекторский В. А.

Зюганов Г. А.

Пушков А. К.

Бонетти Дж.

Бабурин С. Н.

Межуев В. М.

Фурсов А. И.

Болдырев Ю. Ю.

Зиновьев А. А.